

1964

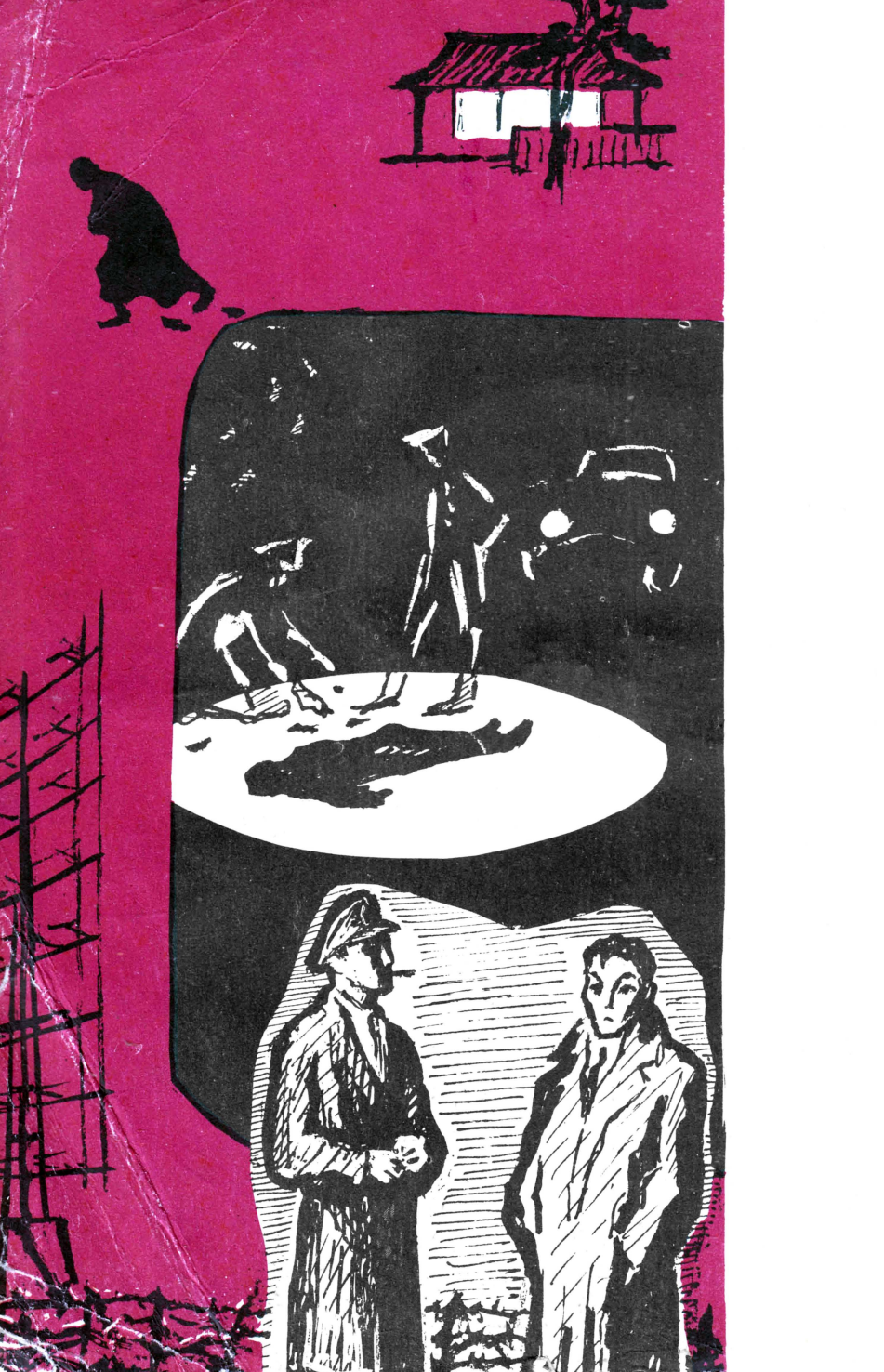
Искажатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ!

ВЛАДИСЛАВ СТЕПАНОВ. Имена неизвестных героев	3
НАУКА — ПОИСК. Дорога открытий. Беседа с профессором З. А. Роговиным	27
ГЛЕБ ГОЛУБЕВ. Огонь-хранитель	36
СЕМЕН КРИВОШЕИН. Схватка в горах	78
ИЗ БЛОКНОТА «Искаателя»	88
АРНЕ ЛЕОНХАРДТ. Признание в ночи	90
Е. ПАРНОВ, М. ЕМЦЕВ. Лоцман Кид	130
НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ. Черная Ламба	146

№ **1** (19)

1964
ЧЕТВЕРТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

Рисунок А. ЛИВАНОВА

серьезными глазами. Под номером комсомольского билета я прочел фамилию героя: Очкин Алексей Яковлевич, год вступления в комсомол — 1941...

Это был комсомольский билет человека, которого солдаты в окопах Волгограда любовно называли Алешка Огонь.

* * *

«...14 октября началась самая большая операция: в наступлении приняли участие несколько дивизий, в том числе 14-й танковый корпус, 305-я и 389-я пехотные дивизии. На Тракторный завод имени Дзержинского, на восточной окраине которого находился штаб 62-й армии русских, устремились наши войска. Со всех концов фронта, даже с флангов войск, расположенных на Дону и в калмыцких степях, стягивались подкрепления инженерных и противотанковых частей, подразделения которых были так необходимы там, где их брали. Пять саперных батальонов по воздуху были переброшены в район боев из Германии. Наступление поддерживал в полном составе 8-й авиакорпус. 14 октября в момент атаки эти наши воинские силы продвинулись на два километра, однако так и не смогли преодолеть вконец сопротивление трех дивизий русских, оборонявших завод, и овладеть отвесным берегом Волги».

Это написал наш враг — гитлеровский генерал Дьер. Ему приказал Гитлер не жалеть своих солдат и любой ценой прорваться к Волге. Но генерал так и не выполнил приказа, он вынужден признать подвиг наших солдат. Процитированные строки из книги, выпущенной уже после войны, Дьер посвятил, сам того не подозревая, и лейтенанту Очкину и его героям товарищам.

* * *

14 октября 1941 года. День, который Гитлер назначил последним сроком взятия города на Волге.

Утро ясное и холодное, в воздухе витает запах гари. Небо, высокое, застыло в ожидании чего-то грозного. На его фоне вдали — дымящиеся развалины.

Стояла в то утро необыкновенная, необъяснимая, настороженная тишина в районе Тракторного. Кто познал тишину перед боем, тот знает, как обострен бывает в эти минуты слух солдата, точно в последний раз к тебе приходят все звуки живого мира. И вот в эту подозрительную тишину издали-далека вошел прерывистый звук и по окопам пробежал говорок: «Летит!»

Алексей услышал гул приближающихся бомбардировщиков сквозь тяжелую утреннюю дрему. Выработанный на войне инстинкт в какую-то секунду, какой-то миг заставил его сбросить сон. Алексей открыл глаза. Помполит дивизиона Филимонов, ночевавший в этот раз в одном ровике с ним, уже бодрствовал. Сидя на корточках, он торопливо свертывал самокрутку. Слева от помполита Алексей разглядел Черношейкина. И уже в какой раз привычно подумал: «А все ж, брат, честное слово, с твоего отца иль деда Горький писал Челкаша». Алексею нравился этот немолодой чернявый солдат-усач. Он всегда подку-

пал лейтенанта и других своим оптимизмом, какой-то особой солдатской мудростью.

Алексей посмотрел в небо. Оно все до горизонта было закрыто стаями фашистских машин. Самолеты шли на их передний край. Они шли низко. Алексей мог разглядеть на первых бомбардировщиках черные, обведенные белой краской кресты.

— Прорвало... — вслух подумал Черношейкин.

Борис Филимонов торопливо циркал кресалом. Но трут не загорался. Борис продолжал трудиться и уже, казалось, не обращал внимания на приближающиеся самолеты. словно все дело было в том, успеет он прикурить или нет. Наконец на трут попала искра, обгорелый конец нитчатого шнура задымил. Комиссар жадно затянулся и, выпуская дым, обволок лицо голубоватым облаком.

— Теперь порядок!

И в этот миг земля будто раскололась.

Когда бомбежка ослабла, в короткие секунды между разрывами бомб Алексей с тревогой бросил взгляд на Черношейкина и тут же перевел его на Филимонова, на Степана Кухту.

Кухта лежал в углу окопа, присыпанный землей. Степан не шевелился.

И хотя бомбардировка была тяжелой, основному удару фашистской авиации подвергся шестигранник впереди, в четырехстах метрах от них (так они называли шестигранный квартал). Там поднималась к небу красно-черная стена огня, дыма и пыли. Казалось, там горело все, даже воздух. Волны вражеской авиации все накатывались и накатывались на наши позиции.

Над легкими бомбардировщиками теперь появились тяжелые «хеншели». Спустя несколько минут с глухим воем посыпались тяжелые бомбы. Земля двигалась, смещалась, будто при землетрясении. И не было никакой уверенности, что она не провалится в тартарары. И в этот миг Степан Кухта вдруг ожил. Теперь при каждом страшном разрыве бывший директор маслозавода, грузный Кухта вздрагивал всем телом, что-то выговаривая. Алексею было жутко подумать, что все они, эти люди, и Степан Кухта, и усач Черношейкин, и Борис Филимонов, и его нареченный сын Ваня Федоров, каждый из которых был им любим по-особому, могут погибнуть.

С ними Алексей прошел нелегкий путь отхода от Дона до Волги. Из «старичков» сибирской дивизии полковника Сологуба, а тем более из их дивизиона в живых осталось совсем немного. Вот почему каждая потеря «стареньких» причиняла лейтенанту особую боль. И он был бесконечно рад, что Степан вдруг зашевелился, и ползком двинулся к нему. Добравшись до Кухты, Алексей тронул его за плечо:

— Живем?

— Живем, товарищ лейтенант, — неловко повернувшись и показывая свое красное с белыми пятнами лицо, ответил Кухта.

Неподалеку упала тяжелая бомба. Их обдало волной песка и мелкого камня. Площадь заволочло густым занавесом пыли, дыма.

— Ну, дает, гад! — сплевывая песок, говорил Черношейкин.

Тяжелые бомбы с полчаса рвались в районе Тракторного, но уже по сторонам от дивизиона бронейбойщиков. На смену

«хеншелям» пришли «гармонисты». Забравшись под облака, а затем перевернувшись, фашистские бомбардировщики неслись вниз со страшным воем сирен; у самой земли, выходя из пике, обдавали наши позиции градом пуль и снарядов. Потом фашисты начали минометно-артиллерийский обстрел. Они методично, расчетливо утюжили наш передний край. А на площади, хотя туда и долетали снаряды, после столь тяжелой бомбежки казалось значительно тише.

Алексей, высовываясь из розика, кидал мелкие камешки, пытаясь попасть в вырытые впереди и по сторонам от него круглые колодцы, где прятались бронбойщики. Алексей окликал своих бойцов в шуме боя, стараясь узнать, живы ли они. К его великой радости, почти после каждого попадания камешка в колодец оттуда высовывалась голова.

— Не спать, братуха! — кричал Алексей.

— Есть! — скупо улыбаясь, отвечал солдат.

Несколько раз звонили из КП дивизии. Начальник артиллерии спрашивал о положении на участке.

— Знаю, что бомбят! — кричал в трубку подполковник Гадлевский.

КП 112-й дивизии был от них всего в четырехстах метрах. Разрывы бомб и снарядов на площади Дзержинского были хорошо видны из подвала, где располагался штаб.

...112-ю дивизию генерал Чуйко называл «челноком». Почти всегда он бросал ее туда, где было особенно трудно. И недавно, хотя в ней насчитывалось немногим больше 600 бойцов, она была переброшена под Тракторный.

— Держись, орленок, держись! — ободряюще бросал в трубку начальник артиллерии. — Укрепрайон видит танки фашистов?

Всего три месяца назад в задонской степи дивизион стал на свой первый боевой рубеж. В нем тогда было три батареи, двести семьдесят человек. Теперь осталось только семьдесят и четыре пушки. Укрепрайон, о котором спрашивал Гадлевский, — это батарея из трех пушек, это и одно орудие лейтенанта Шутова, что стояло на правом фланге нашей обороны у стадиона, да пятнадцать колодцев с бойцами, подготовившимися уничтожать танки врага. В кустах и на газонах сквера притаились остальные десять «пэтээровцев» — бойцов с противотанковыми ружьями. Это было все, чем наша оборона могла встретить здесь лавину танков врага. Артиллеристов и истребителей танков поддерживали автоматчики. Командир дивизиона был ранен. Командование принял Алексей Очкин. Ему же было поручено возглавить командование укрепрайоном.

* * *

На площади Дзержинского еще рвались снаряды. А на передний край дивизии Желудева, на гвардейцев 37-й дивизии ринулись танки. Сначала в шуме боя их лязг был не слышен. Но по мере того как артподготовка врага подвигалась в глубь нашей обороны, грохот почти двухсот танков становился все отчетливее и отчетливее. Те, кто должен был закрыть огнем вход на площадь, стали к своим орудиям и были готовы

к встрече врага. В полуразрушенном доме прямо из подъезда торчал ствол пушки, расчетом которой командовал Коля Горождецкий. Левее, в куче кирпича у полуразрушенной стены, притаился расчет орудия Саши Медведева. Третья сорокопятка должна была встретить врага со стороны сквера, при въезде с проспекта Ленина.

...Тем временем танки фашистов смяли искалеченные бомбежкой и артоподготовкой наши позиции, большой группой провалились на Ополченскую и вышли на проспект Ленина.

Они шли не скуенно, а в один-два ряда, колонной, как на параде. Они шли на площадь, где их ожидали бойцы Алексея Очкина, где звездно сходились улицы. Танки направлялись к Тракторному, к его проходной.

Алексей выскочил из ровика и побежал к крайнему орудью. Расчету Коли Мишина предстояло сделать выстрел первым в этом бою. Нарастающий гул моторов и лязг танков слышался совсем рядом. Неизвестно было, сколько их выйдет на площадь сразу.

Орудие уже было выкачено для стрельбы прямой наводкой. Все, кто был в эту секунду у пушки, притихли в ожидании вражеской машины.

Алексей сжал зубы, заметив Ваню Федорова, и пожалел, что разрешил ему вчера остаться на батарее.

* * *

В конце сентября Ваня был ранен в бою на «Баррикадах» и до вчерашнего дня находился в госпитале на левом берегу Волги. В дивизионе берегли мальчишку и старались дольше продержать его за Волгой. Но накануне по просьбе Вани было решено собрать комсомольское собрание и рассмотреть его заявление о приеме в комсомол.

Вчера комсомольцы собрались у орудия Медведева. Долгих выступлений не было, и вопрос был один — прием в члены ВЛКСМ Ивана Федорова. Когда зашла речь о том, что думают о нем комсомольцы дивизиона, прозвучал один короткий, сдержанный ответ: приема в комсомол достоин. И помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу Жора Либман здесь же, у орудия, достал непроливашку из походной, выдавшей виды дерматиновой сумки, обмакнул в тушь перо и отнюдь не каллиграфическим почерком написал в комсомольском билете фамилию Вани. Протянул новому комсомольцу билет.

На этом комсомольском собрании мальчишку можно было упрекнуть лишь в том, что он мало слушался старых солдат и лез на рожон, выказывая свою ребячью удыль. И когда его прогоняли в укрытие, неистово шумел. Наблюдая в такие минуты за парнем, усач Черношейкин подшучивал:

— Ну, Ваня, умаял ты свою няньку!

— О ком ты говоришь? — вскипал паренек.

— Известно о ком, о лейтенанте Очкине.

Ваня готов был броситься на усача с кулаками, но сдерживался и отвечал:

— Я вот передам твои слова лейтенанту.

— Передавай, — невозмутимо ронял Черношейкин и добавлял при этом: — А я б на его месте зажал бы твою башку между ног да всыпал тебе по первое число.

У Черношейкина не было зла на Ваню, но он, пожалуй, трезвее других смотрел на пребывание Федорова в дивизионе и нередко высказывался:

— Балуете вы, товарищ лейтенант, мальчишку. Не мальчишее это дело — болтаться на передовой. Война ведь не забава...

В чем-то Черношейкин был прав. Однако если на многое у Очкина и хватало воли, то отказаться от Вани, от его пребывания в дивизионе сил не было. Алексей вспомнил, как пришел к ним Ваня. Это случилось на одной из станций недалеко от Поворина, когда они ехали на фронт. Алексей выскочил из вагона, увидел на буфере паренька.

— Ты чего здесь делаешь? Тоже сообразил — забираться на буфер военного эшелона! Знаешь, что за это бывает?

Очкин стащил мальчишку с вагона. Ваня глянул на Алексея волчком и проголосил:

— У, дылда, справился с малолеткой! Конечно, у тебя ручки вон какие!

И тут же, отскочив в сторону, схватил камень, зло прокричал:

— Только попробуй подойди!

В этот момент раздался гудок, и лейтенант, не глянув на мальчишку, вскочил в вагон.

В Поворине Алексей, выйдя на перрон, вновь обнаружил на буфере мальчишку. Но в этот раз Очкин обошелся с ним более обходительно. И Ваня не мог не заметить перемены в отношении лейтенанта.

— Отца с матерью немцы убили, — затараторил он. — Никого у меня не осталось. Лейтенант, а лейтенант, возьми меня с собой на фронт!

Алексей молча, неудобно вобрав голову, пошел прочь. Но Ваня не отставал — он шел рядом, убеждал Очкина:

— Возьмите, товарищ лейтенант, ведь все равно не с вами, так с другими подамся на фронт! Возьмите, а?..

Когда поезд тронулся, их так и втащили в вагон: лейтенанта и повисшего позади на его поясе Ваню.

* * *

— Боец Федоров! Марш на КП! — закричал вдруг Алексей на своего юного друга так, что расчет вздрогнул.

— Да ладно уж тебе, Алексей, — чисто по-ребячьи Ваня ретировался за широкую спину солдата Чуварина. Возиться с Ваней стало некогда: всего в тридцати шагах показался ствол везжающего на площадь танка. Не успел он высунуться из-за угла весь, как раздались выстрелы бронбойщиков. Танк загорелся. «Молодцы!» — подумал Алексей и сделал артиллеристам знак пока не открывать огня. В этот момент верхний люк танка распахнулся, и из него, словно ошпаренный, вылетел фашист. Через передний попытался выскочить водитель. Словно точила коснулись танка — это пули рассыпали сотни искр. По машине ударили автоматчики. Второй танк стал обходить

первый. Он развернулся и с ходу понесся на колодцы броневой бойщиков, подставив свой бок под снаряды.

Каждый наводчик мечтает о таком моменте. И орудие Мишина выстрелило. Танк закружился на месте. Второй выстрел. Снаряд попал в башню и заклинил ее. Остальные машины поостерегались выходить из-за угла. Очкин ликовал.

Другая колонна танков двинулась к площади по Ополченской. И эту колонну, подбив головной танк, остановили. Фашистский танкист не обратил внимания на большую кучу щебня, а именно здесь его и подстерегала смерть. Наводчик орудия Медведева Алеша Долматов меткими выстрелами расстрелял еще два танка.

Улица оказалась запруженной подбитыми танками.

Наши солдаты и офицеры научились бить врага в уличных боях. Следуя заповеди Чуйкова, бойцы повсюду организовывались в группы, и то здесь, то там возникали сотни очагов сопротивления. Теперь враг не знал, куда ему направить свой главный удар, распылял силы.

Над городом плыл прохладный октябрьский день.

Город горел. Он горел уже третий месяц, и замполит Филимонов, поднимаясь по полуразрушенной лестнице на третий этаж выгоревшего дома, пытался определить, оглядывая окружающие развалины, что происходит в этот момент поблизости, где враг вышел к Тракторному, а где его не пустили.

Черный сажистый дым, красно-кирпичная пыль мешались, принимая бурый оттенок. Хвосты огня и дыма огромными облаками тянулись к небу и загораживали от него большую часть площади, на которой шло гигантское сражение.

Филимонов услышал гул самолетов и заторопился вниз. Было ясно: прошло около часа, как отразили атаку, и теперь самолеты идут бомбить развалины, где шли бои. А бои шли повсюду, в большой округе. «Сейчас в первую очередь они станут сбрасывать бомбы на нас», — решил Борис. Филимонов тогда так и не узнал, что же происходило на всем участке боя за Тракторный.

А произошло следующее. Сразу же после первой бомбежки фашисты бросили массу войск на позиции 37-й гвардейской дивизии, находившейся в первом эшелоне. Сто восемьдесят танков врага, сосредоточенные на узком и совершенно открытом месте, устремились на нашу оборону. Гвардейцы сражались стойко. Батальон 114-го гвардейского полка старшего лейтенанта Винокурова потерял почти весь личный состав. В живых осталось 4 человека. Соседний с ним 2-й батальон 109-го гвардейского полка под командованием гвардии старшего лейтенанта Алексея Ананьева встретил врага и дрался до последнего патрона, закрепившись в домах и развалинах. Но вражеские танки все же прорвались, смяли 524-й стрелковый полк, у которого не было достаточных противотанковых средств, однако и после этого битва здесь продолжалась. Бойцы, словно растворившись в развалинах, продолжали оказывать сопротивление. Полковая батарея 109-го гвардейского под командованием коммуниста Александра Андреевича Копалина во время бомбежки потеряла два орудия и была окружена танками. Гвардейцы не дрогнули и расстреливали в упор вражеские машины.

Были остановлены пять танков. Когда осталось единственное орудие, к нему за наводчика стал сам герой командир и метким выстрелом подбил еще один танк. Батарея погибла.

Тогда-то немцы и вышли к площади Дзержинского со стороны проспекта Ленина.

Чтобы дополнить картину, следует сказать, что вражеский танковый клин, точно топор, полоснул по телу нашей обороны, он рассекал бы ее дальше, до самой Волги, если бы не стали на их пути, на площади Дзержинского, истребители танков.

* * *

Бомбы сыпались на площадь. словно попав внутрь огромного гудящего колокола, очкинцы оглохли от страшных разрывов.

На площади пылал асфальт, железобетон и кирпич развалин, руины Тракторного. С огромной территории завода поднялись коричнево-фиолетовые облака дыма. Стало темно, как при затмении.

Прямым попаданием бомбы разбило правифланговое орудие Медведева. Саша Медведев приполз раненый в ровик к Очкину и Филимонову. Он не стонал и только запекшимися губами хватал воздух.

— А ребята где? — спросил Филимонов.

— Всех одним разом. Прямое попадание. А я как был сзади у них за спиной, ну вот и остался...

Фашисты решили, что все живое на площади после бомбежки уничтожено и путь к Волге открыт. Выползли из укрытия фашистские танки. Но словно из-под земли у двух уцелевших орудий заняли свои места оставшиеся в живых. Снова били по врагу противотанковые ружья, стреляли пушки. Еще три костра — полыхающие машины врага — выбросили султаны черной гари. Придя в неописуемую ярость, фашисты сосредоточили огонь пулеметов и автоматов на позиции, занятой дивизионом. Из семидесяти защитников площади оставалось лишь двадцать пять. На них вновь ринулись танки.

Падают один за другим восемь бойцов, и тогда к орудию бросается лейтенант Очкин. Он с Филимоновым ведет огонь из пушки по вражескому танку, подбивает его. С другого конца на площадь выскакивает еще машина. Борис Филимонов бросается к колодцу, в котором убили бойца, и бьет из ружья по танку. Танк вспыхивает.

На том месте, где еще недавно был расчет Медведева, уже установлен пулемет врага. Филимонов затекает с вражеским пулеметчиком отчаянную дуэль и заставляет пулемет замолчать. Со стороны проспекта вновь появляются танки. Командир левифлангового орудия Мишин убит. В живых осталось только трое, и один из них — Ваня Федоров. Очкин видит, как любимца дивизиона окружают фашисты. Надо что-то немедленно предпринять. Алексей хочет броситься на помощь к Ване, но комиссар, с силой швырнув его назад, к орудию, кричит:

— Назад, танки!

Только сейчас Очкин видит выползшие из развалин три машины врага. Он ведет огонь и поджигает еще один танк. А Ваня

Федоров... Филимонов и Очкин видят, как повисла безжизненно его левая рука. Ваня швыряет гранату в приближающийся танк. Недалеке рвется снаряд и отрывает мальчугану кисть правой руки. Ваня берет зубами ручку тяжелой противотанковой гранаты и, придерживая ее обрубком руки, обливаясь кровью, выскакивает из ровика — под гусеницу вражеской машины. Танк остановлен.

Враг опять вызвал авиацию. «Юнкерсы» снова бомбят площадь. Зная, что фашисты во время налета не посмеют поднять головы, Очкин и Филимонов решают под прикрытием вражеской бомбежки, захватив с собой уцелевшую пушку, снаряды и раненых, отойти к проходной завода и укрыться там.

Алексей с тремя автоматчиками прикрывает отход Филимонова. Помполит с бойцами катит пушку к проходной, затем они возвращаются и, уложив раненых на носилки из противотанковых ружей и плащ-палаток, пересекают площадь. Последним к проходной бежит Алексей.

У стены им удается продержаться до темноты. К ночи группа Алексея и Филимонова переходит в полуразрушенный сборочный цех. Семь раненых бойцов, вынесенных с поля боя, стонут, просят пить, но им нельзя уделить ни минуты. Нельзя отойти ни на шаг от проемов. В цех могут ворваться фашисты. Где-то совсем рядом идет пальба. Очкин устанавливает связь с соседним цехом, откуда доносятся выстрелы. Стало известно: в кузнечном держат оборону бойцы из 524-го полка их дивизии. Здесь же они встретили рабочего из заводской дружины. Он помогает отыскать в цехе, в трубах ржавую воду. Ею удается напоить раненых. Солдаты, порвав на себе нижние рубашки, перевязывают товарищей.

Утром создалось угрожающее положение для обороны соседнего цеха. Неожиданным броском фашисты выбили наших бойцов. Увидев через проем стены отходящих, Алексей крикнул Филимонову:

— Товарищ помполит, там неувязка, я пошел!.. — и бросился наперерез. За ним — Шутов, Черношейкин.

— Стой! Куда? Цех отдали?

Бойцы не знали Очкина, но подчинились офицеру. Фашисты не ожидали возвращения отступавших. Этим и воспользовались наши бойцы. Они выбили противника из цеха.

Через полчаса за цех снова разгорелось целое сражение. Очкин, сознавая, что силы далеко не равные, пускается на хитрость. Оставив в зарослях исковерканного бетона группу автоматчиков, он инсценирует отход. Фашисты вваливаются в цех. Из развалин их встречает кинжальный огонь автоматчиков. Оставшиеся в живых гитлеровцы разбегаются. Фашисты после этого случая боялись сунуться в цех.

К этому времени танки и автоматчики врага отрезали группу Алексея Очкина от Бориса Филимонова.

Отчаявшись справиться с маленькими гарнизонами в цехах, фашисты прекратили натиск, они решили стереть с лица земли разрушенные и полуразрушенные цехи завода и их мужественных защитников огнем артиллерии, минометов и авиации.

Кузнечный цех, где засели очкинцы, стал подобен кромешному аду. Ярким пламенем горели промасленные ямы, на месте которых некогда стояли прессы. Языки пламени лизали все, что могло и не могло гореть. Люди задыхались в удушливом смраде горящих масел. Один из бойцов, не выдержав, выбежал. Окружавшие цех фашисты соскочили его автоматным огнем. Гитлеровцы решили смельчаков.

Патроны у наших бойцов были уже на исходе, гранат почти не осталось. От жара начинали тлеть гимнастерки. Тогда старший сержант Козачок сказал Алексею:

— На берегу, за обрывом — пункт боеприпасов 524-го полка.

Очкин прокричал:

— Товарищи, будем пробиваться к Волге! В нижний поселок! Там патроны!

Враг уже считал, что наши солдаты сгорели, как вдруг из огня на фашистов бросились люди в дымящихся гимнастерках.

Отстреливаясь, солдаты пробились к недостроенному Дворцу культуры, где размещался КП 112-й дивизии. В подвале Очкин обнаружил передовой отряд медсанбата. Врачи и медсестры, в большинстве безоружные, не хотели уходить без приказа. Очкин принудил их покинуть подвал и, прикрывая их отход огнем автоматов, дал возможность медикам отползти к круче и по обрывистому берегу Волги спуститься вниз.

В это время фашисты стали обходить Дворец культуры. В подвале набралось солдат сорок. Здесь были и те, кто сражался с Алексеем в цехах Тракторного, и другие, незнакомые, которых Очкин видел впервые. Надо было уходить к Волге, к круче. Там Алексей намеревался занять новый рубеж, но можно было пробиться и за речушку Мечетку, куда ушли врачи. Обратившись ко всем, Очкин глухо сказал:

— Мы идем на кручу. Внизу под ней, на берегу, склад боеприпасов. — Помолчав, добавил: — На кручу идут добровольцы. Это он сказал тем солдатам, которых не знал. Стало тихо, лишь пули цокали о камни.

— Ну, пошли! — приказал Алексей.

Бойцы выбрались из подвалов и стали сосредоточиваться в южной части Дворца культуры. Алексей осмотрел из-за камня путь, по которому им предстояло пройти к круче, — метров четыреста. Главное было добраться к круче с меньшими потерями, иначе их сразу же могут сбросить в Волгу. Фашисты хотя и окружили развалины дворца, но кольцо их, судя по выстрелам, было не таким уж плотным. Гитлеровцам, конечно, и в голову не приходило, что найдутся такие, кто решится вдруг занять оборону на самом обрыве, на кромке.

Группу прорыва возглавил Коля Смородников. Бойцы, неожиданно выскочив из развалин, пересекли открытую местность и, не дав гитлеровцам опомниться, ворвались в развалины дома неподалеку. Было очень важно выбить фашистов из этого разрушенного дома. Тогда появлялась возможность простреливать левый и правый фланги. Кольцо было разорвано. И не только разорвано, но раздвинуто. В образовавшуюся брешь бросились все, кто оставался к этому времени в подвале. Короткими перебежками бойцы устремились к волжскому обрыву. Уже при

подходе к нему Алексей приказал Черношейкину закрепиться слева, в трансформаторной будке, и пулеметным огнем прикрыть отход к круче группы Смородникова.

Фашисты оторопели. Еще недооценивая происшедшее, они вяло обстреливали откатывающиеся к кромке обрыва группы наших бойцов.

Люди, подбегая к обрыву, ложились на его край животом, а ноги, черкнув в воздухе, начинали осторожно нащупывать опору.

К пяти часам вечера все, кто был в окруженном подвале, с небольшими потерями пробились к круче.

Первый выстрел с нее по врагу возвестил о том, что бой за Тракторный еще не кончился.

...Круча — почти отвесный тридцатиметровый обрыв. Здесь, почувя простор, любит гулять ветер. Сюда по пути в Заволжье приносит свой полынный запах брат волжского ветра — озорной дончак. Сюда приходили любоваться раздольем Волги. От ощущения простора здесь захватывает дух, от одного взгляда вниз кружится голова. Там, далеко внизу, узкая полоска песчаной отмели.

Алексей занял место в центре кручи и передал по цепочке первую команду:

— Крепись, ребята! Жизнь или Волга!

Фашисты, все еще не веря в затею русских, ничего серьезного не предпринимали. Временами из Дворца культуры, который наши только что покинули, долетало:

— Русс!.. Буль-буль!.. Волга!

По цепочке побежал приказ — командование оборонной принял на себя лейтенант Очкин. Лейтенант приказал занять интервал в обороне пять-шесть метров друг от друга.

Оставшись на кромке, Алексей спешно послал вниз лейтенанта Шутова и сержанта Козачка.

С ними ушли два бойца из чужой дивизии, назвавшие себя минометчиками. Очкин приказал сержанту Козачку выяснить, есть ли на складе боеприпасов мины. Если есть, будет у них минометная батарея из двух ротных минометов. Лейтенанта Васю Шутова Алексей назначил начальником штаба. Ушла вниз к Волге и медсестра Тоня Давыдова. Ей было приказано организовать место для раненых.

* * *

Козачок шел знакомым маршрутом, по которому он пробирался еще несколько дней назад. Вася Шутов «колобком» вертикально спускался под кручу, поспевая за рослым стройным чернобровым Козачком. Пройдя шагов сто, остановились у округлого входа в пещеру. Таких пещер, а точнее — таких проходов, очевидно вырытых еще мальчишками, было на берегу много. По-видимому, одну из них углубили и расширили саперы из 112-й дивизии, сделав ее военным складом.

У входа в склад их встретил пожилой солдат с автоматом. Рядом с ним сидел старшина, раненный в левую ногу. Они оба испытующе посмотрели на лейтенанта и солдат. Они еще, оче-

видно, не знали, что произошло на Тракторном. Из разговора выяснилось: еще днем двое от них ушли в штаб дивизии и до сих пор так и не возвратились.

— Ну, вот что, снабжать, кроме как нас, некого, — откашливаясь, проговорил Козачок. — Наверху наш лейтенант Алексей Очкин занял оборону и приказал нам немедленно доставить все, что у вас есть, наверх, на кручу.

Старшина подумал и ответил:

— Понятно.

Козачок окинул взглядом хорошо отделанную тесом пещеру. При свете керосиновой лампы он увидел ящики с гранатами, ящички с минами, с автоматными дисками, а в углу — трубу миномета без плиты.

При их голоде на артиллерийские средства этот нуждавшийся в починке миномет, из которого все же можно было стрелять, оказался большой находкой.

— Здесь бы местечко для лазарета выкроить, — проговорил Тоня.

Лазарет был действительно нужен. Все принялись за дело, сдвигая содержимое склада ближе к выходу, к одной стороне.

Никто из них не думал о смерти, и никто из них не знал, сколько они продержатся на этом совершенно фантастическом рубеже. Но каждый действовал так, словно здесь, на круче, они собирались зимовать.

Лейтенант Шутов обнаружил на складе пулемет и приказал бывшему начальнику склада занять оборону слева, у подошвы кручи. Шутов боялся, что враг, быть может, попытается обойти их с тыла. Остальные нагрузились, как могли, гранатами, автоматными дисками и стали карабкаться вверх. Надо было спешить. Там, наверху, к этому времени уже шла ожесточенная перестрелка.

Тридцать метров вверх по крутому подъему, тридцать метров вниз по трудному спуску, а взять в один раз много боеприпасов нельзя. Да и из тех, кто подносил их, Алексей половине пока приказал остаться на круче. Предстоял тяжелый бой. Оглядываясь время от времени назад, на берег Волги, Алексей случайно увидел валяющуюся внизу, на песке, ржавую бадейку. Он решил, что ее надо использовать. В какой-то степени это решало задачу доставки боеприпасов со склада на кромку. Нужны были трос или хотя бы крепкая веревка, но ни тем, ни другим они не располагали.

— Придется пожертвовать на это дело обмотки, — подмигнув, предложил Сергиенко, и через несколько минут сверху вниз уже летели десятки прочных солдатских обмоток.

Больше всего Алексей беспокоился за свой правый фланг, который очень близко подходил к позициям фашистов. Было хорошо видно, как они сосредоточивались в ближних развалинах, готовясь к атаке.

«Скоро начнут», — подумал Алексей.

Разрывы снарядов и мин начали рвать землю в десятках метров от кромки кручи. Волна огня и металла взяла старт и приближалась, готовая сокрушить, захлестнуть их. Когда она подкатилась совсем близко, из развалин высочили гитлеровцы

и, пригибаясь, бросились к кромке. Тут же ураган огня соскользнул с кручи. Теперь мины и снаряды гулко рвались позади, подымая в Волге высокие фонтаны брызг.

Вся круча словно встрепенулась. Забили пулеметы, раздались автоматные очереди. Вначале огонь был недружный, частый, беспорядочный, но вскоре бойцы стали бить по врагу залпами.

Фашисты остервенело лезли напролом. Теперь они, очевидно, поняли, что взять этот рубеж будет не так легко...

Защитники кручи швыряли и швыряли гранаты в наступающие цепи гитлеровцев.

В самом разгаре боя на правом фланге смолк пулемет. Алексей скрипнул зубами, прокричал, чтобы те, кто был ближе всех к пулемету, узнали, в чем там дело.

Фашисты стали наседать упорнее.

Алексей интуитивно стал ощущать, что их вот-вот могут опрокинуть.

Натиск немцев достиг предела. Вскочив во весь рост, Алексей с неистовым криком: «Бей гадов!» — очутился среди гитлеровцев. Он думал лишь о том, чтобы вовремя и быстро опускаться и поднимать автомат, колотя им вражеских солдат. Это произошло в секунды.

Вслед за лейтенантом поднялись все защитники. Семьдесят солдат оказались среди растерявшихся на миг гитлеровцев.

Фашисты не выдержали, побежали назад. Наши провожали их до самого Дворца культуры, поливая огнем из автоматов.

Возвращаясь обратно к круче, Алексей подумывал, что надо бежать скорее: враг не замедлит ударить вслед. Надо было бы прижаться к позициям врага. Но сейчас уже поздно, да и вряд ли можно при их запасе боеприпасов отходить далеко от кручи.

Бойцы вновь залегли на кромке. Опять шквал огня, волной приближающийся к круче. Один за другим гибли ее защитники. Если бы им удалось закопаться в землю!..

Вдруг Алексей услышал крик падающего вниз раненого и вздрогнул. Ничто на него не действовало так, как этот крик. В шуме боя голос погибающего бойца гулко, далеким раскатистым эхом скользнул по простору Волги.

Только в темноте фашисты отказались продолжать атаки.

С приходом ночи бойцы принялись долбить землю.

* * *

Посланные на правый фланг Черношейкин и Пивоваров, наконец, доползли. Пивоваров тронул холодный металл пулемета рукой и, оглядев его, убедился, что оружие цело. Покосился на убитого. Молодой незнакомый паренек лежал, уронив голову на вытянутую руку. Он лежал вниз лицом: ноги его свисали с кручи, как с полки в поезде.

— Его-то куда? — спросил Черношейкин.

Пивоваров, повернув голову, задумался. Он смотрел, не мигая, и при свете чертивших небо ракет, при отсвете далекого пожара Черношейкин разглядел зеленое лицо и такие же кажущиеся зелеными, глубоко посаженные глаза. Пивоварова взволновала гибель этого молодого солдата.

— Куда? — переспросил Пивоваров. — А кто его знает куда...

— Может, спустим его вниз? — предложил Черношейкин.

— Как спустим вниз? — востропился Пивоваров.

— Да так, с края подтолкнем его... Теперь все равно.

— Ну что ты за человек! Удивляюсь я тебе, Черношейкин!

Осторожно взяв под руки убитого, Пивоваров отполз с ним в сторону, к самому краю оврага, спускавшегося к Мечетке. Когда вернулся, откашлявшись, сказал Черношейкину:

— Ну вот, мало-мало управимся, да и спустим паренька вниз. Похороним его по всем правилам внизу, у воды. Пусть слушает Волгу.

Черношейкин ничего не ответил. В этот момент рядом слышался голос Сергиенко:

— Черношейкин, ты?

— Я, — ответил Черношейкин. — Чего тебя, слепого, носит?

Коля Сергиенко был близоруким, ходил в очках, но не любил напоминаний об этом и сказал строго:

— Командир приказал. Он меня назначил вторым номером к Пивоварову. А тебя требует к себе.

— Ну что ж, раз приказ, иди, Черношейкин, — сказал Пивоваров. — А справим дом, заходи на новоселье.

Черношейкин полз назад, стараясь добраться как можно скорее. Ведь к утру надо было заготовить себе место перед трудным боем, надо было вырыть на круче гнездо. Черношейкин наперед знал, что будет утром. Да чтобы представить это, не требовалось большой фантазии. Он полз мимо людей, которые все занимались одним: кто лопатой, кто просто финкой, кто куском железа, — все они долбили землю.

Ветер раздувал угли пожарищ. Языки пламени поднимались высоко над развалинами, освещая фантастические руины горящего города.

Тракторный продолжал гореть. На фоне его зарева временами появлялись черные силуэты вырвавшихся из окружения наших бойцов. Несколько часов назад услышав звуки боя, они теперь, точно к магниту, по одному, по двое просачивались сквозь порядки противника к круче. Небритые, изнуренные непрерывным боем, они выходили, радовались грубому солдатскому оклику, точно материнскому голосу.

Сколько их собралось на круче, Очкин еще не знал. Ему нередко то с правого, то с левого флангов докладывали, что на кручу прибыло пополнение. Кое-кого ему самому довелось встречать окликом.

Всю ночь дежурные из фашистских окопов прерывистым беглым огнем простреливали кручу. Временами в полночном мглистом небе появлялись вражеские самолеты-разведчики. Они сбрасывали осветительные «люстры» и уходили. Становилось светло, как на площади столичного города. Зайцев, пэтээровец из дивизиона Очкина, сострил: «Как на карнавале в Венеции. Благодать! Сколько света!..»

Зайцев и Алексей уже приготовили себе колодцы по грудь глубиной. Перед кромкой повсюду выросли бугорки земли. Алексей от души радовался, что они выдержали бой. Теперь им удалось закрепиться на обрыве, они выстоят наверняка.

— Ну, вот что, Зайцев, оползи весь левый фланг. Выясни, как там положение. Если кто запаздывает с рытьем окопчиков, разыщи для того лопату, действуй от моего имени.

— Есть!

— Свою, между прочим, отдай первым. А мы здесь с тобой докопаем и одной.

Сам Алексей, захватив с собой Черношейкина, решил обследовать правый фланг. Очкина тревожил именно этот участок, и он подумал о том, что хорошо бы минировать подступы к нему, а если хватит мин, то минировать вообще подступы ко всей кромке.

«Интересно, а есть ли во Дворце культуры фашисты или оставили его? — размышлял Алексей, подползая к Пивоварову и Сергиенко. — Надо бы точно разведать, где сейчас находятся гитлеровцы».

— Добрый вечер, товарищ лейтенант! Пожалуйте в гости, — встретил его Пивоваров.

* * *

У Пивоварова и Сергиенко не было лопаты, и они выходили из положения с помощью длинного куска железа.

— Скоро до дна Волги доберемся? — приблизившись вплотную, весело спросил Алексей.

— Докопаемся, товарищ лейтенант, обязательно...

Сергиенко молчал. Он с упорством продолжал кромсать землю и тяжело сопел.

— Что слышно? — кивая в сторону немцев, спросил Пивоварова Алексей.

— Ничего, постреливают.

— Есть ли немцы во Дворце культуры?

— Пока не видать, а там кто его знает, может, притаились.

— А надо бы выяснить это, — вслух подумал Алексей.

Поговорив с Пивоваровым, он собрался с Черношейкиным ползти к Дворцу культуры. Они уже отползли несколько метров, когда сзади послышался голос Пивоварова:

— Товарищ лейтенант, не дело вы затеяли!

— А что?

— Если убьют вас, тогда военный совет создавать, что ли? Так нельзя.

Несмотря на свою горячность, Алексей понял, что Пивоваров прав. После него старшим по званию на круче был Вася Шутов. Застенчивый, исполнительный лейтенант, Вася мог быть отличным начальником штаба, но вот обороной командовать ему было бы нелегко. Очкин действительно не имел права рисковать, будучи командиром обороны. Но кто пойдет в разведку, если не он? Пивоваров? Черношейкин? Сергиенко?

Коля Смородников! Ведь именно он, Коля Смородников, неизменно всегда ходил с ним, когда этого требовала обстановка и когда в разведку комдив посылал его, Очкина.

Алексей не мог не вспомнить одного памятного похода в расположение врага, который довелось им предпринять, еще будучи на Дону. Это было в те тяжелые для дивизии дни, когда только что погиб их любимый комдив Сологуб и

когда из-за Дона не вернулся, не переправился на противоположный берег целый полк из их дивизии.

Это случилось при отходе. Одному полку там, в Донской степи, было приказано прикрывать отход остальных. Судьба полка всех волновала.

Ни один человек из него не вернулся на левый берег.

Командование дивизии поручило тогда ему, Алексею, возглавить разведку и попытаться выяснить, что же случилось с полком. Никто не верил, что сибиряки, даже оставшись в небольшом числе, могли сдать.

Очкин и Смородников переправлялись за Дон. Возвращаясь, приносили много винтовок, противотанковых ружей, пулеметы с наших подбитых танков. Однажды, забравшись в танк, Алексей увидел зеркальце из нержавеющей уральской стали, отвинтил его, подумав: «На фронте такое зеркальце — находка, не разобьется».

О судьбе полка узнать не удавалось.

Никаких следов!

Несколько раз после этого они переправлялись и выше по Дону, но возвращались ни с чем.

Однажды рассвет застал разведчиков на той стороне Дона, когда они хотели переплыть через реку. Они заметили, что всего в нескольких десятках шагов проходит укрепленная линия обороны фашистов. Всего в десяти шагах перед ними был вход в дот. Солдаты ели арбуз. Разведчики залегли и только тут увидели страшную картину. Совсем рядом с ними, левее, у самой реки, лежали распластанные трупы. Это были они, сибиряки. Полк погиб, прижатый к самому берегу, не выпуская из рук винтовок. Весь. Видно было, что бой проходил жестокий и каждый боец погиб как герой.

Быстро поднималось солнце. Прошел час, и оно стало припекать. Смерд разлагавшихся трупов поднялся над берегом. Лежать пришлось в застывшей позе; от тяжелого напряжения все плыло перед глазами, мучила жажда. В амбразуре показалась вытянутая рука с парабеллумом. Рука двигалась из стороны в сторону пистолет. Неужели заметили? Гитлеровец целился долго, а они ждали. Грохнул выстрел. Пуля врезалась в ногу Алексея.

Он не пошевелинулся, не издал звука.

В часе 60 минут, в летнем дне — 19 часов. 19 часов — это 1 140 минут и 68 400 секунд. 68 400 секунд надо было ждать, надо было терпеть. И они выдержали эти тягостные секунды и часы. Еле дождавшись темноты, сползли к реке и, прячась в темноте, долго не могли оторваться от воды.

Из этой разведки они принесли окровавленные партийные и комсомольские билеты и солдатские книжки.

Алексею никогда не доводилось прежде говорить Николаю напутствие — всегда они уходили вместе. Вместе! А вот сейчас Смородников шел в разведку без него. Со Смородниковым ушли еще трое. Они уползли в темноту, а спустя час послышались за Дворцом культуры разрывы гранат и отчаянная стрельба из автоматов.

Алексей отлично разбирался в азбуке боя. Это рвались те

самые гранаты, которыми они снабдили разведчиков. Стрельба была недружной, и Очкин определил, что немцы отходят.

Наши разведчики подняли в стане врага переполох, и гитлеровцы, боясь окружения, отошли от кручи. Защитники кручи стали спешно минировать подступы к обрыву. Потом все замерло. Люди спали, обхватив автоматы, только Очкин да трое дозорных бодрствовали. Лейтенант пробрался на левый фланг, чтобы осмотреть с него весь низкий берег, уходящий к развалинам завода «Баррикады».

Он увидел, что почти на всем пятнадцатикилометровом пространстве враг вышел к Волге.

Вечером второго дня, когда стемнело, Алексей по цепочке передал вызов Смородникову.

Николай приполз.

— Необходимо наладить связь со штабом армии, — тихо сказал Алексей. — Надо попытаться пробраться через Мечетку в расположение бригады Горохова.

— Когда идти? — спросил Николай.

— Сейчас... При возвращении — пароль «Орленок».

Колу ушел. А далеко за полночь на правом фланге дежурившие у пулемета часовые окликнули поднявшиеся с земли силуэты.

— Орленок! — ответил негромко голос из темноты.

К великой радости Алексея, вместе с Колей на кручу пришел Степан Кухта. С ним также пришли еще три бойца. Вместе с Николаем на кручу пришел и посланец политотдела дивизии майор Иванов.

Алексей обнялся со Степаном Кухтой. Они расцеловались.

— Вот, чертушка, пришел!..

— А я как узнал, что вы здесь, так сразу сказал, что иду на кручу к своему лейтенанту.

— Правильно поступил. Быть тебе, Степан, начальником тыла нашей обороны!

* * *

Приход на кручу майора поднял у всех дух: о них знают теперь, за ними будет следить весь фронт.

Майор ушел.

И когда назавтра во время атаки фашистов с противоположной стороны Волги ударили пушки тяжелой дивизионной артиллерии, вся круча огласилась восторженными возгласами:

— Ага, фашистская сволочь! С нами вся армия!

* * *

Поддавив, наконец, на Тракторном все очаги сопротивления и сделав передышку, на третий день гитлеровцы обрушились на кручу всей мощью. Однако сбросить гарнизон Очкина в Волгу им не удалось.

Очкинцам помогла артиллерия с того берега Волги, выручила прилетевшая эскадрилья наших «Илов». В самый разгар атаки фашистов девятка наших штурмовиков вынырнула из-за кромки, пронеслась буквально над головами врагов, поливая

их огнем пулеметов. Затем, сделав заход, выпустила весь свой запас «эрэсов»¹ в скопления второго эшелона гитлеровцев.

Атака фашистов захлебнулась. В этот день они больше не решались наступать на кручу.

Установив в ближних развалинах громкоговорители, гитлеровцы каждый день начинали с уговоров сдаться, обещая сохранить воинские звания и даже дать награды: каждому солдату — «железный крест 3-й степени», а офицеру — «железный крест с дубовыми листьями».

В ответ на такие посулы над кромкой появлялись сбитые из легких дощечек и щепок кресты.

Несколько голосов кричали:

— А мы вам деревянные приготовили!

Часто к этому добавлялось крепкое солдатское словцо.

На четвертый и на пятый день боев за кручу фашисты по шесть раз за сутки предпринимали отчаянные воздушные и артиллерийские налеты.

Наконец они решили, что без танков подавить оборону на круче им не удастся. Но попытки применить танки окончились для них неудачей. Две машины подорвались на минах. Пустить в атаку большое количество танков и одним разом, невзирая на потери, подавить оборону гитлеровцы не решались, боясь, что песчаная круча под тяжестью машин может обрушиться у кромки.

На шестой день наступило затишье. Алексей почувствовал: это неспроста, враги что-то затевают. Каждую ночь защитники кручи наводили порядок в минировании подступов, делая памятные отметки. Ведь каждую ночь через минные поля должны были уходить в расположение врага разведчики. Алексей избрал тактику: постоянно беспокоить фашистов.

А продуктов не было. С рассвета 14 октября многие не держали во рту ни крошки. Не было и питьевой воды. Воду, загрязненную нефтью (от потопленных барж и буксиров), брали прямо из Волги.

Под кручей в Волге плавало много дохлой, оглушенной снарядными минами рыбы. Ее приняли «на вооружение». Нацепив на щепку, пекли на костре, ели сырую. И вдруг неожиданно-негаданно бойцы донесли Очкину:

— Товарищ командир, на берегу обнаружен полусасыпанный блиндаж с провиантом.

Такое богатство! Тут же была снаряжена «экспедиция» за продуктами. Но войти в блиндаж оказалось не так легко. В темноте на бочках лежал интендант-старик, полусумасшедший. Он неистово кричал: «Хенде хох!» — и строчил из автомата. Как его ни убеждали, что пришли свои, интендант продолжал стрелять. Наконец со стариком удалось справиться. На складе — солонина, конфеты «Раковая шейка» и пять литров разведенного спирта, но хлеба — ни крошки.

Алексей шел по песчаному берегу Волги. Как и в первый день, с донской степи дул пронизывающий до костей холодный ветер. Вода в реке вздыбилась.

Алексей думал... Многих его бойцов ранило по второму

¹ «Эрэс» — реактивный снаряд.

и даже по третьему разу, и все же те, кто мог держаться на ногах и стрелять, не покидали позиций. А раненых, в особенности тяжелораненых, накопилось много. Тех, кто мог как-нибудь передвигаться, выпускали через правофланговый пост с надеждой, что человек как-то сам сможет добраться до бригады Горохова.

Но фашисты узнали об этом.

Алексей подошел к лазарету. Тоня и Степан Кухта встретили его в нескольких шагах от входа.

Раненые все время просили пить. Кухта забирался в ледяную воду, подальше от берега, чтобы зачерпнуть воду почище. Но медикаментов нет, нет и еды в лазарете. Приглушенные вскрикивания раненых доносятся на кромку, выворачивая, как говорит Кухта, душу наизнанку.

Очкин оглядел тесно набитую пещеру. Здесь были только те, кто уже не мог передвигаться. Пахло загнивающими бинтами.

— Что будем делать, товарищ лейтенант? — спросил Кухта.

— Я тебе, Степаныч, на этот счет ничего не скажу, — ответил Алексей. — Здесь ты такой же командир, как и я, ты и принимай решение... Ты вот что мне скажи: солонину и конфеты на сколько дней тебе растянуть сможем?

— Дня на три, а потом конец.

— На скольких ты тогда поделил?

— На пятьдесят семь.

На круче на шесть суток их было пятьдесят семь, всего пятьдесят семь — наверху и внизу, вместе с ранеными.

Степан Кухта после ухода Алексея принял решение: из найденных на берегу обгорелых бревен сбивать плоты и на них спускать по реке раненых, по одному, веревками привязав к бревнам.

Степан неутомимо занимался плотами. Он даже придумал особую конструкцию — крест: плот из двух бревен, продольного и поперечного. Это гарантировало, что бревно не станет вращаться и раненый не окажется лицом в воде.

Степан привязывал раненого к бревну и, простившись, тихонько толкал плот. За короткий остаток ночи плот должен был как раз миновать берег, занятый фашистами, и с рассветом показаться там, где вплоть до самого Красноармейска были наши. Степан надеялся, что раненого обязательно заметят с берега и выловят.

На следующий день защитники кручи пережили наиболее тяжелый бой. Вниз в бессознательном состоянии принесли Колю Смородникова. Степан Кухта, не дав его донести в «лазарет», тут же уложил на плот, стряхнул слезу, стал готовить раненого к тяжелому путешествию по реке.

Не дожидаясь темноты, Кухта оттолкнул от берега плот с Колей.

* * *

Не ошибся лейтенант, когда еще вчера, прислушиваясь к наступившему затишью, подумал, что фашисты затевают необычное.

С утра к кромке обрыва осторожно, словно ощупью, на рас-

стоянии метров семидесяти друг от друга, выбирая проходы между глубокими воронками, двинулись два танка-тральщика. Они шли, выпустив щупы-катки на длинных стальных оглоблях. Тяжелые катки подпрыгивали при взрыве мин, а танки шли дальше.

По танкам били бронебойщики, но вражеские машины были от них слишком далеко. Наконец один удалось подбить. Машина загорелась. Другой танк попятился.

Выстрелы из танка вздымали землю перед стрелками-бронебойщиками. Солдаты гибли. Алексей отлично понимал: это всего лишь проба.

И он не ошибся.

В середине дня на наши позиции ринулись уже не два, а десять танков-тральщиков. Их атака сопровождалась ураганным минометным огнем. Прячась за машинами, шли толпы гитлеровцев.

Ранило санинструктора Тоню Давыдову и многих других. Осталось только девять бойцов, способных стрелять. Люди уже не думали о жизни. Они жили одним — умереть, но удерживать рубеж родной земли.

Фашисты не сломили их сопротивления.

Круча осталась нашей. Но Алексею и его бойцам было ясно, что дни обороны кручи сочтены.

К вечеру Алексею передали, что его хочет видеть Пивоварыч. Очкин обрадовался: сейчас ему необходимо было поговорить с человеком, прожившим две такие жизни, как его.

Пивоварыч, сухощавый, неторопливый в движениях, так, словно они были не на переднем крае фронта, а где-нибудь в летнюю пору дома, проронил:

— Вот пришел... Что-то сегодня не дремлет. — Вдохнул. — Да, табачку бы сейчас хоть на одну бы закруточку... В мирное-то время ведь каких только папирос не было! Кури себе сколько влезет и «Казбек», и «Нашу марку» и «Пушку»!

Пивоварыч нащупал сухую чернобылку, шелушил с нее листья и стал сворачивать самокрутку.

Участник обороны Царицына, он был окрылен каким-то светящимся чувством жизни, которое передавалось Очкину.

Внизу шумела не замерзшая еще Волга. Волны ломали непрочный лед. Алексей с Пивоварычем сидели в ячейке и, устремив взгляд в черноту ночи, молча прислушивались к шуму реки.

Есть на Волге утес,
Диким мохом порос...

Алексей подхватил слова песни, и они так, прижавшись друг к другу, пропели всю песню до конца. Очкин почувствовал, что отдохнул душой.

* * *

Утром следующего дня враг вновь обрушился пулеметным и минометным огнем на кручу. Потом наступило затишье, и опять начался обстрел. И так весь день. Но в атаку фашисты пошли лишь к концу дня. Они устремились на правый фланг

обороны, но на этот раз в атаке участвовало значительно меньше фашистов, чем всегда. Они наступали без танков.

Пивоваров и Сергиенко встретили бой на правом фланге кромки.

Но вот их пулемет замолчал.

Гитлеровцы приближались. Они поднялись во весь рост. Алексей ясно разглядел их лица. Он был от пулеметного расчета всего в сорока шагах.

— Пулемет!.. Почему не стреляет? — Алексей кинулся на правый фланг. Фашисты увидели: с пулеметом что-то случилось — и, не обращая внимания на автоматный огонь, резким рывком бросились туда же. Они бежали, уже не стреляя, почуяв, что рядом с пулеметом бойцов нет.

И тут пулемет ударил.

Пивоварыч успел сделать свое дело. Его очередь, резкая и короткая, но разящая, сбила и эту атаку. А когда пулемет, вдруг поперхнувшись, опять замолк, Алексей был рядом с Пивоваровым. Он еще не знал, что эта пулеметная очередь, последняя очередь, была возгласом его умирающего боевого друга. Не знал еще, что совершил этот человек в последнюю минуту своей жизни.

Разрывная пуля попала в живот Пивоварова, и старый коммунист напряг все свои силы, сорвал с головы пилотку, прижал ее к животу. Он навалился всей тяжестью тела на кромку, зажимая страшную рану, и, умирая, стал стрелять.

Алексей дотронулся до плеча Пивоварова. Тот был уже мертв. Топорчился ежик седых непокорных волос. Мертвые руки стиснули в судороге гашетку пулемета.

Стемнело. Фашистский громкоговоритель, молчавший последние три дня, вдруг разразился неистовой речью, агитировавшей защитников кручи сложить оружие.

В последней схватке фашисты безошибочно определили, сколько их осталось в живых — восемь. Фашистский диктор «увенчивал» их лаврами, «пел» дифирамбы их стойкости и мужеству, называл настоящими солдатами, героями.

Гитлеровцам хотелось скорей покончить с кручей. Но теперь они, знавшие, что силы защитников истощены, очевидно, решили больше не платить жизнями своих солдат за взятие этого рубежа.

Но главное — теперь немцы знали, сколько их осталось на кромке.

Восемь солдат сосредоточились на правом фланге обороны. Алексей, находившийся с Зайцевым в центре и оставшийся на своей позиции, теперь стал ее левым флангом.

О последнем дне обороны Очкин рассказывает так:

— На одиннадцатый день, оставшись на этой позиции в живых вдвоем с Зайцевым, мы уничтожили шесть танков. Из-за трансформаторной будки оказался седьмой. Противотанковое ружье Зайцева вышло из строя, а меня оставалось три патрона. Стал я заряжать ружье, а тут патрон заело...

Я выскочил на кромку обрыва и начал каблуком выбивать затвор с патроном. Фашист, приближаясь, медленно разворачивал в мою сторону башню с пушкой. Почему он тогда не срезал меня из пулемета? Не знаю. Мне удалось выбить патрон. Смочил его слюною, дослал в патронник, прицелился, но нажать спусковой крючок не успел...

Рядом разорвался снаряд. Очкин потерял сознание.

Осколок снаряда пробил шинель, карман гимнастерки, комсомольский билет. Осколок шел к сердцу. Но дальше путь ему преградило зеркальце, зеркальце, изготовленное из уральской стали.

Очнулся Алексей Очкин в госпитале за Волгой.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Незабываемы встречи с участниками обороны Тракторного и их письма. Вот они лежат передо мной в разных конвертах.

Письмо бывшего участника обороны, работника политотдела Владимира Владимировича Гусева:

«...15 октября немецко-фашистским войскам удалось на двух узких участках вырваться к кручам Волги, и тогда набатом прозвучал призыв: «Коммунисты!.. Раненые!.. Все, кто может, к оружию!..»

Кому довелось быть там, помнят, как окровавленные бойцы становились плечом к плечу, стеной, поддерживая слабых, и бой не мог заглушить: «Мы все коммунисты!» Командир дивизии подполковник Ермолкин собрал под знамя пять-шесть десятков контуженных и раненых воинов и штурмом отбросил пехоту и танки противника от кручи Волги.

А в ночь на 16 октября прорвалась с боем на левый фланг бригада генерала Горохова. После этого я взял связного (очень жаль, что фамилию его не помню, — то был безотказный и преданный боец) и вместе с ним вернулся к оврагу, где нашел подполковника Ермолкина. Когда я ему доложил, что в 385-м полку осталось 12 человек и знамя, он опустил голову и долго молчал...»

Письмо бывшего замполита по комсомолу 112-й дивизии Либмана:

«Я знал Ваню Федорова. Помнится, как я был вызван в штаб и начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Морозов дал мне указание отправиться в 156-й отдельный истребительный противотанковый дивизион, который в то время стоял в обороне на площади Дзержинского напротив Тракторного завода. Там я беседовал с комсоргом дивизиона лейтенантом Очкиным.

Там, в дивизионе, я вручил вновь принятым в комсомол комсомольские билеты. К сожалению, я фамилий их не помню. Но помню, что комсомольский билет был вручен воспитаннику дивизиона Ване Федорову.

Либман Ж. П.,
подполковник запаса»

А Филимонов, замполит противотанкового дивизиона, рассказал мне:

— ...В живых остались Кухта, Черношейкин, Сергиенко, Коля Смородников, Вася Шутов и Зайцев.

Кухта подорвался на немецкой мине уже после. Это случилось 13 июля 1944 года под Бродами. Вася Шутов стал командиром батареи.

Вася Шутов родился где-то в Архангельской области. Белобрысый паренек, тихий, небольшого роста, спокойный и в бою. Ему тогда было 21—22 года.

После обороны Коля Сергиенко воевал в бригаде Горохова. Может быть, он и жив. Юркий, подвижной, отчаянный и упрямый, часто ходил в разведку.

Сергиенко был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Черношейкин уехал с нами на Курскую дугу. Где он был ранен — не помню. Возможно, на Днестре.

* * *

Потом я узнал вот что.

...Они были где-то совсем рядом, в задонской степи, оба совсем юные лейтенанты. Оба стояли насмерть, преграждая путь рвущимся к Волге вражеским танкам и пехоте.

Потом, после битвы на Волге, где-то разными дорогами войны шагали на запад, как шагали сотни тысяч их сверстников, а после войны, опаленные битвами, они пришли в институт кино. Тогда ВГИК заполнили люди в серых шинелях, и среди них были эти двое. Григорий Чухрай и Алексей Очкин. Они воевали рядом и после учились в одном институте, но близко не знали друг друга, пока не встретились на «Мосфильме», когда Алексею Очкину предложили пойти работать ассистентом к начинающему режиссеру.

Об этом рассказывал мне Григорий Чухрай:

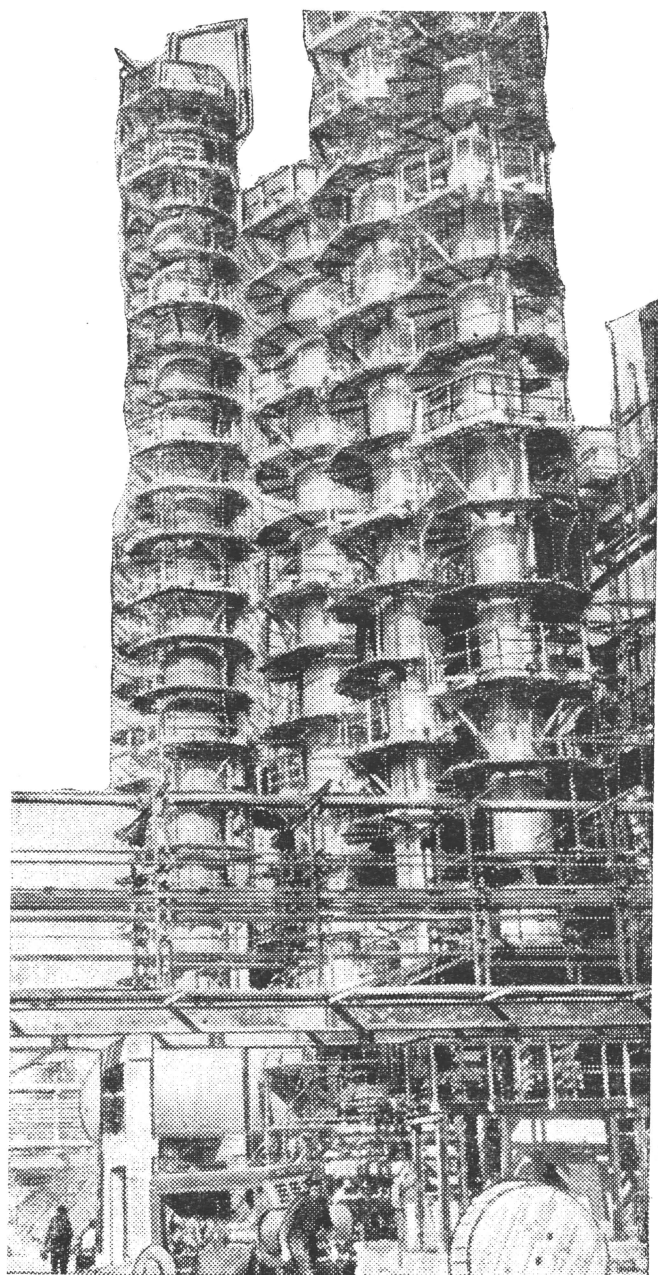
— Мне посчастливилось работать вместе с Алешей Очкиным. Это было очень здорово. Этого никогда не забыть, потому что мне было очень трудно осуществлять свою первую постановку — «Сорок первый». Меня поддержали Алеша, артист Крючков и другие коммунисты.

Характер человека сказывается везде.

Мы были рядом где-то — не то что в непосредственной близости, но на одном и том же участке фронта. И сейчас оба работаем в искусстве.

Продолжаем бороться за те же великие цели.

КОММУНИЗМ — ЕСТЬ СОВЕТСКАЯ
ВЛАСТЬ ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ
ВСЕЙ СТРАНЫ, ПЛЮС ХИМИЗАЦИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

ДОРОГА ОТКРЫТИЙ

В современной химической науке — «области чудес», как называл ее А. М. Горький, — можно насчитать не один десяток направлений, по которым идет смелый исследовательский поиск и где воплощаются оригинальные творческие идеи. И на каждом из этих путей раскрываются удивительные возможности и необычайная щедрость химии.

Среди добрых чудес, совершенных человеком с помощью химии, — не только создание новых, невиданных материалов, не только успешная замена тех, что уже давно существуют, но и активное, направленное вмешательство в деятельность природы, творческое преобразование того, что испокон веков давала она людям. Этому процессу обогащения и улучшения природных даров нет и не будет конца. Чем больших успехов

Пленум ЦК ВЛКСМ от имени комсомольцев, всех юношей и девушек заверяет родную Коммунистическую партию в том, что молодое поколение Страны Советов внесет свой достойный вклад в развитие химической промышленности, бу-

достигнет человек на этом пути сегодня, тем больше возможностей откроется перед ним завтра. Об этом и пойдет рассказ нашего специального корреспондента **В. Черниковой**, побывавшей в одной из химических лабораторий.

* * *

Москва. Донская улица, 62. Текстильный институт, кафедра химических волокон. 9 часов 30 минут утра. В кабинете заведующего кафедрой профессора **З. А. Роговина** закончены короткие утренние беседы с сотрудниками и определены планы работ на день. Лаборантке поручено отвечать на телефонные звонки и дозваниваться в десятки ведомств. Профессор открывает совещание с приехавшими заказчиками (сколько их побывает здесь за день и все будут просить о создании какой-нибудь ткани: для театра, библиотеки, для больницы, для строительства). Значит, у нас есть в запасе минут тридцать, чтобы побродить по лаборатории, посмотреть на то, к чему привыкаешь как-то не сразу...

Здесь ткани, которым самой природой положено воспламеняться от малейшей искры, не боятся огня; волокна, «кот бога» беззащитные перед сыростью, не гниют, а под лучами солнечного света, беспощадного своего врага, не ветшают. Здесь есть и совсем удивительное: ткани, которые могут извлекать металлы и лекарства из растворов, очищать воду, убивать бактерии, ткани, которые не тонут в воде и с которых дождевые капли скатываются, не оставляя следа. Здесь, в этой лаборатории, целлюлоза (а именно из нее сделаны все эти материалы) переживает свое второе рождение и усилиями химической науки укрепляет позиции в сегодняшнем дне.

Целлюлоза. Вечный и щедрый дар природы человеку. Камыш и кукурузная кочерыжка, солома, трава, лен, древесина... Материал, древний как мир и вечно обновляющийся с каждым

дет самоотверженно трудиться над выполнением семилетнего плана, претворением в жизнь великой Программы Коммунистической партии Советского Союза!

Из Постановления IV пленума ЦК ВЛКСМ

весенним цветением. Вспомним. Целлюлоза сопровождала человека всегда. Веками одевала его, удовлетворяя и скромные потребности египетского феллаха, и претензии древнеримского щеголя, и затейливый вкус средневековой модницы, и жесткие требования специалистов, создающих одежду для космонавтов. Целлюлоза созидала, целлюлоза и разрушала. Бездымный порох — одно из орудий войны — родился в лабораториях естествоиспытателей тоже из целлюлозы!

И вот пришел момент, когда «веку целлюлозы» настал, казалось, конец. Соперничество тысячеликвого заменителя — продукции синтетической химии — поставило под сомнение ее судьбу.

«Гниет, легко воспламеняется, боится действия «света...» — шел строгий отсчет ее недостатков, неведомых синтетическим волокнам. И если бы не на что было опереться в этом споре, то и впрямь пришлось бы ветерану, подобно многим другим сверстникам, покинуть сцену.

Но силы нашлись. И немалые. Иначе не удивляли бы сейчас посетителей неприметные с виду, да особые качеством образцы тканей, не съезжались бы сюда заказчики со всей страны. Рассказать, как случилось, что природа изменила своему нраву, что волокна из целлюлозы не только сохранили, но и заметно расширили позиции, стали важнейшим материалом в народном хозяйстве, — таким было обещание профессора Роговина. И этой теме был посвящен разговор, начавшийся у него в кабинете после совещания.

— всю свою творческую жизнь — свыше тридцати лет — я посвятил целлюлозе, — так начал рассказ Захар Александрович. — На первых порах это сложилось, может быть, и случайно: свою научную работу мне довелось начать аспирантом у известного советского ученого академика П. П. Шорыгина. Он-то и поручил мне тему по химии целлюлозы. Но если начало и складывалось в какой-то мере не по моей воле, то

несколько лет работы сделали меня навсегда сторонником этого материала.

Раскрыть тайны строения целлюлозы, этого важнейшего полимера, синтезируемого природой в неограниченном количестве, понять секреты материала, воспроизвести который искусственно не удалось за все 80 лет существования химии целлюлозы, наконец избавиться его от недостатков, данных ему природой, сделать целлюлозу лучше, совершенней, чем сумела это природа, — эти задачи не могут не увлечь исследователя. Тем более что сулит целлюлоза очень многое.

Объективности ради я признаюсь, что два раза в жизни все же изменил целлюлозе. Начало 40-х годов было особенным временем для химиков. Тогда бурным стартом начали жизнь синтетические волокна. И как это всегда бывает, новая, многообещающая область привлекла внимание ученых, пробудила массу идей. Стремление к новому, неизвестному взяло верх и у меня над старой привязанностью. В течение 4—5 лет нашими умами владел капрон. Волокна на его основе, ткани с новыми интересными свойствами — как это все увлекало!

Второе отступничество было продиктовано потерей перспектив в исследовании. Это случилось в конце сороковых годов, когда нам с сотрудниками показалось, что работы наши зашли в тупик и путей для дальнейших поисков нет. Возникло мнение, что у целлюлозы нет никаких перспектив в соревновании с синтетическими материалами. В течение четырех лет мы бились над созданием синтетической целлюлозы, пытаюсь понять ее строение, найти возможность улучшить ее качества. И не находили, все попытки кончались неудачей, синяя птица не давалась в руки, и мы переставали верить в то, что она вообще существует.

Иногда нам казалось, что успех близок, что вот-вот своими руками мы создадим бесконечно знакомую молекулу целлюлозы. Надежда поселялась в сердце, и мы с сотрудниками готовы были радоваться близкой удаче. Но снова и снова надежда оборачивалась разочарованием, и целлюлоза превращалась в бесперспективный предмет исследования, обреченный самим развитием химии на забвение.

В истории науки есть много случаев, когда поиск исследователя заходил в тупик и прекращался. Причиной служили разные обстоятельства. И неверно выбранный путь, и недостаточный уровень знаний, и ограниченные технические возможности. На наше счастье, мы вовремя поняли, что пошли в работе не тем путем. Будущее целлюлозы таилось не в синтезе этого материала, а в коренном его преобразовании, облагораживании, если хотите, в придании ему комплекса нужных свойств, в направленном изменении качества.

Сейчас, спустя почти 15 лет, довольно просто говорить о мучившей нас проблеме и констатировать прошлые ошибки. Но нужно все-таки реально представить себе настроение, царившее в нашей лаборатории, когда вдруг показалось, что перспективы дальнейших исследований не видно совсем. И это в то время, когда химия синтетических полимеров сумела прибавить к списку материалов, находящихся в пользовании че-

ловека, громадное множество новых названий. Многие коллеги выражали нам соболезнование, считая, что зря мы тратили время, когда вокруг есть так много интересных и, главное, перспективных проблем для исследования. Так вот и случилось, что мы перекинулись в другую область и за какое-то время наша лаборатория сумела прибавить к тому списку синтезированных веществ, о котором я говорил, еще несколько названий. И, может быть, этот успех навсегда отвратил бы нас от старой привязанности, если бы мы не нащупали новых, совсем новых позиций в работе над целлюлозой.

Скажу сразу, что это прозрение наступило не мгновенно и оно не было случайным озарением, счастливым совпадением обстоятельств, которыми богата история науки. У нас во время опыта не повышалось случайно давление в аппаратуре, не разбывался внезапно термометр и не разливалась на счастье ртуть, не слезала даже внезапно эмаль с автоклава, и мы одним махом не открывали нового класса полимеров. Просто в результате не одного года размышлений, дискуссий мы приходили постепенно к идее новой химии целлюлозы, которая должна была впитать в себя и все созданное раньше в химии этого материала и все самое современное из достижений химии синтетических полимеров. Одним словом, речь шла о коренном преобразовании целлюлозы, создании материала с принципиально новыми свойствами. И преобразование это мы собирались совершить, используя самые передовые, самые новые химические представления и методы.

По-настоящему работы развернулись в 1958 году, после майского Пленума ЦК КПСС, посвященного проблемам химии. Именно в этом году была создана комплексная научная лаборатория химических волокон при Московском текстильном институте, постепенно она пополнялась новыми сотрудниками, талантливой молодежью, которая приходила если не с запасом готовых идей, то со свежим интересом, с энтузиазмом, который так живителен для любой научной работы.

Скажу кстати, что широкое участие молодежи в работе — это, на мой взгляд, одно из важнейших условий, которое решает конечный успех любого творческого поиска. В наследство от каждого ученого остаются его открытия, его книги и его ученики. Открытия не всегда выдерживают долгое испытание временем, книги тоже устаревают. И только ученики — живые носители творческих идей остаются «вечным» наследством. Они смотрят в будущее глубже, дальше, эту привилегию дает им время и развитие науки, они выделяют из накопленной суммы знаний главное, самое ценное и передают его, в свою очередь, своим ученикам.

Такая живая эстафета идей имеет в моих глазах необычайную ценность, она служит основой создания научной школы. Поэтому именно на молодежь, на способную творческую молодежь мы делаем ставку в нашей работе, отбирая из каждого выпуска нашего и других институтов способных, увлеченных наукой молодых людей.

Итак, мы пришли к работе по созданию целлюлозы с принципиально новыми свойствами не по гладкой дорожке.

Но с тех пор и по сей час каждый месяц, да что там, буквально каждый день открывает нам новые пути в работе, новые решения, новые возможности преобразования целлюлозы. Мы то и дело снова убеждаемся в мысли, что если умело использовать все потенциальные возможности целлюлозы, то эра этого материала практически никогда не кончится. Я думаю, то, что мы сейчас делаем, целлюлоза давно уже ждала. И давно уже заслужила. В 1970 году в нашей стране значительная часть всего текстильного сырья будет получена на основе целлюлозы. Так к заслуженному ветерану приходит в наши дни второе дыхание.

Химию целлюлозы сегодня определяют два основных направления. Но прежде чем рассказывать о них, разберемся, что представляет целлюлоза с химической точки зрения. Целлюлоза — это высокополимерное соединение, которое имеет в своей молекуле только один тип реакционно-способных групп. Иначе говоря, длинная цепочка молекулы целлюлозы составлена из сотен и тысяч отдельных звеньев глюкозы, которые по природе своей могут вступать только в совершенно определенные химические реакции. И вариантов их существует сравнительно немного. Вся классическая химия целлюлозы основывалась на превращениях этих групп, вот отсюда-то и лежал прямой путь в тот тупик, в который мы зашли в свое время.

Задача наша состояла в том, чтобы вывести целлюлозу за пределы ее химической ограниченности, получить новый, направленно измененный материал, имеющий любой тип реакционно-способных групп. А это значит, что мы хотели дать целлюлозе возможность вступать во все или почти во все виды реакций, которыми оперирует современная органическая химия. Решить эту задачу — значило необычайно расширить возможности химии целлюлозы, научиться создавать на ее основе материалы с комплексом любых заранее заданных свойств. Поставленная задача была очень трудна, мы шли непроторенными путями, но сегодня можно уже определенно сказать, что победа близка.

Ввести в молекулу целлюлозы различные химические группы не так-то просто. Но когда это удается, давно известный материал разительно меняет свои свойства. Из него можно формировать волокна с новыми свойствами, изготавливать новые типы пленок и лаков, которые в большом количестве нужны стране. К тому дню, когда мы с вами беседуем, созданы уже такие препараты целлюлозы, которые могут вступать почти во все известные химические реакции. Эти работы изменили представления о будущем целлюлозы. Позволили во многих областях уравнять ее шансы с шансами синтетических материалов. Но это только один путь преобразования целлюлозы. Он основан на последовательном применении методов классической органической химии.

Другой путь, и, кстати, наиболее перспективный, — использование для направленного изменения свойств целлюлозы методов современной химии синтетических полимеров. Создавая новые целлюлозные материалы, не надо ничего выдумывать специально. Надо только критически использовать то, что дают органическая химия и химия синтетических полимеров. Синтезируя цел-

люлозу, природа дает химику отличный исходный продукт, наделенный массой достоинств. Наиболее целесообразный путь работы — облагораживать целлюлозу путем так называемых прививок, создавать химический сплав важнейшего природного полимера с каким-либо другим полимером. И делать это не пропиткой ткани какими-то составами, не механической обработкой, а именно прививкой, подобно садовнику, выводящему новый сорт яблок, подобно металлургу, создающему новый сплав железа. И так же как чистое железо не интересует сейчас никого на свете, разве только физиков, изучающих кристаллографию металлов, как дикую яблоньку сажает сейчас в своем саду лишь редкий одиночка садовод, так и чистая целлюлоза должна будет в дальнейшем в значительной степени уступить место своим химическим сплавам.

Метод прививок к целлюлозе — наиболее реальный путь к совершенствованию этого материала. Он делает целлюлозу гидрофобной — отталкивающей воду — или, наоборот, придает ей способность полностью растворяться в воде. Тысячелетиями целлюлозу буквально поедали микробы — одежда ветшала от сырости, гнили рыбацкие сети. Химия создала целлюлозу, которая микробам уже «не по зубам». Но даже мирное сосуществование с бактериями кончается. Если в молекулу целлюлозы вводится какой-нибудь антисептик, то материал получает свойство убивать бактерии. Бактерицидная ткань — ткань со свойствами убивать бактерии сослужит большую службу врачам: из нее будут делать бинты и халаты, фильтры из этой ткани очищают воздух от микроорганизмов в помещениях, где вырабатывают антибиотики.

Под действием солнечного света молекула целлюлозы разрушается, происходит ее деструкция — распад на мелкие осколки. Особое вещество — светостабилизатор, привитый к целлюлозе, предотвращает цепную реакцию разрушения. Таким же способом придают целлюлозе стойкость к действию повышенных температур, только в этом случае в ее молекулу вводят термостабилизатор. На основе целлюлозы уже созданы и негорючие ткани для театральных занавесов и декораций, для защитной одежды автогенщиков и сварщиков, для отделки салонов самолетов и кораблей.

Наконец, метод прививок, или химической модификации, как мы нередко говорим, открыл для нас путь создания целлюлозы с ионообменными свойствами. А это значит, что ткани, сделанные из нее, смогут улавливать металлы из растворов и антибиотиков из культуральных жидкостей, очищать сточные воды.

Совсем недавно был создан сплав целлюлозы с синтетическим полимером нитрон. Мы получили волокно, которое даже опытные текстильщики на ощупь не могут отличить от шерсти. В этом году мы начинаем работы по широкому испытанию свойств этого нового волокна, названного нами мтилоном — в честь института, где мы работаем.

Вот так и случилось, что проблема, мучившая нас не так уж давно: природные волокна или синтетические? — решилась не по принципу «кто кого», а «кто с кем», союзом тех и других, взаимной выручкой и обогащением. Этот метод направленного

изменения свойств, метод прививок дал нам большие возможности. Однако я не открою большого секрета, если скажу, что любую задачу важно решить не только в научном, но и в экономическом плане, дать новому материалу путь в промышленность.

Сегодня у нас на вооружении есть пять проверенных методов, с которыми мы идем в промышленность. Это результат прилизительно трех лет работы, и он нас радует. Но завтра — я знаю — придется искать шестой, седьмой, десятый. И трудно сейчас загадывать, какими вехами будет отмечен этот путь.

Привить целлюлозе какой-нибудь «черенок» не так уж просто. Требования, предъявляемые к результату той или иной прививки, сам прививаемый полимер вызывают порой необходимость разработки своего особого метода. Но то, на чем успокаиваешься сегодня, не удовлетворяет тебя завтра: встает какая-нибудь новая задача. И снова начинается поиск.

Проблема получения привитых полимеров еще не вполне решена. Мы умеем сегодня подобрать нужный компонент сплава, но не научились еще отмерять необходимую длину присоединяемой молекулы, мы знаем заранее, каких результатов ждать от той или иной прививки, но не научились регулировать число прививаемых молекул...

Как видите, синяя птица как будто уже в руках, а конца поиска не видно. Да это и понятно. Во всех областях науки, где идет речь о создании материалов с заранее заданным комплексом свойств, открывается так много заманчивого, так много обещающего, что предсказывать сегодня пути, которыми пойдет дальнейшее научное исследование, несколько рискованно.

Я просто не решусь сегодня предсказать, над чем нам придется работать через десять лет. Но проблемы завтрашнего дня вырисовываются уже отчетливо. Нам очень хочется сочетать целлюлозу с ферментами и сделать ткань, обладающую свойствами фермента. Мы хотим присоединить к целлюлозе некоторые катализаторы и создать ткань, наделенную свойством ускорять течение химических реакций. Чем увлекательны эти работы?

Ферменты и катализаторы применяются сейчас в промышленности в огромных количествах. Первые помогают разжижать крахмал, обрабатывать мясо, консервировать продукты, вторые — получать серную кислоту и перерабатывать нефть и многое, многое другое. Без катализа не обходится ни одна промышленная химическая реакция. Но ферменты, например, можно использовать сейчас только в виде растворов, после участия в реакции они безвозвратно пропадают. А если перевести их в нерастворимую форму, превратить в ферменты тканевые материалы с огромной поверхностью? Это позволит создать принципиально новую аппаратуру — дешевую, удобную, это позволит превратить производство в непрерывный процесс. Результаты научной работы выразятся в итоге в виде крупных сэкономленных для государства средств.

А вот пример из другой области. Многие слышали о сибирском гнусе, знают, как трудно бороться с этим насекомым. Для защиты от гнуса сейчас пропитывают одежду особыми

веществами — репеллентами. Но такую одежду нельзя стирать: пропитка быстро смывается. Наша идея вам, видимо, уже ясна. И если вы уже успели проникнуться верой в возможности целлюлозы, то легко представите себе ткань, к которой химически привит репеллент, ткань, не боящуюся стирки, надолго — до полного износа защищающую своего хозяина от комаров и гнуса.

Примеры эти можно умножать бесконечно. И, наконец, последнее. Я, кажется, говорил, что природа дает нам целлюлозу в неограниченных количествах. Но практически используем мы это богатство не по-хозяйски. Большую часть целлюлозы получают из древесины, и при этом используется только 40 процентов ценного полимера. Остаток переработки — полисахариды — не находит сейчас применения. Но уже вырисовываются пути использования всего богатства, получаемого нами. А это снова означает экономию миллионов и миллионов рублей.

Итак, я предупреждаю вопрос, который вы, видимо, зададите: не виден ли впереди еще какой-нибудь тупик, не грозит ли создателям новых целлюлозных материалов кризис идей? Всем сегодняшним выступлением, всем оружием фактов я пытаюсь убедить, что третьей измены не предвидится. Путешествие в неизведанное продолжается.

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

ОГОНЬ. ХРАНИТЕЛЬ

(Научно-фантастическая повесть)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТРАННЫЕ НАХОДКИ

Сведения, которыми не обладали древние, были очень обширны.

М. Твен

Рассказывает Алеша Скорчинский

Поразительная эта история и без того весьма запутанна, да еще Мишка Званцев настоял, чтобы мы ее рассказывали непременно вот так — вперемежку, по главам, дополняя друг друга. Так что лучше уж я вам сразу представлюсь, чтобы не усугублять путаницы. Зовут меня Алексей, фамилия — Скорчинский. Научный сотрудник Института археологии¹.

Рисунки Н. ГРИШИНА

Вот видите, Мишка уже ехидничает и перебивает меня, такой у него характер. Хотя мы договорились не мешать друг другу. Пусть каждый освещает события по-своему и дает свои толкования загадкам и необычным происшествиям, которые нам довелось испытать. Но вмешиваться в чужой рассказ — это уже запрещенный прием, это значит оказывать давление на рассказчика.

¹ Мне кажется, если уж заполнять анкету, то надо это делать по всем правилам: мужской, русский, нет, не был, не имею, немножко английский, холост. (Примечание М. Званцева.)

Ладно, не буду отвлекаться. Итак, обо всем с самого начала.

Я сижу на бугре мягкой земли, только что выброшенной из раскопа, и уныло посматриваю в образовавшуюся глыбокую яму. Опять неудача!

Собственно говоря, с точки зрения науки никакой неудачи нет. Мы ведем раскопки древнегреческого городка Уранополиса, существовавшего две с лишним тысячи лет назад здесь, на берегу Крыма. Сегодня расчистили остатки фундамента еще одного дома, в котором двадцать с лишним веков назад жили люди. Вот здесь явно был очаг, возле него вечерами собиралась вся семья, наблюдая, как длинные языки огня лижут старый котелок с бобовой похлебкой, — копать до сих пор сохранилась на камнях, она так прочно въелась, что ее не стерли века.

Самый обыкновенный дом... А чего же я ждал?

Все идет хорошо, все нормально.

Этот последний раскоп позволяет восстановить контуры улицы, по которой бродят мои студенты с рейкой и теодолитом, нанося ее на план.

Постепенно из-под земли проступает план древнего городка. Вот здесь была винодельня: на большой зацементированной чуть покатою площадке рабы ногами давили спелый виноград, и алый сок стекал по желобкам в три больших резервуара. А в этих глубоких цистернах, вырубленных прямо в скале неподалеку от берега моря и так же тщательно зацементированных, несомненно, солили рыбу. Она служила важным предметом экспорта: уже в те времена даже в далеких Афинах славилась истекающая жиром керченская селедка.

За два года раскопок мы добыли из-под земли столько любопытных вещей, что зимой, когда прерываются полевые работы, никак не успеваем их разбирать и описывать. Ящиками с нашими коллекциями заставлены до самого потолка две комнаты в институте. Пора писать диссертацию...

Почему же я не радуюсь?

Скажу честно: все эти осколки амфор, остатки фундаментов и крепостных стен, детские игрушки, выброшенные много веков назад на свалку, находят при раскопках любого древнегреческого города. А я жду чего-нибудь необыкновенного. Чего — пока еще не знаю сам.

Правда, нам выпала редкая удача — восстановить по находкам в малейших деталях, как погиб в огне этот город две тысячи лет назад от набега воинственных скифов.

Но и в этом нет ничего необычного. Такие схватки происходили тогда очень часто. Все города и поселения греческих пришельцев на берегах Черного моря находились под постоянной угрозой нападения скифов, тавров, синдов или других местных племен, окружавших их со всех сторон, прижимавших к морю, — Платон насмешливо сравнивает эти полисы с лягушками, усевшимися по берегам громадной лужи.

Среди эпитафий на мраморных плитах, которые мы находили, раскапывая некрополь — древнее кладбище на окраине города, то и дело попадалось:

«Лисимах, сын Психариона, прощай! Лисимаха, в обращении ко всем гражданам и чужестранцам ласкового, убил бурный Арей номадов. Всякий жалобно восстал по нем, умершем, сожалея цветущий возраст мужа...»

«Филотт, сын Мирмека, наткнулся на страшное варварское копье...»

И, как печальный припев, в конце каждой надгробной надписи повторяется одно слово: «хайре» — «прощай».

Почему же я все-таки жду от раскопок чего-то необычайного? Какие загадки меня беспокоят?

Прежде всего: почему город назывался Уранополисом? В переводе это означает — «Город неба».

Сегодня мы опять нашли древнюю монету, оброненную кем-то из горожан на улице две тысячи лет назад. Обыкновенная монета, медная, величиной с нашу трехкопеечную. Греки называли ее гемиоболом — половинкой обола. Она почти не стертая, можно хорошо рассмотреть все, что на ней изображено. А изображены на монете бог врачевания Асклепий, опирающийся на свой традиционный жертвенный треножник, вокруг которого обвилась змея, и справа от головы бога — несколько звездочек в лучах солнца. Вдоль ободка монеты мелкими буквами написано по-гречески: «Слава Ураниду и Аглотелу».

Для несведущего монета как монета, отличное украшение любой нумизматической коллекции. А для меня, уже третий год раскапывающего этот древний городок, она — сплошная загадка.

Изображения различных богов обычны для греческих монет того времени, причем для каждого города — свои, излюбленные. В Херсонесе на монетах обычно чеканили голову богини Девы, считавшейся покровительницей этого города. На пантикапейских монетах часто встречаются изображения какого-то бородатого божка с длинными козлиными ушами — нечто вроде мифического Сатира. Попадаются на монетах фигуры Геракла, богини победы Ники, нимф, изображения львов, лошадей, бодающихся быков, дельфинов и осетров. Но вот бога Асклепия, насколько мне известно, ни в одном городе так не почитали, чтобы украшать его изображением монеты.

И совсем уже непонятно, почему бог врачевания, не имеющий никакого отношения к астрономии, изображен в окружении каких-то звезд. Не проясняет загадки, а только еще больше запутывает дело и лаконичная надпись на монете. Аглотел — имя типично греческое, а Уранид в переводе означает — «сын неба». Совсем необычно для нормального имени, скорее какой-то своеобразный псевдоним.

Кто были эти Аглотел и Уранид? За что они удостоились такой чести, чтобы ради них специально чеканили монету? Мы нашли за три года уже несколько таких монет: и грошовые медные гемиоболы и более ценные драхмы (ценные, конечно, с точки зрения людей тех времен, для нас-то те-

перь любая древняя монета одинаково ценна), нашли даже один увесистый статер — целое состояние по тем временам. И на всех монетах одинаковые рисунки, те же загадочные имена. И, главное, все монеты совсем не стертые, только что из-под чекана. Значит, они были выпущены в ознаменование одного и того же события.

А событие это, о котором я после долгих розысков, перерыв целую гору исторических источников, нашел всего одно коротенькое упоминание, тоже было совершенно загадочным и непонятным.

Город был основан еще в V веке до нашей эры милетскими кушцами, которых за непоседливость прозвали «вечными мореплавателями», и назывался сначала не Уранополисом, а Гераклеей. Все ясно и понятно: в честь известного мифологического героя, никаких загадок.

Почему же вдруг в 63 году до нашей эры, всего за несколько месяцев до своей гибели в огне пожарищ, он вдруг объявил себя «Небесным городом»?!

Вероятно, такое важное событие — перемена названия города — было отмечено, как это полагалось у древних греков, специальной памятной надписью на мраморной стеле. Если бы ее найти! Тогда бы мы сразу все узнали. Но где она, эта стела? Может быть, покоится в земле под фундаментом одного из санаториев? Или уже давно выкопана каким-нибудь предприимчивым местным жителем и, разбитая на куски, замурована в стену вот этого чисто побеленного домика, заштукатурена, скрыта от моих глаз, — многие дома здесь построены из обломков древних зданий.

Нет, надеяться найти чудом сохранившуюся стелу с подробной памятной надписью или тем более какой-нибудь исторический документ, которые сразу бы разъяснили все загадки, не приходится. Остается одно: пытаться восстановить истину по крупнякам, по разбитым черепкам и обуглившимся обломкам, как это обычно приходится делать нам, археологам.

И вот я сижу на холме свежевырытой земли, верчу в руках найденную монету, снова и снова рассматриваю изображение бога Асклепия с венком из звездочек над головой и тщетно пытаюсь что-нибудь понять.

Если бы она могла говорить!

Разве возможно по черепкам восстановить психологию Одиссея или Ахилла? Эти герои далекой древности так и остались бы нам неизвестными, не воспой их в свое время Гомер. Но мой городок — не Троя, и у него не было своего Гомера.

— О distinguished кандидат могильных наук, могу ли рассчитывать на ваше просвещенное внимание? — обрывает мои размышления знакомый насмешливый голос.

Я вскакиваю. Рыхлая земля начинает ползти из-под моих ног, и я едва не сваливаюсь в яму.

Так и есть, Мишка Званцев собственной долговязой персоной! Все-таки приехал в отпуск, как обещал. Он вовремя заключает меня в свои железные объятия и не дает свалиться в раскоп.

- Здорово, старик!
- Наконец-то выбрался!
- Ну, докопался до центра земли?
- Как я рад тебя видеть, чертушка!
- Что за выражения, маэстро!

После этих бессвязных приветствий мы снова крепко обнимаемся, похлопывая друг друга по спине.

— Ну, а теперь в море, — орет Мишка, размахивая выхваченными из кармана плавками. — Дайте мне море, я его переплыву!

— Понимаешь, до обеденного перерыва еще час, — нерешительно отвечаю я.

— Что? Ты хочешь уверить меня, что вы соблюдаете здесь какой-то табельный режим и, пачкаясь в земле у самого синего моря, купаетесь только после работы?

Вот всегда так. Почему-то все считают, будто в Крыму можно только отдыхать, а работать тут немислимо. Стоит только сказать, что едешь на раскопки в Крым, как на лицах попутчиков в поезде моментально появляются понимающие двусмысленные улыбки.

— Да, мы здесь работаем даже сверхурочно и умываемся только в свободное от работы время, — твердо говорю я. — Так что можешь один отправляться на пляж, если не хочешь меня подождать.

Мишка хмыкнул, но, кажется, все-таки мне не поверил.

2

Слово Михаилу Званцеву

И вы представляете, они действительно соблюдают табель, эти гробокопатели! Роются в земле на берегу моря и даже не оглядываются на его голубые просторы, которые так и манят каждого здравомыслящего человека уплыть в неведомые края. И самый несгибаемый из них, конечно, маэстро А. Н. Скорчинский — просто железный, как кровать. Быть ему профессором, в этом я теперь ни капельки не сомневаюсь.

Красивый и чистенький курортный городок, притиснутый подковой гор к самому морю. Рядом Ялта, Мисхор, Алунка, переполненные отдыхающими. Белые дворцы санаториев, фонтаны, асфальтовые дорожки, с которых дворники немедленно сметают малейшую соринку, благоухающий смолистым ароматом парк у самого моря. Всюду красота и порядок. И только эти ученые кроты портят всю картину. Нарыли повсюду глубоких ям, извлекли из-под земли какие-то грязные камни — и радуются.

— Вот здесь была улица, — торжественно объясняет мне Алешка. — Видишь, даже каменные плитки положены в определенных местах, чтобы можно было переходить ее в сырую погоду. Жаль только, не дают раскопать дальше, там санаторий. Помехи на каждом шагу.

Я спотыкаюсь о камень и едва не проваливаюсь в ка-

кую-то глубокую дыру, зияющую прямо посреди их древней улицы.

— Черт! Почему не закопаете? Так и шею свернуть можно.

— Осторожно, не повреди облицовку, — слышу я от него вместо сочувствия. — Это колодец.

— Древний?

— Вероятно, еще четвертого века до нашей эры.

Я заглядываю в дыру. На дне ее, где-то глубоко внизу, смутно мерцает вода.

— И вода сохранилась? — удивляюсь я. — С четвертого века до нашей эры?

— Да нет, что ты мелешь! Натекла сюда после вчерашнего дождя...

— Тем более, чего же вы его не закопаете? Ну, обнаружили, посмотрели, сняли там схемку. Не оставлять же этот никому не нужный теперь колодец еще на тысячу лет!

Он смотрит на меня как на безнадежного шизофреника. Но, по-моему, это они все сумасшедшие, тронутые какие-то.

Утром спросишь кого-нибудь:

— Где Алеша, что-то его не видно?

— Алексей Николаевич? Он в Пантикапей уехал...

А этого Пантикапея ни на одной карте не найдешь, кроме как в учебнике по древней истории. Он уже не существует добрых двадцать веков. Но для них Керчь — все еще древний Пантикапей. Фанатики! Страшные люди!

Но я-то, я-то, многострадальный, чем виноват? В кои-то веки вырвал у начальства давным-давно положенный отпуск, примчался на этот благословенный берег — и что же? Тоже должен землю носом рыть? Или ножичком скрести затаив дыхание?

Меня всегда умиляет, какими орудиями раскапывают зловещие тайны истории эти мудрецы. Весь мир уже вгрызается в недра земли направленными кумулятивными взрывами или, на худой конец, шагающими экскаваторами с ковшом кубиков в двадцать пять. А они — ножичком, ножичком... Самым обыкновенным, вульгарным кухонным ножом, который можно купить в каждой хозяйственной лавке. Или еще того чище — ковыряют землю шилом, ланцетиком, иголкой швейной, натуральной. Да и это у них считается слишком грубым инструментом. Если выцарапают из-под земли кусочек древнего ночного сосуда, то тут уж пускают в ход более тонкий и нежный инструментарий: осторожноенько счищают серую пыль сапожной щеточкой, веничком или кисточкой для бритвы. А один у них, дошлый парень, Алик Рогов, ростом повыше меня и сложения подходящего, так тот додумался пыль сдувать... детской резиновой клизмочкой. Он у них теперь гордо в новаторах ходит: обогатил науку новейшим орудием исследования.

И это в Век Атома и Кибернетики!

А самое забавное: копаются они так часами в земле под жарким солнцем, ковыряют землю иголкой, сдувают пыль новаторской клизмочкой — и что же находят? Сокровища

Монтецумы? Копи царя Соломона? Ну, хотя бы новую научную истину?

Нет. Просто осколок глиняного горшка, выброшенного на свалку какой-то домашней хозяйкой двадцать веков назад.

И, несмотря на это, мой несгибаемый Лешка целыми днями упорно торчит на своих раскопках, подавая личный пример всей братии.

Первые дни я его еще, правда, соблазнял на прогулки, да что толку? Пойдешь с ним по городу в обеденный перерыв, он тут же затаскивает тебя в какой-то двор, не спросив хозяев, и тычет носом в расколотую мраморную плиту. А на ней едва можно различить изображение человека, играющего на трубе, и какую-то греческую абракадабру.

— Редкая находка. Надгробие трубача...

Однако даже такие познавательные-образовательные экскурсии скоро кончились. Алешка быстро посчитал свой долг гостеприимного хозяина до конца выполненным и бросил меня на произвол судьбы, все глубже зарываясь в землю. Мне грозила горькая участь бродить по окрестным горам в одиночестве, постепенно дичая на манер древних тавров.

Пробовал поговорить на прогулки Тамару — есть у них в экспедиции такая бойкая смугляночка, — тоже ничего не вышло. Так бы и пропал во цвете лет, если бы не сколотил на пляже компанию: хорошие ребята из Москвы и Ленинграда да две подружки — студентки из Днепропетровска.

Теперь мы так проводили время: они копались, а мы купались. Пусть нам будет хуже!

А виделись с Алешкой только в обед да вечерами.

Вечерять с этими земляными кротами было весело. Во дворе маленького домика на окраине, где у них была база, каждый вечер разводили большой костер. Все усаживались вокруг на перевернутых ящиках, на опустошенных за ужином ведрах, которые этой ораве заменяли столовую посуду, а кто и прямо растягивался на теплой земле, и начинались байки и хохмочки. Народ подобрался все молодой, зубастый, скучать не приходилось.

Я, признаться, их все время подзуживал, кощунственно называл археологию «самой точной из всех неточных наук», постоянно вызывал на спор. А они с пеной на губах отстаивали свои «выдающиеся исторические открытия», хотя, по-моему, не очень убедительно. Все же, что ни говори, мы живем в век физики, техники, кибернетики, и, конечно, все ребята с головой на плечах идут именно в эти отрасли науки. А уж археологией или там литературой занимаются неудачники или одержимые вроде моего корешка Алешки.

Во время одного из таких споров у костра он не выдержал и сплел весьма увлекательную и фантастическую историю о гибели этого самого Уранополиса, остатки которого они по черепушечке выкапывали иголками да ножичками из-под земли.

— Слушай, ты, кибернетический скептик! — набросился он на меня. Видно, до нутра я его в тот вечер проявил

своими каверзными вопросами. — Значит, по-твоему, мы занимаемся пустым делом? А хочешь, я тебе по этим самым «черепкам», как ты неуважительно называешь бесценные памятники древней материальной культуры, — хочешь, я тебе по ним точную картину одной давней трагической ночи восстановлю во всех деталях?

— По методу достопочтенного Шерлока Холмса, маэстро?

— А хотя бы. Только смотри: будешь перебивать своими плоскими шуточками — убью!

— А мы поддержим! — с готовностью загалдели на все голоса его архаровцы-гробокопатели. — Растерзаем!

Они демонстративно уселись вокруг меня, чтобы отрезать все пути к отступлению. Тамара даже взяла в руки вилку. Что мне оставалось еще, как не стать послушным?

Но сидеть тихо стоило и без принуждения. Я давно знал, каким интересным рассказчиком бывает Алешка, когда в ударе. А в этот вечер его явно осенило благодатное вдохновение.

— Так слушай, ты, принудительно обученный! — начал он, встав у костра в торжественной позе жреца, раздающего благословения.

— Только без цитат! Если своих острот нет, то не воруй их у Бернарда Шоу... Давай своими словами.

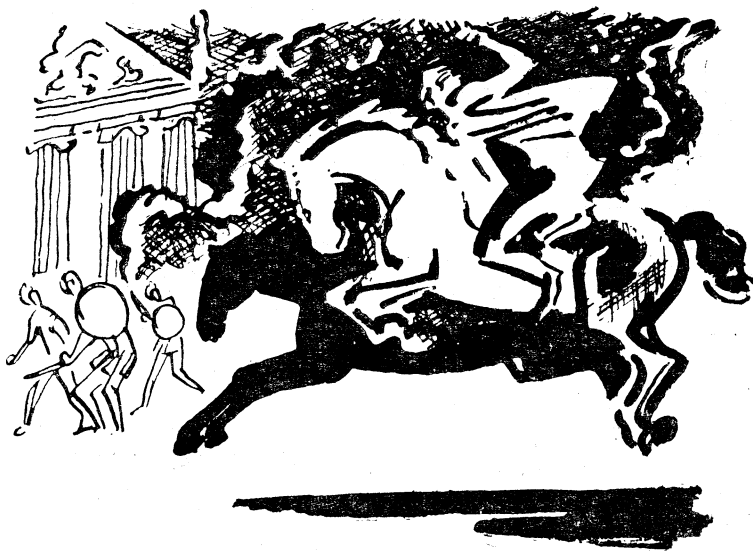
Алешка попытался испепелить меня взглядом, а этот долговязый очкарик Алик Рогов в когда-то клетчатой рубашке, выгоревшей и весьма рваной, свирепо ткнул меня в бок.

— Своими словами? Ладно. Представим себе — кто имеет хоть каплю воображения, конечно, — темную ночь в конце августа шестьдесят третьего года до нашей эры. Тогда не было ни этой танцплощадки, откуда к нам доносятся столь музыкальные звуки фокса «Ямайка», ни асфальтовых дорожек, ни этого маяка на скале, то и дело посылающего в море призывный сверкающий луч... Тьма упала на узкие улочки Уранополиса, приютившегося в ложбине меж гор под защитой крепостных стен. Дневная жара спала. Гасли светильники в домах. Укладывались спать усталые ремесленники. Только рабы еще заканчивали работы, для которых не хватило дня. Но на то они и рабы, чтобы трудиться без отдыха и сна...

«А у нас на то и уши, чтобы слушать эти хрестоматийные сказочки для детей младшего школьного возраста...» — хотел вставить я, но, покосившись на вилку в загорелых руках Тамары, промолчал. Она девушка решительная.

— Итак, наступила ночь. В богатом доме, в зале, украшенном цветной мозаикой и мраморными фигурами грифонов, раб скатал ковровую дорожку, тянувшуюся от самой двери, и поставил тяжелый сверток у мраморного порога: у него уже не было сил выбивать ее сегодня, и он решил встать для этого пораньше, до зари. В соседней комнате другой раб, писец, пристроив на коленях дощечку с натянутым на нее папирусом, выводил последние строки отчета о сделанных за день покупках, чтобы отчитаться утром пе-

ред хозяином. В караульной будке у ворот старый привратник Сириск перед сном увлекся своей любимой забавой, которой стеснялся заниматься днем, на людях: из блестящего желтоватого оленьего рога он любовно вырезал острой пилкой крошечные фигурки причудливых зверей — дикой лесной кошки, легионного тура, белки с пушистым хвостом...

Все притихли. Только потрескивал костер, рыжими космами языков облизывая черное небо, нависшее над нами.

— Еще пылало жаркое пламя в горне тесной и грязной мастерской оружейника, прилепившейся на обрыве над самым морем возле стен крепости. Мастер в этот поздний час заканчивал большой щит из электрона, украшенный изображениями быков и оленей. Он рассматривал его при неверном, угасающем свете и все никак не мог налюбоваться на свою превосходную работу. Если бы он знал в тот момент, что его щитом так и не удастся воспользоваться никому из воинов, расхаживающих с острыми копьями в руках по тропинке на вершине крепостных стен и тревожно всматривающихся в ночную тьму!.. Усталая жена оружейника засыпала зерна на завтра в большую каменную ступку. Надо было провеять его заранее, да не успела дотемна, придется раньше вставать. И она с досадой бросила на глиняный пол возле очага деревянный совок. Если бы она знала в этот момент, что утром будет уже поздно взять его в руки!.. Мы осторожно выкопаем этот совок из праха только двадцать веков спустя. Засыпает маленький город, приотлившийся среди крымских скал на чужом берегу, далеко от родной Эллады. Ночь и тишина, только время от времени протяжно перекликаются стражники на крепостных стенах. А по скалам, окружившим город и крепость, прикрытая ночным мраком, по-змеиному коварно и бесшумно подкрадывается беда...

— А кошка, Алексей Николаевич? Вы забыли про кошку! — перебила Тамара, нарушив все очарование сказки.

— В самом деле, про кошку-то я забыл. Итак, все утихло в крепости. И тогда в громадном погребе, где хранились пузатые глиняные пифосы с отличным крымским вином, вышла на охоту кошка. Мерцающая зелеными глазами, она тихо кралась между пифосами. И вдруг увидела мышь! Кошка метнулась к ней, а мышь, пытаясь спастись, прыгнула на крышку пифоса! Он был пуст, время сбора винограда еще не наступило, и мышь провалилась в глубокий глиняный сосуд с отвесными гладкими стенками. Через мгновение туда же рухнула и кошка, не рассчитавшая своих движений в азарте ночной охоты. Теперь ей было уже не до мыши... Им не выбраться из каменного плена: через полчаса прозвучит над горами условный трубный звук, со всех сторон на город бросятся подкравшиеся в темноте вражеские воины, запылают хижины, закричат люди, и пламя охватит крепость...

Алексей замолчал, и все молчали. Костер, в который забили подбрасывать хворосту, догорал, и угли в нем жарко

рдели, словно и впрямь остатки какого-то пепелища. А тьма, обступившая нас, казалась тревожной, угрожающей, полной каких-то подкрадывающихся теней и непонятных шорохов.

Умеет он все-таки задурить голову своими рассказами!

— Особенно ловко у тебя получилось с кошкой, — как можно снисходительнее сказал я, прогоняя колдовскую тишину. — Стоит она у меня перед глазами, ну, прямо как живая. И кошка и мышка... Завидная у вас все-таки профессия, братцы гробокопатели. Пожалуй, не уступает астроботанике. Пойди там проверь, что растет на Марсе или как кошка ловила мышку две тысячи лет назад! Любимая профессия барона Мюнхгаузена...

На меня сразу бросились с негодующими воплями с двух сторон. Но я был готов к нападению этих землеройных фанатиков.

Я вскочил, вырвался из их рук и одним прыжком перемаяхнул через костер, запорошив, наверное, глаза преследователей тучей пепла. А потом, как олень, помчался по тропинке в гору, стараясь не зацепиться за что-нибудь в темноте и не сломать себе шею.

Они было погнались за мной, но скоро отстали. Тогда я свернул с тропинки и залег под кустом можжевельника.

Ночь была такой теплой, душистой, так ярко сверкали звезды, что я довольно долго пролежал под своим кустом, бездумно следя за лучом маяка, равномерно описывавшим круги в небе над моей головой. Наверное, я даже задремал ненароком, потому что, когда вернулся в лагерь, все уже спали.

Я тихонько прокрался в угол двора и пристроился на кошме рядом с Алешкой.

Он не спал и тут же зажал мне мертвой хваткой горло.

— Сдаюсь! — прохрипел я, покорно поднимая руки. — И признаю, что давно не слышал таких занимательных сказок. — Какое тонкое мастерство деталей: кошки, мышки, деревянный совочек, небрежно брошенный возле очага... Тебе исторические романы надо писать, а не рыться в земле, как крот, закапывая свой талант.

— Пошел ты к черту, балаболка несчастная! — обиженно сказал он. — По-твоему, все это сказочки, игра фантазии. А я могу голову дать на отсечение, что все так именно и было в ту ночь.

— Конечно. И главное, как удобно сочинять: пойдешь проверить, что в самом деле случилось в одну чудесную августовскую ночь две тысячи лет назад!

— А если я тебе докажу достоверность каждой детали?

— Попробуй. Начни хотя бы с того, что это была именно ночь, да к тому же непременно августовская.

— Пустяк. Кто же, по-твоему, врасплох нападет днем на укрепленную крепость? Конечно, это было сделано ночью, когда все спали, кроме горсточек часовых.

— Ладно, а почему августовская?

— Потому что в обуглившихся развалинах одного из домов мы нашли скелет коровы. А у нее в желудке — арбузные семечки, травинки и даже целый непереваренный цве-

ток, какие и до сих пор растут на горных склонах именно в конце лета, в августе.

Это становилось уже интересным, и я подвинулся поближе.

— А история с уставшей женщиной?

— Тоже не выдумана. Среди осколков ступки мы нашли обуглившиеся пшеничные зерна. И совок действительно лежал возле остатков очага, так что его явно тут бросили, не прибрав на место. И совсем законченный щит нашли в развалинах мастерской оружейника и ковровую дорожку под обломками дома.

— Так, — задумчиво протянул я. — Выходит все совершенно логично, хотя и смахивает на рассказы о проницательном Шерлоке Холмсе.

— А что же, он, по-твоему, свои догадки с потолка брал? Обычный дедуктивный метод.

И знаете, что в заключение разговора сказал мне, сладко потянувшись, этот сумасшедший?

— Эх, если бы перенести отсюда современные дома, все эти хибарки и санатории! Вот тогда бы мы покопались!..

— Спи, фанатик, — ответил ему я.

3

Рассказывает Алексей Скорчинский

Легко сказать — спи, когда мысли так и скачут в голове. Чудак Мишка! Продемонстрировал ему самый обычный пример восстановления картины прошлого по элементарным археологическим находкам, и ему это кажется чуть ли не чудом. А нам все время приходится вот так, по крупицам, восстанавливать истину. Обуглившиеся зерна, осколки посуды, случайно оброненная тысячи лет назад детская игрушка... Разве тут можно обойтись без воображения и без трезвой железной логики?

А вот когда нет никаких опорных точек, никаких находок, за которые можно было бы уцепиться, как быть тогда? Легко восстановить даже в деталях гибель города. Но почему он вдруг стал Уранополисом? Кто мне объяснит?

А утром мы натолкнулись еще на одну загадку.

Дня за два до этого я перебросил большинство своих ребят на раскопку здания, которое, по моим предположениям, должно было служить храмом. Конечно, от него ничего не сохранилось, кроме фундамента. Но оставшиеся в земле базы пяти колонн перед фасадом — доказательство, что это здание явно имело какое-то общественное значение, скорее всего связанное с героизацией или обожествлением. Об устройстве храмовых зданий в греческих городах Крыма известно пока маловато, так что я и решил особое внимание уделить именно этому объекту.

Предупредив всех об особой важности работы, я сам внимательно следил за ходом раскопок на каждом из трех участков, выбранных так, чтобы вскрыть сразу возможно большую площадь. Хотя храм, конечно, был полностью разграб-

лен нападавшими в ту трагическую ночь и, вероятно, сгорел дотла, может, думал я, удастся обнаружить какие-нибудь уцелевшие предметы утвари или даже обломки статуй, которыми обычно украшали подобные здания.

Пока мои надежды не оправдались. Вырастали груды просеянной сквозь частые сетки земли, густо перемешанной с пеплом, но, кроме строительного мусора и совершенно бесформенных и обуглившихся кусочков дерева, ничего интересного не попадалось. Правда, часто встречавшиеся обожженные осколки соленов — так греки называли большие плитки черепицы — подтверждали, что здание было богатым и нарядным.

И вдруг меня окликнула Тамара:

— Алексей Николаевич, тут какая-то железная пластинка и на ней, по-моему, буквы...

Я поспешил к ней. Действительно, на ее перепачканной землей ладони лежала небольшая металлическая пластинка.

— Зачем вы ее выкапывали без меня?

— Да она сама выпала из земли. Только притронулась пинцетом, она и вывалилась.

— И что это за выражение — «какая-то пластинка»? Даже отличить железо от меди не можете...

— Ладно, Алексей Николаевич, не ворчите. Теперь-то я и сама вижу, что она медная, когда вы ее от грязи очистили. А что это такое?

Но я уже не слушал ее, усевшись на землю и перерисовывая в полевой дневник находку. Это стало у меня условным рефлексом: немедленно браться за блокнот — мало ли что может случиться с находкой?

Тонкая медная пластинка служила свидетельством о проксении. Так называли греки право гостеприимства и защиты интересов иностранцев на территории своих полисов — нечто вроде современной «визы на въезд», что ли. Я тут же набросал в блокноте беглый перевод надписи на пластинке: «Проксения Уранида.

Совет и народ дал. Феотим Антигон, сын Автея, и Аглотел, жрец, сын Никагора, сказали: дать Ураниду проксению и гражданство самому и роду его и право въезда и выезда им самим и имуществу их в военное и мирное время».

Опять те же имена! Кое-что теперь проясняется: Аглотел был жрецом, возможно даже в этом самом храме. Значит, пошли по верному следу. А загадочный Уранид — иностранец, которому за какие-то заслуги народное собрание города по предложению Феотима Антигона и жреца Аглотела решило дать эту проксению и права гражданства.

За что? За те же услуги, которые отмечены чеканкой монет с именами Аглотела и Уранида? Но что они совершили, чтобы удостоиться такой чести? И кто был этот Уранид, из каких краев прибыл он в город, где его родина? Вероятно, у него было какое-то другое имя, но здесь, в греческом городе, его почему-то заменили этим странным псевдонимом — Уранид. Или его настоящее имя просто казалось грекам слишком трудным для произношения, «варварским»?

Есть над чем призадуматься...

Мишке, конечно, опять повод для шуточек:

— Как в переводе звучит твой Уранид? Сын неба? Так чего же тут голову ломать? Объяви его попросту пришельцем с какой-нибудь планеты, желательно — подальше от Земли, перевернувшим по своему хотению всю жизнь греческого городка. Такие гипотезы сейчас в моде...

Да, искать повсюду, где есть археологические загадки, следы космических пришельцев стало в последнее время модой. Поражает своими размерами древняя Баальбекская веранда в пустыне — значит, построили ее гости из космоса, не иначе. Изображения древних богов «вроде как в скафандрах» на скалах Сахары объявляются портретами марсиан. Забавный, однако, метод — подменять одни загадки другими, еще более запутанными...

Особенно смешно слушать все эти рассуждения о древних цивилизациях, якобы основанных небесными гостями, а потом по каким-то причинам захиревших, погибших, нам, археологам.

Одно поколение за другим, слой за слоем оставляли в земле следы своей жизни. Вот что интересно: если в глубокой древности в каком-нибудь удобном месте возникало человеческое поселение, то и последующие поколения старались селиться тут же. Эта приверженность к обжитому месту даже получила в науке специальное название: закон постоянства поселений. Так что с течением времени в некоторых местах эти культурные слои, как мы их называем, образуют наросты до сорока метров!

Такие земляные «слоеные пироги» неопровержимо и наглядно показывают, как постепенно развивалась цивилизация на нашей планете — от древнейших стоянок первобытных охотников до громадных современных городов. Чтобы нас, археологов, убедить в каких-нибудь необычных скачках в истории развития человечества под влиянием мудрых космических пришельцев, нужны доводы посерьезнее, чем Баальбекская веранда, служившая якобы космодромом, или воображаемая гибель библейских городов Содомы и Гоморры в огне атомной войны...

Слабость аргументации нагляднее всего показывает шаткость всех этих «космических гипотез». Совокупности доказательств нет. Берется один какой-нибудь факт, а вокруг него накручивается масса всяких «догадок» и «предположений». Или просто сторонники таких гипотез пытаются доказывать справедливость своих предположений, так сказать, «от противного»: загадочно, пока необъяснимо какое-нибудь историческое явление — значит, оно неземного происхождения, ищи разгадку в космосе.

Наши загадки земные, но гораздо непонятнее и таинственнее.

Мишке легко. Он здесь в отпуске, все заботы оставил дома. Целые дни напролет ныряет в море, как дельфин. На некоторых моих ребят он, кажется, начинает действовать разлагающе. Вчера двоих я поймал при попытке среди белого дня улизнуть из раскопа к морю — якобы умыться,

А через два дня мой друг внес новый раскол в наши крепкие исследовательские ряды. Со своими новыми дружками он обнаружил какую-то пещеру неподалеку от берега и так вдохновенно расписывал ее вечером у костра, что многие из ребят захотели тоже туда заглянуть, в эту проклятую пещеру. Пришлось выделить им выходной день, которых, кстати, у нас уже давненько не было. Я, признаться, занимал выходные под разными предлогами, стараясь побольше раскопать за короткий летний сезон. Но теперь пришлось официально объявить ближайшее воскресенье нерабочим днем.

Раздосадованный, сам я не хотел ни в коем случае лезть с ними в эту злополучную пещеру. Но потом подумал, что глупо одному торчать в этот день в раскопе — от того же Мишки насмешек не оберешься. Да и в пещере могли сохраниться какие-нибудь следы стоянки или просто временного пребывания первобытных людей, как и во многих других подземельях Крыма. Хотя первобытное общество и не моя специальность, стоило проследить, чтобы следы пещерной культуры не повредили по неосторожности, если их удастся обнаружить.

А потом в конце концов — хотя я в этом и не хотел признаться самому себе — нужно было и мне немного проветрить голову от назойливых мыслей, рассеяться, переключиться на что-нибудь далекое от загадок моего Уранополиса.

Отправились мы в пещеру рано утром, запасшись, как полагается, фонарями, свечками, веревками. Тут совершенно неожиданно оказалось, что мой ближайший помощник из студентов, Алик Рогов, давно увлекается спелеологией и облазил немало пещер в Подмосковье и на Кавказе. Так что я ему поручил все руководство этим «подземным пикником».

До пещеры оказалось с полкилометра. Вход в нее прятался в густых зарослях кустарника. Приметой служил белый известковый камень, оставленный здесь Михаилом.

Из тесного входа тянуло сырым холодком. Свет наших фонариков проникал туда всего метра на три, не больше. Дальше все пряталось в темноте.

— Да, клаустрофобией из вас никто не страдает? — вдруг спросил Алик.

— Чем, чем?

— Ну, клаустрофобией... Боязнью закрытого пространства. Есть такая болезнь. Смотрите, а то под землей плохо придется.

Мы переглянулись. Ничего себе, приятное напугание!..

Гуськом, подталкивая друг друга, мы начали, пригнувшись, спускаться по пологому тоннелю. Чуть забудешься и неосторожно поднимешь голову, как больно стучаешься о мокрые выступы скалы.

Но вот ход немного расширился, можно было выпрямиться во весь рост. Подняв над головой фонарики и свечи, мы осмотрелись. В небольшом гроте смутно белели глыбы известняка в желтоватых грязных потеках. Одна из них преграждала дальнейший путь. Лишь с трудом, бочком, уда-

лось протиснуться в узкую щель между этой глыбой и мокрой стеной пещеры.

Я впервые забирался под землю и, признаться, чувствовал себя не очень уютно. Да и все притихли, перекликались почему-то шепотом, девчата жались друг к другу.

Наши громадные уродливые тени плясали и дергались по стенам пещеры, а порой, при резком повороте, словно бросались нам навстречу, заставляя девчат испуганно взвизгивать. Под ногами хлюпала холодная грязь. Она налипала на ботинки, идти с каждым шагом становилось все труднее. Я проклинал себя: завтра наверняка многие схватят насморк, раскиснут и будут работать, словно сонные мухи.

Идущие впереди Алик Рогов и Михаил вдруг так резко останавливаются, что мы тычемся в их спины.

— Что такое?

— Чего встали?

— Там снежный человек, уа!

— Тихо! — зычно провозглашает Михаил. — Впереди — распустье, как в сказке. Три лазейки. Требуется отгадать, какая из них нам больше подходит. Совецание витязей считая открытым.

В самом деле: дальше тоннель разделяется на три рукава. По какому из них идти? Конечно, сразу начинаются споры:

— Давайте направо, там пролезть легче.

— Нет, надо налево...

— Пусть Алик решает.

Алик присаживается на корточки и колдует со свечой, то опуская ее к самому полу пещеры, то приподнимая повыше. Тоненький язычок пламени беспорядочно дергается и трепещет.

— По-моему, следует повернуть направо, — не очень решительно говорит, наконец, Алик. — Оттуда сильнее тяга воздуха, возможно, там выход.

Вслед за Аликом мы один за другим лезем дальше. В душе я надеюсь, что и этот ход окажется ложным или непроходимым, тогда можно будет с чистой совестью предложить всем возвращаться обратно. Но узкий лаз опять расширяется, уже можно выпрямиться, не рискуя набить на лбу шишку о сталактиты. Придется лезть дальше.

Снова под ногами хлюпает грязь. Становится труднее дышать. Низкий свод пещеры давит, заставляет все время непроизвольно втягивать голову в плечи. Или это у меня начинается приступ той самой клаустрофобии, которой пугал нас Алик?

Впереди неожиданно раздается плеск воды и вскрик Алика. Все опять останавливаются, наткнувшись на спины друг друга.

— Осторожно, впереди вода! — предупреждает Алик. — Я не заметил и влопался.

— Промочил ноги?

— Да я их давно промочил, уже высыхать стали. А теперь снова.

Осторожно, придерживаясь друг за друга, мы собираемся

возле Алика. Кто-то из девчат все-таки тоже попадает в воду, извещая об этом всех громким взвизгом. А вода и вправду совсем не заметна. Только когда наклониться со свечой, становится видно, как отражается в зеркальной черной глади трепещущий язычок пламени.

Коридор тут расширяется, образуя небольшой зал. Но дальше дороги нет. Весь зал занимает подземное озеро.

Мишка разочарованно крикает, а я рад, что наш подземный поход, кажется, кончен.

— А вот автограф пещерного человека! — торжественно провозглашает Михаил, попытавшийся все-таки пробраться еще немножко дальше по узкой кромке берега.

При свете нескольких поднесенных свечей на мокрой стене сияет надпись корявыми белыми буквами:

«Вася Хариков и Паша Буравко были здесь 10.07.62 года. И вам того желаем!»

— Ладно, давайте двигаться назад, — сказал я. — Или кто-нибудь тоже хочет оставить здесь свой автограф?

Все довольно охотно начали собираться в обратный путь. Но...

— Интересно было бы нырнуть в это озеро, — с вождением проговорил неугомонный Алик. — Может, пещера тянется дальше?

Разумеется, Мишка сейчас же загорелся.

— Слушайте! У нас же есть акваланги, давайте принесем их сюда и нырнем! — предложил он с торжественным видом новоявленного Архимеда.

Глаза у всех так загорелись, что, похоже, в пещере даже стало светлее. Я поспешил вмешаться:

— Нет уж, пусть этим занимаются специалисты, спортсмены-пещерники. А мы сюда приехали работать на раскопках, а не в подземные озера нырять. Кто хочет получить немедленно расчет — пожалуйста!

Мишка было попытался хорохориться:

— Меньше пены, на меня твои запреты не распространяются. Я, брат, вольный казак...

Но я ему весьма внушительно погрозил кулаком и твердо сказал:

— Ладно, кончили разговорчики. Собирайтесь в обратный путь, время уже к вечеру идет.

По оставленным отметкам выбрались мы из пещеры без осложнений. В одном только месте забрели в боковой тоннель, но быстро заметили свою ошибку.

4

Продолжает Алеша Снорчинский

Не знаю, как другим, но мне все-таки было чертовски приятно выбраться на белый свет из этого мрачного склепа и вдохнуть всей грудью свежий морской ветерок. Да, по-моему, и все сразу почувствовали себя уютнее и спокойней.

Один только Мишка с присущим ему козлиным упрямством сказал, многозначительно поглядывая на меня:

— А я все-таки на днях загляну сюда с водолазным костюмчиком. Любопытно будет понырять под землей...

Я промолчал, решив серьезно поговорить с ним потом, чтобы он не баламутил мне ребят или убирался ко всем чертям из нашего лагеря.

Но в этот вечер поговорить не удалось: Мишка отправился на танцы и вернулся, когда я уже спал. Наутро он не вспоминал о своем замысле нырять в подземное озеро, и я промолчал.

А на следующий день новая непонятная находка всколыхнула весь наш лагерь.

Я всех строго предупредил, чтобы, наткнувшись хоть на малейшие признаки остатков каких-нибудь металлических вещей, тканей или папируса, немедленно прекращали раскопку и вызывали меня. Но на эту странную находку наткнулся я сам, расчищая землю вокруг остатка фундамента одной из колонн храма.

Грубо обтесанный камень заинтересовал меня едва заметным узором, почти стершимся от времени. Узор мог иметь и естественное происхождение, — скажем, оставлен водой или проточен улиткой. Ну, а вдруг это орнамент, нанесенный рукой какого-нибудь безвестного художника тавра на камне, который потом греки использовали при строительстве храма? Такая возможность тоже была не исключена.

Но, осторожно отгребая ножом землю, чтобы обнажить весь камень и получше рассмотреть узор на нем, я вдруг наткнулся на что-то твердое. Стал осторожнее расчищать землю в этом месте — постепенно обнажился обуглившийся и свернувшийся в трубочку кусочек кожи.

Пергамент? Документы могли писать и на пергаменте, он тогда уже получил широкое распространение.

Меня кто-то окликнул. Я не отозвался, стараясь даже не дышать.

Только странное ощущение, словно в раскопе вдруг стало темнее, заставило меня поднять голову: откуда взялись тучи?

Но то были не тучи. Просто вокруг ямы, сразу почуяв по моей увлеченности, что обнаружено нечто интересное, собрались все участники нашей экспедиции.

— Что случилось? Чего вы тут столпились? — расталкивая ребят, пробился вперед встревоженный Мишка. Волосы у него были мокрые, видно, только вернулся с моря.

— Фу, ты жив и здоров! — сказал он. — А я уж обрадовался — думал, тебя завалило ненароком. Давно этого ждаты надо при твоей одержимости...

— Что вы нашли, Алексей Николаевич? — перебила его Тамара.

Что я нашел? Я этого еще не знал сам. Бережно держа на ладони находку, я с помощью десятка протянувшихся ко мне рук вылез из раскопа. Кто-то торопливо расстелил на земле носовой платок, я положил находку на него и только теперь начал ее внимательно рассматривать.

Да, несомненно, кусок кожи, скрутившийся в трубку от

огня и с поверхности сильно обуглившийся. Видимо, сразу был засыпан землей и не успел сгореть.

Но внутри есть еще что-то...

Осторожно, двумя пинцетами, я начал раскручивать сверток. Внутри оказались две узкие деревянные планки, скрепленные между собой под тупым углом так, что получилось нечто вроде развилка рогатки. Кожа была пришта к этим планкам крепкими воловьими жилами.

Что это могло быть? Расходящиеся концы планок обломаны. Может быть, часть какого-то храмового украшения или утвари для богослужений?

Догадки посыпались со всех сторон и, как водится, самые фантастические:

— Деталь фриза?

— А может, кусок драпировки?

— Какая-нибудь маска, которую надевал жрец?

— Ну да! Что же он, шаманом был, что ли?

— А может, это обломок игрушки? — нерешительно сказал Алик.

— Какой игрушки?

Алик замаялся и так покраснел, что даже загар не мог этого скрыть.

— Ну, чего же ты смущаешься? — подбодрил я. — Догадка, во всяком случае, более правдоподобная, чем домыслы о масках или архитектурных деталях. Игрушки вполне могли оказаться в храме как дары от излеченных детей. Известен случай, когда мальчик, по имени Евфан, принес в дар Асклепию за успешное излечение самое дорогое, что у него было, — десять косточек для игры в бабки...

— Ну! Значит, и тогда уже играли в бабки?

— Конечно, Миша. Об этом подарке сохранилась запись на стене храма Асклепия в Эпидавре. Так что догадка Алика может оказаться вполне правильной.

— Нет, Алексей Николаевич, я сморозил глупость, — замотал головой Алик. — Это я по первому порыву. Сходство уж больно большое...

— С чем?

— Что ты жмешься? Начал, так говори! — напали на беднягу со всех сторон.

— Да понимаете, я в детстве очень авиамоделизмом увлекался... — Он опять замолчал, заливаясь пунцовой краской.

— Ну и что ты хочешь сказать?

— Мне показалось, что это похоже на модель самолета... На кусок крыла...

Ох, какой тут поднялся хохот! Но всех перекрыл своим зычным голосом Мишка.

— Тихо, дети! — заорал он. — Это же сенсация, величайшее открытие нашего века! Надо бежать на телеграф: «Найдены остатки крыльев Икара. Подробности почтой...» Или лучше так: «Обнаружены следы деятельности юных авиамоделистов первого века до нашей эры...»

Надо было вступить за несчастного Алика и поскорее утихомирить Мишку.

— Слушай, а ты напрасно глумишься над техническими познаниями древних, — сказал я. — Тут еще может быть немало поразительных открытий и откровений для вашего брата, скептиков-инженеров. Слыхал ты, например, о знаменитой находке возле острова Антикитера?

— Возле какого острова? Не сбивай ты меня, пожалуйста, этими древнегреческими названиями. И — пардон — что там было найдено — действующая модель атомной бомбы?

— Нет, отлично действующий счетно-решающий механизм, конечно, не электронный, как у вас теперь, но не менее поразительный по тем временам.

— Любопытно! Если можно — поподробнее, маэстро.

— Ну, лекцию читать не буду, не бойся. Скажу коротко: до этой находки считалось, будто древние греки имели большие достижения в области чистой математики, но механика у них не достигла особенного расцвета. И вдруг в начале этого века ловцы губок находят на дне моря возле острова Антикитера прибор, который показывал годовое движение Солнца в зодиаке, точное время восхода и захода самых ярких звезд и наиболее важных для ориентировки созвездий в различное время года. Кроме того, были особые указатели основных фаз Луны, времени захода и восхода всех планет, известных греческим астрономам, — Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна, и даже схема их движения по небосводу.

— И сколько же зданий он занимал на дне моря, этот чудо-прибор? — продолжал ершиться Мишка, но уже с явной заинтересованностью.

— В том-то и дело, что он был весьма портативным, не больше современных настольных часов.

— А когда он был создан? — спросил Алик.

— Корабль, на котором прибор находился, потерпел крушение что-то в первой половине первого века до нашей эры, сейчас точно не помню. Можно справиться по описанию находки.

— А у тебя есть даже описание?

— Конечно. Или ты думаешь, что я все это тоже выдумал? Надо поискать вечером, кажется, этот журнал у меня даже здесь, с собой. Там и подробное описание, и схема, и несколько фотографий...

— Ну, если даже фотографии есть, то я поверю в кружок авиамоделлистов до нашей эры.

— По рукам! А пока — за работу, — скомандовал я. — И так сколько времени потеряли!..

Вечером я разыскал толстый том «Античных древностей» с описанием замечательной находки у берегов Антикитеры, и Михаил забыл даже о танцах и традиционном вечернем купании. А я тоже рылся в книгах, пытаюсь найти хоть намек на загадку того, что мы сегодня нашли.

Я рассматривал фотографии и зарисовки античных игрушек, различных предметов домашней утвари, даже обуви

и одежды. Потом мне показалось, будто странная находка может иметь какое-нибудь отношение к мореплаванию тех времен. Может быть, это клочок паруса? Но вряд ли их делали из таких хорошо обработанных кож. А точнее проверить это предположение, увы, невозможно, потому что до нас не дошло ни одного древнегреческого парусника, только их изображения на вазах.

Мишка, видно, увлекся. Он чертил какие-то схемы, и время от времени я слышал его бормотание:

— Так, значит, верхний циферблат укреплен над главным приводным колесом. А стрелки поворачивались при помощи вот этого барабана-эксцентрика... Ну, а этот штифтик для чего?

«Клонул, — радовался я. — Теперь надолго забудет про свою пещеру. Давай, давай, брат! Над этим хитроумным механизмом уже многие ломали головы...»

Но вскоре им овладела новая мания: начал требовать у меня образцы посуды и обломки обожженных кирпичей для каких-то анализов.

— Да зачем тебе это нужно? Что ты собираешься с ними делать?

— Совершенствовать метод палеомагнетизма.

Возражать против этого было трудно. Метод палеомагнетизма, разработанный за последние годы физиками, сильно облегчил нам, археологам, датировку находок. Колдуя со своими хитрыми приборами над черепками глиняной посуды, они ухитрялись узнавать, каким было магнитное поле Земли в то время, когда эта посуда обжигалась в гончарной печи. А потом, пользуясь сложными графиками и диаграммами, на основе этих данных довольно точно определяли время изготовления посуды.

Почти для каждого найденного образца я на всякий случай подбирал и дубликаты. Но все равно расставаться с ними не хотелось: мало ли что может случиться?..

А Мишка был неумолим:

— Давай, давай, не жадничай! Для тебя же стараюсь.

Через несколько дней пришел конец его отпуску. Михайла телеграммой досрочно вызвали в Москву.

Когда я провожал его на автобус, он вдруг погрозил мне пальцем и насмешливо сказал:

— А пещерку-то ты мне побереги до следующего приезда. Я туда непременно слазаю.

— Поберегу, поберегу, — мрачно пообещал я. — Я туда даже вход замурую и землей засыплю, чтобы ты его никогда больше не нашел, бродяга!

Он увозил с собой целый ящик обгорелых кирпичей.

— Куда тебе столько? — спросил я. — Дом можно построить.

— Есть у меня одна идея, — сказал Мишка, — но пока молчок.

Любит он напускать таинственность! На что ему эти кирпичи?

На следующий день произошло такое событие, что все

посторонние мысли сразу вылетели у меня из головы. Я забыл обо всем на свете, кроме работы.

С утра все было как всегда. Уже вторую неделю мы вели раскопки бокового придела храма. Постепенно расчищался последний угол небольшой каморки, видимо служившей прибежищем кому-то из храмовых служителей-рабов. Тут трудно было рассчитывать обнаружить даже остатки нехитрой домашней утвари. Какое имущество могло быть у раба?

Зачистку вел старательный и аккуратный Алик Рогов. Я ему доверял самые сложные раскопки, так что спокойно оставил его одного и отправился на другой объект, где несколько студентов только начинали вскрывать фрагмент основания крепостной стены. Я поработал с ними около часа, когда увидел бегущую к нам Тамару. Она еще издали отчаянно махала рукой.

Задыхаясь, крикнула:

— Алексей Николаевич, идите скорей! Вас Алик зовет!

— Что у вас там стряслось?

— Он нашел какую-то рукопись!

Мы все помчались к Алику — впереди я, за мной студенты, побросавшие лопаты, а позади всех совершенно обессилевшая Тамара.

Рогов сидел в яме, то и дело нетерпеливо высовывая оттуда голову, а сам прикрывал ладонями и всем телом находку, смешно растопырив локти — совсем как наседка на гнезде. Я спрыгнул к нему в раскоп, остальные столпились вокруг, шумно отдуваясь и переводя дыхание.

Алик осторожно отнял руки, и я увидел торчащий из земли край какой-то плетенки из прутьев, видимо корзины. Ветви обуглились.

Я отметил это мельком, машинально. Все внимание мое привлек кусочек папируса, торчавший между прутьями. Неужели чудом уцелел какой-то письменный документ?!

Сдерживая дрожь в руках, с помощью Алика, который словно ассистент во время сложной хирургической операции, по одному движению моих бровей подавал то скальпель, то резиновую грушу для сдувания пыли, я начал расчищать землю вокруг корзины.

Пинцетом я извлек из нее клочок тряпки, комочек шерсти, несколько щепочек, глиняную пластинку... И, наконец, небольшой, тонкий сверток папируса, за ним второй. Их я тут же, пока не рассыпались в труху от свежего воздуха, раскатал и зажал между двумя стеклами. Теперь можно было вытереть пот со лба и попытаться повернуть совершенно затекшую шею...

Я взглянул на часы. Не мудрено, что шея так зверски болела: провозился два часа семнадцать минут, совершенно не заметив этого.

Я пробежал глазами коротенькую надпись на табличке:

«Клеот спрашивает бога, выгодно ли и полезно ему заниматься разведением овец?»

Так, все ясно: обычный запрос к оракулу.

Теперь папирусы. На первом из них написано:

«Я решительно упрекаю тебя за то, что ты дал погибнуть двум пороссятам вследствие переутомления от длинного пути, а ведь ты мог положить их в повозку и доставить благополучно. На Гераклида вина не падает, так как ты сам, по его словам, приказал ему, чтобы пороссята бежали всю дорогу. И затем не забудь пустить...»

Дальше записка обрывалась, хотя на папирусе еще оставалось свободное место и чернела большая клякса, словно писавшего кто-то подтолкнул под руку.

Я торопливо перерисовал текст в свой блокнот и занялся вторым клочком папируса. Это тоже, видимо, какой-то черновик. Буквы небрежно разбежались по неровным строчкам: дельта, эпсилон, сигма, омикрон...

Я перечитал их снова и крепко потер себе лоб.

Все буквы были мне знакомы, но я ничего не понимал. Они не складывались в нормальные, понятные слова. Самые обыкновенные греческие буквы... Но из сочетания их получалась какая-то немислимая тарабарщина, лишенная всякого смысла.

Я понимал лишь отдельные слова: «по-ахейски», «нацеди», а вот это, пожалуй, «размешай». Но и эти слова были какие-то искаженные, с отсеченными окончаниями, словно нарочно исковерканные, так что я скорее угадывал их смысл, чем понимал его точно.

Весьма странное и мучительное ощущение! Представьте себе, что вы по-прежнему знаете, как произносится каждая буква родного алфавита, но понимать смысл слов, написанных ими, вдруг разучились. Перестали понимать свой родной язык!

Так было и со мной. В полной растерянности я поднял голову и сказал обступившим меня студентам:

— Ничего не понимаю... Что за черт!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЫ НЫРЯЕМ ПОД ЗЕМЛЕЙ

*Иметь взгляды — значит
смотреть в оба!*

С. Ликок

1

Рассказывает Михаил Званцев

Мой Алеша бросил свои раскопки и примчался в Москву совсем ошалелый. Всегда такой спокойный, рассудительный, даже слишком медлительный, на мой взгляд, тут он стал сам не свой. Еще бы, поставьте себя на его место: наконец-то нашел заветный «письменный источник», а прочитать его не может!.. Из шести-десяти восьми слов разобрал только пяток.

Вечером мы вдвоем с ним ломали головы над этой за-

гадкой. Небольшой, криво оторванный клочок папируса, исписанный поперек столбцами неровных строчек. Буквы на нем выцвели, стали едва заметны, — не случайно, его, видно, бросили в мусорную корзину. А мой фанатик прямо трясется над ним, словно это невеста какое сокровище.

Но, честно говоря, я начал разделять его азарт. У меня тоже руки прямо зачесались расшифровать сей загадочный документ.

— Слушай, а может, это действительно шифр какой? — предположил я.

— Кому нужно было зашифровывать какие-то хозяйственные надписи? — пожал он плечами.

— Почему хозяйственные? Ты что, их прочитал?

— Нет, но пользуюсь все тем же методом дедуктивного анализа, могущество которого уже имел счастье тебе демонстрировать. Смотри, — он склонился над столом, водя карандашом по стеклу, под которым лежал кусочек папируса, — видишь, в конце четвертой строки одинокая буква «бета», в конце пятой — «альфа», а девятая строка кончается буквой «гамма». Это явно цифры: 2, 1, 3. Греки тогда обозначали цифры буквами. Значит, идет какое-то пересчисление, опись чего-то.

— Пожалуй, ты прав.

— Уже есть зацепка. Значит, рано или поздно мы его расшифруем...

— Да, по частоте повторяемости отдельных букв. Чистейшая математика и статистика! И все-таки я прав, а не ты: ключ к этому тарабарскому языку надо искать, как в обыкновенной шифровке. Мы с тобой сейчас в положении Вильяма Леграна, обнаружившего кусок пергамента с криптограммой пиратского атамана...

— Какого еще Леграна?

— Маэстро, надо знать классиков. Эдгар По, «Золотой жук».

Я легко отыскал на полке серый томик и открыл на нужной странице, не обращая внимания на очередной ядовитый выпад:

— Это что, твое основное пособие по расшифровке неизвестных письменностей?

— Итак, что сделал проницательный Вильям Легран? Он подошел к расшифровке строго научно. В любом языке каждый элемент — звук, буква, слог и тому подобное — повторяется с определенной частотой. На этом и основана расшифровка секретных кодов. Зная, что в английском языке чаще всего употребляется буква «е», Легран подсчитал, какая цифра наиболее часто встречается в пиратской криптограмме, и всюду вместо нее подставил эту букву. Потом, опять-таки по закону частоты повторения, он буква за буквой разгадал всю шифровку и узнал сокровенную тайну пиратов: «Хорошее стекло в трактире епископа...»

— Не вижу все-таки особенного сходства с той задачей, которая стоит перед нами, — перебил он меня.

— Слушай, ты иногда бываешь удивительно непонятлив!

Эту фразу можно зашифровать так, как сделал пиратский атаман Хидд.

Я набросал на листочке бумаги криптограмму из рассказа

53 $\begin{matrix} + & + \\ + & + \end{matrix}$ + 305)) 6*; 4 826) 4 $\begin{matrix} + \\ + \end{matrix}$) 4 $\begin{matrix} + \\ + \end{matrix}$...

— А можно ее зашифровать и по-другому — словами. Скажем: «Лобасто кире а курако пула...» Получается в точности твой тарабарский язык. Теперь достаточно переписать это греческими буквами, которых я не знаю, или латинскими, и можно выдавать за древний манускрипт на неизвестном языке. — Я тут же проделал эту несложную операцию и подал ему листочек:

«Lobasto kire a kuraoko pula...»

— Пожалуй, ты прав, — пробормотал он, разглядывая его. — Это можно расшифровать...

— Но ты знаешь, дорогой мой осквернитель древних могол, сколько времени тебе на это потребуется? — Я быстро прикинул на подвернувшемся под руку клочке бумаги. — Да, к концу жизни, глубоким стариком, ты, наконец, прочтешь: «Настоящим удостоверяю, что мною, жрецом А. П. Еврипидусом, действительно украдены из казны храма З — в скобках прописью: три — бронзовые иголки». Что и говорить — лучезарная цель, ей не жалко посвятить жизнь!

— Трепач ты, Мишка! — вздохнув, сказал он. — Во-первых, каждый новый документ древности очень важен для науки. А во-вторых, я не собираюсь корпеть над расшифровкой, как некий кустарь-одиночка. Опубликую копию в журнале, и общими силами мы как-нибудь разгадаем эту загадку в ближайшие годы...

— А в ближайшие недели не хочешь? — надменно спросил я. — Ты забыл, что в наше время самые выдающиеся открытия совершаются на стыках далеких друг от друга наук?

— То есть?

— То есть тебе на помощь придет всемогущая кибернетика, разумеется в моем лице.

И знаете, что он мне ответил, этот зарвавшийся наглец?

— Я знаю, — говорит, — что нынче некоторые не надеющиеся нахватать звезд в своей собственной науке спешат примазаться к другим отраслям знания, где их слабость не так заметна непосвященным. По древнему принципу: в стране слепых и кривой — король. Что ты понимаешь в археологии или лингвистике?

— Ах, так? — сказал я. — Тогда нам не о чем разговаривать.

Но тут он начал всячески улещать меня:

— Ладно, не ершись, это я так, ради красного словцабрякнул. Конкретно, что ты предлагаешь?

— Пора бы перестать уже увлекаться этими кустарными методами и вспомнить, что мы живем в век электро-

ники. Вспомни, как ловко расшифровали недавно новосибирцы язык майя! А ведь он, наверное, посложнее твоей тарабарщины. Короче: предлагаю положить твой орешек на зубок электронно-вычислительной машины. Договорюсь с шефом, думаю, он разрешит проверить эту работенку в нашем институте. Раз документ написан известными буквами, но на неизвестном языке, его можно рассматривать как шифровку. Чтобы подобрать к ней ключ, тебе придется возиться несколько лет. А машина это сделает гораздо быстрее.

— Неужели это возможно?

— Прощаю тебе сомнения только потому, что ты полный профан в кибернетике, — величественно сказал я.

2

Рассказывает Аленсей Скорчинский

Мишка — большой трепач, и я, признаться, не слишком верил его радужным обещаниям. Но насчет того, что «в стране слепых и кривой — король», — это я ему, конечно, брякнул зря, незаслуженно, хоть и мало разбираюсь в кибернетике. Товарищи по работе его очень уважают и ценят; судя по их отзывам, он там, в своем институте, если и не король пока, то, во всяком случае, подающий большие надежды.

И в то же время не замыкается он в узкопрофессиональную «скорлупу» — это мне тоже в нем нравится. И астрономией увлекается и в литературе разбирается неплохо, а теперь еще затеял какие-то мудреные опыты с палеомагнетизмом, замучил меня совсем, требуя все новые и новые образцы для анализов. Вот только в истории и археологии слабоват, но ведь никто не обнимет необъятное!..

Уже на следующий день Михаил позвонил мне и сказал, что имел «предварительную дипломатическую беседу с шефом и дело разрешится в самое ближайшее время». Но я не стал это время тратить зря.

Я набрал в библиотеках толстенные труды по лингвистике и сравнительному языкознанию. И чем больше читал, тем труднее казалась задача.

С похожей проблемой несколько лет назад столкнулись наши археологи, раскопав возле древней парфянской столицы Нисы на юге Туркмении таблички с арамейскими письменами. Эти письмена известны ученым давно, их умеют читать. Но трудность заключалась в данном случае в том, что арамейскими письменами, как более удобными по сравнению с клинописью или иероглифами, пользовались в древности многие народы Азии, говорившие на самых разных языках.

Расшифровать таблички, найденные в Нисе, удалось сравнительно быстро потому, что хоть примерно можно было предположить, на каком языке они написаны арамейскими буквами, — ведь Ниса была в те времена столицей Парфянского царства. Эта догадка оказалась правильной.

Для расшифровки надписей объединились археологи, знатоки иранских наречий и специалисты по семитским языкам, к которым относится арамейская письменность. И древние документы заговорили.

А как быть мне? Найденный документ написан греческими буквами, но на каком языке? Может быть, на языке скифов — они населяли тогда всю степную часть Крыма и своей письменности не имели. Но раз у них не было никакой письменности и не сохранилось ни единого документа, где мне найти теперь человека, знающего скифский язык? Не было своей письменности и у тавров, язык их умер для нас безвозвратно.

Ниточки, за которые я тщетно цеплялся, пытаюсь распутать этот клубок, обрывались тут же, в самом начале.

Вот одно слово в найденном документе звучало совсем как греческое «коцит». Так называли в некоторых мифах реку в загробном подземном царстве. Но сюда это явно не подходило, получалась полнейшая абракадабра, да к тому же слово было написано с маленькой, а не с прописной буквы — значит, не было собственным именем. Оно только звучало похоже, но означало, видимо, нечто совсем иное, чем загробную реку...

Я чувствовал, что залезаю в опасную ловушку этимологического метода. Странники его пробуют в подобных случаях понять неизвестный язык только путем его сравнения с каким-нибудь другим, известным. Особенно они увлекаются при этом звуковым совпадением слов в тех языках, которые сравнивают.

Но эта дорожка ошибочная. Попробуйте догадаться по одному только звучанию, что означает слово *catz* на языке индейцев майя. Оно звучит совсем как немецкое *katze*, но означает совсем иное: у майя это «птицы», а у немцев — «ношка». Новогреческое слово «пá» звучит очень знакомо для русского уха. Но означает оно вовсе не отрицание, а, наоборот, утверждение — «да».

Надо было не поддаваться соблазну знакомых созвучий, а идти более затыжным и трудным, но зато единственно надежным путем: сравнивать и сопоставлять повторяющиеся комбинации слов в связи с тем, что мог предположительно означать этот документ, с какой целью он был составлен. Этим я и занимался.

Постепенно я расширял круг поисков, заново перечитывая все, что было известно о скифах, таврах и других соседях греческих поселений в Крыму. Ключ к разгадке тайны неизвестного языка следовало, по-моему, искать где-то здесь.

Но через неделю телефонный звонок Мишки Званцева вырвал меня из этого мира древностей и перенес в совсем иной, сверхсовременный...

— Приезжай сейчас же в институт, я тебя жду, — скагал он. — Шеф разрешил заниматься твоей шифровочкой после работы. Надо подготовить все материалы. На той неделе нам дадут машину на тридцать шесть часов...

— Только? — огорчился я. — А что мы успеем за это время?

Он так яростно засопел в трубку, что я торопливо добавил:

— Ну ладно, ладно, еду.

Институт находился за городом, километрах в сорока от Москвы. Прямо посреди сосновой рощи поднимались высокие корпуса, сверкая на солнце огромными окнами. И внутри все было новенькое, ультрасовременное. Я чувствовал себя не очень уютно в этом совершенно непонятном мне мире машин, окруженных защитными проволочными сетками, словно звери в зоопарке, приборов, занимающих целые комнаты, подмигивающих цветными лампочками пультов от пола до самого потолка.

А Мишка похаживал хозяином и по привычке «распускал павлиний хвост», как любил делать перед непосвященными:

— Чудо-машина, ее бы следовало назвать: «Смерть дуракам!» Моментально разоблачит и шпаргалочника в институте, и пройдоху-очковтирателя, и липового плановика, который все цифры берет с потолка...

Паренек в синем халате, с торчащей из кармашка логарифмической линейкой был, наоборот, очень немногословен.

— Виктор, колоссальный программист, — представил мне его Мишка Званцев.

А паренек уже невозмутимо склонился над копией найденного документа, машинально вытаскивая из кармашка свою логарифмическую линейку. Чем она ему тут может помочь?

Что происходило дальше, до сих пор как следует не понимаю и потому вряд ли смогу обстоятельно рассказать. Я вдруг снова почувствовал себя так же глупо, как и в тот момент, когда вытащил странный документ из-под земли. Михаил и Виктор о чем-то деловито рассуждали, но я почти ничего не понимал из их разговора. Алгоритм, статистические свойства текста, кодировка по таблицам случайного набора символов, энтропия, математическое ожидание и дисперсия — нет, они говорили явно на каком-то неизвестном мне языке.

Я и не пытался уже вникать в их разговор, отзываясь только на вопросы, обращенные лично ко мне и к археологии. Они заменили каждую букву греческого алфавита цифрами. Обыкновенная греческая буква «альфа» приняла в результате этого совершенно чудовищный, по-моему, вид: 100 000. А «эпсилон» стал выглядеть как 100 101. Вот теперь, по-моему, документ был действительно надежно превращен в какую-то шифровку...

В общем о технологии всей подготовительной работы по расшифровке найденного документа я больше ничего говорить не буду: желающие (и способные в этом разобраться) смогут узнать все подробности из специальной статьи, которую Михаил и Виктор готовят сейчас для сборника, посвященного проблемам кибернетики.

Так они колдовали с цифрами вечерами всю неделю.

И Виктор, покачивая головой, несколько раз говорил мне:
— Очень мало текста, боюсь, ничего не выйдет. Повторяемость некоторых букв ничтожна. Если бы вы нам дали побольше текста...

Чудак! Я бы и сам хотел найти новые документы: пусть даже непонятные, на таком же загадочном языке. Но, кроме этого клочка папируса, у нас пока ничего не было.

Наконец наступил день, когда по распоряжению шефа, которого я так и не видел и даже имени не узнал, нашей группе № 15, как она, оказывается, официально уже именовалась, должны были по графику дать на тридцать шесть часов вычислительную машину. В зал, где она размещалась, меня не пустили.

— Все равно ничего не увидишь, а только будешь мешаться под ногами, — строго сказал мне Михаил.

И я на этот раз не осмелился с ним спорить, только заглянул в зал на машину через полуоткрытую дверь. Но не увидел ничего нового, кроме все тех же пультов с лампочками да загадочных приборов вдоль стен. А потом дверь закрылась, и я отправился домой ждать...

Не знаю, сколько прошло времени до следующего вечера, — вероятно, тридцать шесть не часов, а лет или, может, даже десятилетий. Я услышал Мишкины торопливые шаги и распахнул дверь раньше, чем он успел позвонить. Первым делом впился взглядом в его лицо. Оно было смущенным. Значит, все оказалось липой, очередной трепотней?

— Ну?

— Да дай ты мне раздеться! — сказал он, отпихивая меня в сторону и разматывая шарф. — Понимаешь, очень мало текста, Виктор был прав.

— Где она? — заорал я.

С явным смущением, так не похожим на него, Михаил положил передо мной листок, на котором было написано:

«Возьми по-ахейски
«благовон», выжми из нее . . . и раз-
бавь водой из
Добавь два,
. возьми . . . пива . . одну,
зарезь нацеди его . . в ту
и . . . и доверху . . разбавленным
. это размешивай
не пена три
. и
. заговор
. «Сарон, Калафон,
. И залпом»

— Вот и все, по-моему, не слишком густо. Но ничего не поделаешь, текст уж больно коротенький, куций, — сказал Михаил так, словно был в чем-то виноват. — Тарабарщина. И, по-моему, не очень интересная: не то страница из поваренной книги, не то рецепт какого-то яда — не случайно тут упоминается слово «заговор» и чьи-то имена.

— Ничего ты не понимаешь в археологии, — решил я его утешить, хотя и сам был разочарован. — Тебе все кажется, будто для нас важнее всего найти какой-нибудь клад. А порой самые обыкновенные черепки от посуды или вот такая запись могут рассказать куда больше важного и интересного, чем находка красивой вазы или золотого кубка. Материальная культура народных масс далекой древности — вот что нас прежде всего интересует: как развивались производительные силы общества, что сеяли на полях, выделяли в мастерских, в какие производственные отношения вступали между собой люди в процессе труда.

— Ну и что же тебе говорит эта куца расписка, домогощенный Шерлок Холмс?

— Ну, во-первых, я ошибался, принимая это за какую-то хозяйственную опись или реестр. Скорее всего это рецепт, который жрец почему-то хотел засекретить, скрыть от чужих глаз...

— А может, все-таки сообщение о заговоре?

Мишке явно хотелось идти по стопам героев Эдгара По.

Рецепт его не устраивал: какая в нем романтика?

— Да нет, слово «заговор» тут употреблено в смысле «заклинание». А имена явно не греческие, вероятно, какие-то магические божества или демоны.

Я еще раз внимательно просмотрел запись и добавил:

— Кое-какие пробелы, кажется, можно восстановить по смыслу, помочь твоей чудо-машине. По-ахейски «благовоном» называли мяту. Значит, первая строчка читается: «Возьми мяты, называемой по-ахейски «благовоном»... Шестая строка: «зарезь», вероятно, какое-то жертвенное животное, а не коварного врага, как ты думаешь; «нацеди его» — видимо, «крови» — в какой-то сосуд... Да, несомненно, рецепт. Но зачем жрецу понадобилось зашифровать его, не понимаю!

— Хотел утаить, чтобы стать монополистом. Ты что думаешь, в древности жуликов не было, что ли?

— Возможно.

Тут я заметил, что Михаил как-то странно мнетя, словно хочет что-то сказать, да стесняется, — совсем на него не похоже.

— Ты что?

— Да так, есть одно соображение...

— Ну, говори.

— Боюсь брякнуть такую же нелепость, как тогда Алики насчет древних авиамоделлистов, — засмеялся Мишка. — Понимаешь, я тоже думал: зачем все это понадобилось проделывать жрецу? Почему его не устраивал родной язык, от которого потом пошли почти все письменности Европы и некоторые алфавиты Азии? По сравнению с громоздкой вавилонской клинописью или египетскими иероглифами греческий алфавит ведь в те времена был самым прогрессивным, простым и логичным. Недаром его, по-разному видоизменив, взяли потом за основу для своей письменности и некоторые другие народы.

— Ты, оказывается, не терял зря времени...

— Зачем же понадобилось этому жрецу, оставив греческий алфавит, сочинять какой-то новый язык, сохранив для него лишь немногие греческие слова, да к тому же почему-то искаженные? — продолжал он, отмахнувшись от меня, как от мухи. — Только ли для зашифровки этих секретов? Но для этого можно было и не заниматься сочинением нового языка — достаточно лишь зашифровать записи цифрами или условными знаками, как это сделали пираты в рассказе Эдгара По.

Он помолчал и добавил:

— Ты обрати внимание, что этот загадочный язык был, видимо, каким-то очень простым, логичным и ясным, поэтому многие слова так быстро и легко и расшифровала машина...

— Ну и что же ты хочешь, наконец, сказать?

— «Что-то вроде эсперанто», — определил его Виктор Крылов. А его логический ум очень точно схватывает такие вещи...

Мишка свирепо посмотрел на меня — не смеюсь ли, как он в свое время над Аликом, и продолжал:

— Чем больше я раздумывал над тем, что мы узнали в процессе подготовки программы для машины, тем больше внутренне соглашался с этим определением. Да, по простоте грамматических форм, логичности и лаконизму язык этого документа весьма напоминает эсперанто.

Тут уж я не выдержал:

— Эсперанто в первом веке до нашей эры? Ты перечитал слишком много книг по лингвистике! Слушай, это все из той же серии гениальных, но забытых открытий древних. Стальные колонны, которые не ржавеют, марсиане в пустыне Сахара, металлические гвозди и булавки, якобы найденные в доисторических слоях известняка... Все это могут сочинять только люди, как ты, совершенно не знакомые с реальным бытом людей древности. Рабовладельческий строй, греческие города окружены враждебными племенами скифов и тавров, не имеющих еще своей письменности, — ну, скажи мне на милость, с чего это греческому жрецу из храма Асклепия вдруг взбретет в голову сочинять в такой обстановке эсперанто для облегчения и укрепления международных связей? Бопиющее отсутствие малейшего чувства историзма! Нет уж, ты лучше почаще вспоминай ядовитые, но совершенно справедливые слова Марка Твена: «Сведения, которыми не обладали древние, были очень обширны...»

— Ладно, будем считать, что этого разговора не было. Что ты собираешься дальше делать?

— Копать, искать! Раз этот жрец вел зашифрованные записи, значит и прятал их в каком-нибудь тайнике. И, конечно, не успел оттуда забрать во время ночного внезапного нападения. Надо найти этот тайник! Надо будет — подожгу вашу проклятую площадку для танцев, но докопаюсь до тайника!

— Нет, все-таки придется тебя, видно, связывать и от-

правлять в сумасшедший дом... Но ладно, я пока никому не выдам, что ты рехнулся, только присылай мне побольше обгорелых кирпичиков для анализов.

Дались ему эти кирпичи!..

3

Снова берет слово А. Скорчинский

Новый раскопчный сезон я решил начать с планомерного повторного обследования всех развалин храма Асклепия. Храм имел в плане форму буквы «Т». Мы вскрыли левое крыло и центральную часть. Правое крыло, к сожалению, было для нас недоступным: на его месте уже выстроен са-наторий...

Каморка писца-раба, где мы нашли остатки корзинки с папирусом, находилась как раз в окончании левого плеча буквы «Т». Я предполагал, что и все правое крыло занимали, вероятно, служебные помещения. Вряд ли там мог находиться тайник. Вернее всего, его следовало искать где-то поблизости от центральных помещений, где располагались жертвенники и жили жрецы.

Вся эта часть была раскопана еще в прошлом году. Но мы начали ее обследовать заново, понимая, что при обычных раскопках тайник вполне можно пропустить, если не искать его специально.

Заново, сантиметр за сантиметром, я сам перекапывал всю землю в прошлогоднем раскопе. Мне помогал Алик Рогов, но вскоре ему эта работа, видимо, начала казаться пустой тратой времени. Он копал равнодушно, только «отбывал время» до конца работы, а потом немедленно смывал всю пыль и грязь и куда-то отправлялся на весь вечер.

Я долго не мог понять, куда же это он исчезает по вечерам, пока не увидел, заглянув случайно в его палатку, акваланг. Значит, прошлогодний визит Мишки все-таки оставил свои плоды: мои мальчики тоже заметили, что море у них под боком. Недоставало еще только, когда Мишка нагрянет в очередной отпуск, чтобы они додумались вместе с ним нырять в это злополучное подземное озеро.

Но я ошибся.

Однажды вечером я сидел в палатке и заполнял дневник раскопок. Алик исчез, как обычно, сразу после работы, прихватив акваланг. Солнце уже скатилось за горы, в палатке становилось темновато. Пора было зажечь фонарь.

И вдруг входной полог откинулся, и в палатку просунулась лохматая голова Алика. Все лицо у него было перемазано глиной. Уж не случилось ли чего?

— Алексей Николаевич... Я скелет нашел, — торопливо забормотал Алик, с трудом втискивая в палатку свое долговязое тело и зачем-то еще волоча за собой акваланг, тоже весь перепачканный грязью.

— Где? Какой скелет? Утопленник, что ли?

— Да нет, не в море, а в той пещере, что осенью раз-

ведывали. Я решил ее хорошенько обследовать. Нырять несколько раз в подземное озеро, там вторая пещера...

Так вот куда, оказывается, отправлялся он каждый вечер с аквалангом! А я-то думал, будто он спокойно ныряет в море, как все нормальные люди...

— Ничего особенного не обнаружил... А вот сегодня в боковом кармане нашел скелет, — продолжал он бессвязно рассказывать.

— В каком кармане?

— Да это так у нас, спелеологов, подземные тупики называются. Такой небольшой грот, а в нем скелет.

— Древнее захоронение?

— Не знаю, не смог определить. Надо вам самому посмотреть.

Больше я от него ничего толком не мог добиться. Отправиться в пещеру на ночь глядя было опасно. Решили подождать утра.

— А как же ты туда один лазил? — напустился я на него. — Еще хвастался, будто опытный пещерник. Разве можно такие вещи делать?

— Да я не один, — смущенно оправдывался Алик, тщетно пытаюсь стереть с разгоряченного лица грязь и только размазывая ее еще больше. — Павлик Курашов со мной ходил для страховки и оставался на берегу озера, пока я нырял. И каждый раз мы у входа записку клали с указанием времени, когда вошли в пещеру и когда предполагаем вернуться. Так что я все правила безопасности соблюдал. Да и товарищи знали, куда мы отправились.

— Значит, тайком от меня?

— Почему тайком? — пробормотал он. — Обследовали пещеру в свободное время. Никто не может нам запретить спортом заниматься после работы, верно? А вам и ребятам не говорили, чтобы не создавать вокруг этого дела нездорового ажиотажа...

— Вот я тебе покажу нездоровый ажиотаж за нарушение экспедиционной дисциплины, — погрозил я ему кулаком, хотя это, пожалуй, было несколько непедагогично. — Ты забыл, что все-таки в экспедиции находишься, а не на курорте дикарем приехал? Я же за каждого из вас головой отвечаю и в рабочее и в нерабочее время! А теперь ступай умойся... пещерный житель.

Лезть в эту пещеру да еще нырять в подземное озеро мне, признаться, вовсе не улыбалось. Но нельзя же оставить древнее погребение необследованным!

Утром, никому не говоря, я поручил одному из студентов заменить меня на раскопках, а сам в сопровождении Алика и Павлика Курашова отправился в пещеру. Акваланг у нас один, но Алик прихватил еще маску с дыхательной трубкой, сказав, что хорошо изучил, как надо нырять, и вполне обойдется этим нехитрым снаряжением.

У входа в пещеру мы оставили записку: вошли во столько-то, предполагаем вернуться не позднее шести часов вечера. Об этом же было сообщено и моему заместителю на раскопках.

Всю подземную дорогу до самого озера мы преодолели без каких-либо осложнений. Алик проходил тут не раз и тщательно разметил путь меловыми стрелками на стенах.

Вот и озеро. Вода в нем при свете наших трех фонарей казалась совсем черной, густой и маслянистой, сверкала, словно нефть. При мысли, что придется нырять в нее, у меня мурашки пробежали по коже. Но Алик быстро разделся, деловито приладил маску, одновременно инстинктуя меня:

— Как нырнете, плывите у самого дна, чтобы головой о скалу не стукнуться. Это недалеко, метра три с половиной всего будет. Потом можно всплывать. Я пойду первым и вам посвечу там при выходе.

Потом он придирчиво проверил, хорошо ли упакованы в резиновый, непроницаемый для воды мешок фотоаппарат с лампой-вспышкой и блокнот. Я захватил все, чтобы прямо на месте, как полагается, сфотографировать и зарисовать находки, прежде чем их исследовать.

Сборы были закончены. Поежившись, я смотрел, как Алик, придерживаясь за камни, входит в черную воду и исчезает в ней с головой. Теперь моя очередь. Павлик остался на берегу с нашей одеждой.

Очень неприятное было это ощущение, когда я начал погружаться в холодную и грязную воду. В ней скопилось так много ила, что она казалась липкой и вязкой. Невольно хотелось поскорее вылезти из этой подземной трясины.

Казалось, я физически чувствовал, как тяжело давит на меня вся громада скалы, нависшей сверху. И я невольно почти полз по илистому дну, прижимался к нему всем телом — и так и выполз на берег, весь измазанный.

Внезапно в глаза мне ударил свет фонаря. Сквозь мутные потеки грязной воды на стекле маски я смутно увидел Алика, протягивавшего руку. Он помог мне выбраться на скользкий берег и снять акваланг.

Подземный зал, в который мы попали таким необычным способом, был, видимо, громаден. Наши фонарики вырывали из мглы то сверкающие исполинские сосульки сталактитов, свисавшие откуда-то сверху, с невидимого нам потолка, то кусок скалы, весь усеянный острыми кристаллами неправильной формы. А дальше все пряталось во тьме. Вдоль одной стены выстроились тонкие известковые колонны, напоминая трубы огромного органа. Известковые натёки покрывали все стены, словно причудливые драпировки и кружева. И всюду негромко журчала, звенела, шепталась вода, бесчисленными ручейками вливаясь в подземное озеро...

Но рассматривать зал некогда. Алик тянет меня куда-то в сторону, где тьма кажется особенно густой и мрачной.

Мы бочком пробираемся мимо скалы, оцетинившейся острыми шипами. Потом, пыхтя и задыхаясь, почти ползком пробираемся по узкому проходу. Алик поднимается во весь рост и нацупывает лучом фонарика небольшую площадку под нависшей козырьком скалой.

— Вот, смотрите, — хрипло произносит он.

Я направляю свет своего фонарика туда же, под нависшую скалу, и медленно подхожу поближе.

Скелет лежит в небольшой нише, рассматривать его трудно. Но сначала нужно выполнить первое железное правило: сфотографировать и зарисовать находку, прежде чем притрагиваться к ней. Сколько случаев известно в истории археологии, когда от прикосновения неопытной руки рассыпались, моментально превращались в прах, в пыль весьма ценные находки! Для этого порой даже и притрагиваться не нужно, достаточно просто струи свежего воздуха.

Я торопливо распаковываю резиновый мешок, вынимаю из него лампы, фотоаппарат, начинаю готовить их к съемке.

— Алексей Николаевич, а какого это примерно времени захоронение? — по-прежнему шепотом, словно боясь нарушить подземный покой, спрашивает помогающий мне Али.

Я понимаю его затаенное желание, чтобы находка непре-

менно оказалась какой-нибудь исключительно редкой, особенно древней, поразительной для науки. Но пока ничего ответить ему не могу.

— Может быть, тавров или даже кизылкобинцев. Это загадочное племя населяло здешние горы еще до тавров и обычно устраивало могильники как раз в пещерах. Каждая новая находка их особенно интересна для науки.

«А может, это вовсе не могила?» — мелькает у меня в голове. Нет ни ритуальных предметов, какими все древние племена непременно снабжали покойников на дорогу в загробное царство, ни украшений.

Не терпится осмотреть скелет получше, но я сдерживаю себя. Прежде всего снимки.

Аппарат готов. Озаряя подземелье вспышками электронной лампы, я делаю один за другим десять снимков с разных точек. Потом мы устанавливаем вокруг площадки несколько принесенных с собой свечей, и я начинаю зарисовывать в тетрадь детальный план захоронения. Алики взволнованно сопит у меня над ухом.

Зарисовка требует полного внимания и сосредоточенности. Но все-таки в моей голове одна за другой проскакивают отрывочные, бессвязные мысли.

Как таинственно и зловеще выглядим мы, наверное, со стороны: два пригнанных человека, склонившихся над скелетом при неверном свете свечей... Почему у него такой уродливый лоб? И на костях грудной клетки след удара. Чем?.. Нет, эту руку я нарисовал неверно, она идет вот сюда.

Так. Кажется, первая зарисовка закончена. Теперь надо разметить площадку на квадраты и приступить к детальному обследованию. Может, по сережкам или кольцу, по остаткам украшений, погребальной утвари удастся, наконец, определить, к какому времени принадлежит захоронение.

Мы с Аликом вбиваем колышки по краям площадки и натягиваем между ними прочную бечевку. Их переплетение образует строгую сетку правильных квадратов, чтобы каждая кость, каждая находка имела точный адрес и можно было записать в дневник раскопок: «Обнаружено в квадрате таком-то...»

Скала твердая, колышки не хотят в нее вбиваться, мокрые руки срываются. Наконец мы справляемся с этой нелегкой работой, раскровенив себе пальцы. Теперь можно передохнуть и покурить.

Мы садимся прямо на мокрые камни возле скелета, окруженного цепочкой тускло горящих свечей. Я смотрю на часы. Неужели прошло уже шесть часов, как мы вошли в пещеру? Здесь теряешь всякое представление о времени. Надо поторапливаться, а то наверху начнут беспокоиться и, чего доброго, отправятся на поиски.

Обидно, но я не вижу никаких примет, по которым можно было бы установить время погребения. Одежда давно истлела, нет ни металлических, ни костяных украшений. Или это вовсе не захоронение, а человек просто забрел в пещеру и отчего-то погиб здесь? Отчего?

Убийство? Но когда оно произошло? И каким орудием перебиты ребра, куда оно делось?

Алик светил мне, держа в руках, кроме фонарика, еще две свечи. Расплавленный стеарин капал ему на руки, но он не замечал этого.

Мне показалось, что возле ладони скелета что-то тускло блеснуло.

— Ну-ка, посвети сюда получше! — сказал я.

Да, среди камней виднелся какой-то продолговатый предмет. Я осторожно подцепил его пинцетом и вытащил.

— Ничего не понимаю! — растерянно пробормотал я.

У меня на ладони лежал довольно длинный, сантиметров в десять, явно металлический стержень, плотно оплетенный проволокой!

Я протер тряпкой покрывавший его известковый налет. Да, несомненно, проволока, намотанная на металлический стержень.

— Это же проволока! — воскликнул я в полном изумлении.

— Как?! — ахнул Алик и потянулся ко мне. При этом свободная его рука, которой он придерживался за обломок скалы, вдруг соскользнула и задела череп.

И в то же мгновение череп на наших глазах исчез, разрушился. Мы не успели опомниться, как вместо него перед нами лежала только небольшая кучка серого праха.

— Что ты наделал! — вскрикнул я, но тут же махнул рукой. — А, впрочем, ничего страшного.

— Почему? — совершенно упавшим голосом спросил потрясенный Алик.

— Да потому, что зря мы с тобой столько времени потеряли. Нырjali в подземелье, подкрадывались к этому скелету чуть не на цыпочках, старались не дышать, фотографировали, рисовали. А кому он нужен?

— Значит, это не древнее захоронение? — робко спросил Алик.

— Конечно, нет. Древние проволоку не умели делать.

— А как же он сюда попал?

— Пусть это следователь выясняет. Собирай манатки, и пошли отсюда, нечего нам тут делать.

Мы молча засунули в резиновый мешок фотоаппарат, гетрадку, погасили и убрали огарки свечей. Стержень, обмотанный проволокой, я тоже захватил с собой.

Мы уже добрались до берега озера и приготовились нырять, как все еще занятый печальными мыслями Алик вдруг горестно сказал:

— Как же меня угораздило зацепить этот череп? И почему он рассыпался?

— Это, брат, у химиков и анатомов надо спросить. Может, тут вода такая — разъедающая кости. Или воздух в пещере. Да ты особенно не горюй, — утешил я его. — Вот один археолог нашел в Италии гробницу этрусского воина — это действительно ценность. Начал ее вскрывать, только заглянул в щелочку. Воин лежал в гробнице как живой. Каждая морщинка на его лице была отчетливо вид-

на, каждый волосок усев. И мгновенно все превратилось в пыль от струи свежего воздуха. Мумия воина исчезла, испарилась на глазах потрясенного исследователя. Вот для него это был удар, представляешь? Ну ладно, ныряем.

Теперь, после такой обидной неудачи, погружаться в эту грязь было еще противнее. Но ничего не поделаешь.

— Долго же вы там копались! — недовольно сказал Павлик, заждавшийся нас. — Я совсем замерз. Пошли скорее на волю. А что нашли?

— Скелет Александра Македонского в юности. — буркнул я.

Пока мы выбирались из пещеры, Алик наскоро рассказал ему о нашем неудачном походе. Павлик экспансивно ахал, всплескивая руками, крутил головой.

Выбравшись на белый свет, мы первым делом поспешили на берег моря, чтобы смыть грязь. А выкупавшись, вытащили из мешка и снова стали рассматривать проволоку. Ее покрывала толстая известковая пленка от подземной воды.

— Давайте соскоблим грязь и отмоем ее как следует, — предложил Павлик.

— Нельзя, на ней, может быть, отпечатки пальцев сохранились, — остановил его Алик.

— Какие отпечатки пальцев?

— Ну, того... кто ее туда принес, в пещеру. Дактилоскопия. Вы же отдадите эту проволоку следователю? — спросил у меня Алик.

Я кивнул.

— Значит, трогать ее нельзя, — строго сказал он.

— Да вы уже захватили ее своими пальцами, пока рассматривали в пещере, — весьма резонно возразил ему Павлик.

— Ничего, там разберутся, — не очень уверенно сказал Алик. — Там отличат наши отпечатки от следов пальцев преступника.

— Так ты думаешь, его там убили, в пещере? — оживился Павлик. — А кто? И когда?

Тут они начали вдвоем строить такие фантастические догадки, что я решительно оборвал их:

— Ну, хватит с меня этой пещеры Лихтвейса. Пошли в лагерь, сыщики. И смотрите, если кто-нибудь у меня снова полезет в пещеру! Немедленно отчислю из экспедиции!

На следующий день я отправился в районное отделение милиции и рассказал о нашей неожиданной находке. Молодой краснощекий лейтенант выслушал меня очень внимательно, сразу напустил на себя строгий и деловитый вид, даже застегнул воротничок кителя. А когда я передал ему проволоку на стержне, глаза у него загорелись. Еще бы, я понимал его: часто ли приходится расследовать истории загадочных скелетов, найденных в подземелье!..

— Благодарю вас за важное сообщение, — сказал он, крепко пожимая мне руку. — Мы немедленно займемся этим темным делом.

Уже в дверях я оглянулся. Лейтенант, совсем забыв и обо мне и, наверное, обо всем на свете, зачем-то пристально

рассматривал проволоку в сильную лупу. Может, он и в самом деле искал на ней отпечатки пальцев?..

Вечером я проявил пленку, чтобы отправить следователю и фотографии, сделанные в пещере. «Какой он был головастый! — невольно подумал я, рассматривая еще мокрые отпечатки при зловещем свете красной лабораторной лампочки. — Жалко, что череп рассыпался в прах. Можно было бы восстановить облик по методу профессора Герасимова. Человека с такой головой не трудно было бы опознать...»

«А вдруг это был все-таки древний кизылкобинец или тавр? — подумал я. — А стержень с проволокой мог подбросить какой-нибудь шутник вроде Васи Харикова, оставившего свой глупый автограф в пещере...»

Когда отпечатки просохли, я отправил их с одним из студентов в пакете к следователю.

Через несколько дней снова подумал, что надо бы и самому наведаться в милицию, узнать, не нашли ли они чего-нибудь новенького в пещере. Но новая неожиданная — вернее, долгожданная! — находка сразу заставила меня забыть и об этом глупом походе в пещеру и о наших детективных находках.

Мы наконец-то обнаружили тайник!

Произошло это так. Я вместе с Аликом вторично обследовал сохранившийся в земле фундамент одной из колонн сгоревшего храма. Обычно для этого использовали грубо обтесанные глыбы местного камня. Но когда я постучал молотком по этой глыбе, звук сразу выдал, что в ней есть какая-то пустота. И действительно, когда я всунул лезвие ножа в щель, видневшуюся между глыбой и мраморной плитой, прикрывавшей ее сверху, плита медленно, словно нехотя, сдвинулась с места, открывая темное отверстие.

Тайник! Но теперь я как-то не слишком даже обрадовался и взволновался. Наверное, потому, что в душе давно ждал этого момента, твердо был уверен, что рано или поздно найду тайник, пусть ради этого пришлось бы несколько лет перекапывать всю землю среди развалин древнего храма. Теперь я просто убедился, что шел по правильной тропе.

Я засунул по локоть руку в темный зев тайника.

Она нащупала что-то холодное, металлическое. Неужели медная циста, в каких греки обычно хранили и перевозили рукописи, чтобы предохранить их от сырости? Сердце у меня так и затрепыхалось.

Я медленно вытащил непонятный предмет из тайника, и все вокруг ахнуло. Это была... нижняя челюсть человека, но только не настоящая, а весьма искусно сделанная, похоже, из серебра. Вслед за ней я вытащил нос — длинный, с характерной горбинкой, тоже серебряный.

— Что это? Серебряный скелет? — воскликнул кто-то из студентов за моей спиной.

Я тоже с немалым удивлением и замешательством рассматривал необычные находки. Этого только не хватало: найти еще один скелет, на сей раз серебряный!

И вдруг вспомнил о древнем суеверном обычае: больной, получивший исцеление, иногда посвящал богу как бы «макет» той части тела, которая у него болела. Обычно такие жертвенные подношения делались именно из серебра. А жрец, устроивший этот тайник, видимо, прикарманил несколько ценных вещей.

Когда я наскоро объяснил это ребятам, похоже, они слегка разочаровались. Видно, уже настроились найти целый серебряный скелет в самом деле.

Но тут же все снова замерли, потому что я засунул руку в тайник поглубже, по самый локоть, и действительно вытащил долгожданную цисту — позеленевший от времени медный цилиндрический футляр.

«А вдруг в нем ничего нет? — Я внезапно так испугался, что пот выступил у меня на лбу, и пришлось его торопливо стереть грязной рукой. — Циста не запечатана, крышка завернута не до конца. Вдруг жрец не успел положить в нее никаких документов и они сгорели в ту паническую ночь?..»

Руки у меня тряслись, пока я медленно отвинчивал крышку цисты под напряженными взглядами всех.

Но вот из футляра так же медленно выполз толстый сверток папируса. Я громко вздохнул, и все вокруг тоже облегченно вздохнули.

Начало немного попорчено, отсырело. Но это ничего.

Уже при первом взгляде на рукопись я понял: она снова написана греческими буквами, но зашифрована. Тоже не страшно. Рукопись большая, мы ее непременно расшифруем!

Наутро я уже вылетел в Москву и прямо с аэродрома помчался к Мишке в институт. Пять минут, пока я ждал его в проходной, показались мне вечностью...

И вот снова мы составляем таблицы, переводим буквы на язык двойного исчисления. Но теперь эта работа уже идет куда веселее: ведь столько материалов у нас в руках — целая рукопись!..

Сам директор института (оказавшийся, кстати, вовсе не стариком, как я представлял его по рассказам Мишки, а весьма загорелым человеком лет сорока пяти с хорошей спортивной выправкой) несколько раз заходил к нам и поторавливал, помогал очень дельными советами. Похоже, что он тоже вечерами занимался сравнительной лингвистикой...

И вот мы стоим перед машиной, мерцающей разноцветными огоньками сигнальных ламп. Она негромко басовито гудит, и в этом есть что-то ободряющее и успокаивающее.

Но я все-таки никак не могу успокоиться до той самой минуты, пока передо мной не ложится на стол первый, только что отпечатанный на пишущей машинке лист, и я свободно читаю первую фразу:

«Воистину за сорок лет служения в храме Асклепия немало довелось мне быть очевидцем поразительных проявлений человеческой глупости...»

(Окончание следует)

Если бы летом 1918 года после первой кавалерийской атаки, в которой я участвовал, меня попросили описать эту схватку с белогвардейцами (я, молодой кавалерист, раз десять тогда гладил шашкой, а мне казалось — зверски рубил удирающих бородатых казаков), я бы в сердцах наговорил очень много неприят-

ных слов в адрес плохой шашки и коня, а картину боя рекомендовал бы отобразить нашему эскадронному писарю.

Если бы такую же просьбу я услышал осенью 1936 года в скопах у моста Принцесс, где позиции марокканцев и республиканских бойцов разделяли лишь тридцать-сорок метров бурливого Мансанареса, а пули, снаряды, бомбы сыпались осенним дождем, я бы ответил, что из такого ада мало кто выходил живым, а мертвые абсолютно неграмотны.

Если бы кто-нибудь поинтересовался, как я опишу картину ливня на второй день после захвата сопки Заозерная (осень 1938 года), ливня, который переворачивал и крутил, как щепку, в мутных водах трехтонную машину ремонтной мастерской вместе с людьми в ней, я бы сказал, что это лучше меня сделает корреспондент газеты «Красная звезда».

Переживания во время окружения немецкими танками штаба 25-го механизированного корпуса (июль 1941 года), когда от наседающих пьяных фашистов отстреливались не только офицеры, но и машинистки и санитарки, или ликующую радость победных боев в Берлине у самого рейхстага (1 мая 1945 года), по моему глубокому убеждению, должны описывать такие талантливые мастера пера, как Шолохов, Федин.

Все это я рассказал для того, чтобы показать, насколько далек был от мысли когда-нибудь начать писать. И все-таки на втором полувеке своей жизни я занялся этим...

Издательством «Молодая гвардия» выпущены две книги моих воспоминаний: «Сквозь бури» — о славных конниках 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии Первой Конной армии Семена Михайловича Буденно-

С. М. КРИВОШЕИН,
генерал-лейтенант в от-
ставке, Герой Советского
Союза

Схватка

В ГОРАХ

Наша 6-я Чонгарская кавалерийская дивизия после ликвидации банд в плавнях Кубани была переброшена в район станицы Баталпашинской на Северном Кавказе.

Первая кавалерийская бригада 6-й дивизии, в которой я служил, приводила себя в порядок, занималась боевой подготовкой, но основной ее задачей была ликвидация бандитизма в районе станицы Зеленчукской.

Разрозненные части денкинцев, которые не смогли пробиться к Черному морю и сбежать на иностранных кораблях за границу, скрывались в труднодоступных горах. Местные кулаки и богатые черкесы снабжали эти банды продуктами. Бандиты действовали небольшими отрядами в двадцать-тридцать человек, а иногда для налетов на крупные станицы несколько отрядов сливались в одну большую банду.

Особенно свирепо разбойничала в районе станицы Зеленчукской банда князя Джентимирова. Она терроризировала население всей округи. Опасаясь налетов, казаки боялись даже работать в поле.

го, и «Ратная быль» — о героях-танкистах Великой Отечественной войны.

Белгородское областное издательство собирается в этом году выпустить «Междубурье». Это книга о боевых подвигах танкистов, воевавших в Испании и на озере Хасан.

Почему же я стал писать!

Задумываясь над патриотическим воспитанием нашей прекрасной молодежи, я понял, что о незабываемом героическом подвиге советского народа и партии нашей в борьбе с фашистскими захватчиками она узнаёт и будет узнавать из книг. Участвовать в написании таких книг должны и те, кто сам пережил бой, видел все своими глазами.

Беззаветное служение Родине, отвага и самопожертвование во имя спасения товарищей в бою стало обычным поведением наших воинов. Если говорить о танкистах, то такие примеры высокого мужества

Князь Джентимиров, богатый скотопромышленник Баталпашинского округа, всю гражданскую войну прослужил в «волчьей сотне» генерала Шкуро. Обозленный до крайности реквизицией всех своих многочисленных овечьих отар, просторного каменного дома в ауле Хахандуковском, Джентимиров собрал банду из богачей разных горских национальностей. С приходом в район Баталпашинска частей буденновской конницы бандиты укрылись в самых глухих местах.

Командир первой кавалерийской бригады Игнат Аверьянович Вашило, в прошлом драгунский унтер-офицер и лихой рубака, получив задание ликвидировать банду князя Джентимирова, отдал следующий приказ:

«Каждому командиру полка организовать по два разъезда в тридцать-сорок коней. Разъезды усилить двумя станковыми пулеметами на вьюках. Лошадей подобрать из местных кабардинских пород, с полной чисто казачьей сбруей (седла, уздечки, чомбура). Людей отобрать смелых, инициативных. Задача каждого разъезда: разыскать банду, влиться в нее под видом разбитой деникинской части, получить точные данные о силе, составе, расположении, обо всем донести в штаб бригады. Если представится к тому возможность, ликвидировать банду на месте своими средствами».

Утром вызвал меня командир 32-го кавалерийского полка товарищ Тарновский-Терлецкий. Задумчиво разглаживая свои большие усы, он длинными шагами вымерял из угла в угол комнату и, не ответив на мой доклад о прибытии, спросил:

— Ты слышал, Кривошеин, что-нибудь о банде князя Джентимирова?

— О ее зверствах по станице только и говорят, — ответил я.

— А что бы ты сделал, если бы получил приказ эту банду уничтожить? — спросил командир полка. Он стал против меня и устрашающе выкатил большие серые глаза.

показали майор Арман, первый Герой Советского Союза — танкист; командир танка старший лейтенант комсомолец Дмитрий Лавриненко, уничтоживший 52 немецких танка; командир танковой бригады Вайнруб и тысячи других.

Для описания их подвигов нужно страстное желание правдиво и доходчиво рассказать о будничной жизни этих простых советских людей, заставить свою память открыть тайники, не жалеть времени для бесед с живыми участниками войны, усердно рыться в архивах и все полученное сырье обрабатывать за писательским столом, в кропотливом труде — много месяцев и лет.

Кривошеин

— Что сделал бы? Уничтожил! — выпалил я.

— «Хвалилась свинья луну достать»! А как бы ты ее уничтожил? — насмешливо улыбнулся комполка. — Она самого тебя так уничтожит, что пыль из тебя пойдет, как из старого валенка!

— Насчет пыли, товарищ командир полка, «бабушка надвое сказала!» — возразил я. — Конечно, сама банда в руки не придет. Сначала придется ее разыскать, а там видно будет: или уничтожить ее из засады, или придумать что-нибудь поумней.

— Вот это уже похоже на дело! Это мужской разговор! — весело произнес командир полка свою любимую присказку. — Значит, ты поедешь начальником разъезда, а командир третьего эскадрона Хоменко будет командовать другим.

Тут я только заметил, что в глубине комнаты сидит и ухмыляется невысокий крепыш Хоменко.

— Ваши разъезды пойдут в противоположных направлениях, — продолжал командир полка. — Подробности по организации получите у начальника штаба. Поверять готовность буду завтра в шесть ноль-ноль. Можете идти.

Мы зашли к начальнику штаба полка и уточнили все относительно формирования разъездов и тактики действий при обнаружении банды, а затем поскакали по эскадронам подбирать людей, лошадей с длинными хвостами (казаки хвосты не обрезали), казачью сбрую и снаряжение.

На следующий день рано утром после проверки командиром полка мой разъезд направился в горы. Вместе с нами ехал проводником дед Ничипор.

Дед Ничипор, коренной казак станицы Зеленчукской, безлошадный бедняк, всю свою долгую жизнь проработал батраком у богатей. Много он хлебнул горя и от них и от «господ стариков»¹. В горах он знал каждую тропинку, каждый камень. В станице про него ходила байка: «Дед Ничипор каждый день знает, где и какой дикий козел справляет свадьбу и с какой козочкой». Бодрый, веселый, говорун, он на коне сидел «чертом»². Сам старался нам помочь особенно ревностно еще и потому, что его два сына служили у Буденного.

На мой вопрос, найдем ли мы банду, дед Ничипор, хитро сощурился свои по-молодому сверкающие глаза, сказал:

— А зачим бы я ихав? Як пить дать, буде наша!

Проезжая несколько горных пастбищ, мы останавливались у каждого коша³ и подолгу расспрашивали пастухов о банде, где она, сколько их, часто ли бывает здесь, но они молчали: не знали или боялись говорить.

Во время обеда я спросил деда Ничипора, где, по его мнению, нам следует в первую очередь искать банду. Дед долго чесал редкую свою бороденку, как будто вся разгадка была в ней, а потом сказал:

¹ Так именовались при царском режиме казаки-богатеи, которые вместе с атаманом чинили суд и расправу в станице.

² Так кавалеристы определяли красивую, непринужденную, лихую посадку, когда всадник и лошадь в движении сливаются в одно целое.

³ Кош — загон для овец с жильем для пастухов.

— А бис его батька знае, де вона може быть! Тут е дви або три агромадных пещеры, де я с барантой¹ колысь ховался от дождя. Думаю, шо воны там. А у якой побачимо, як бог поможе.

...Тропинка петляла вверх и вниз. И тут я убедился, насколько прав был командир полка, когда в приказе подчеркивал, чтобы в разъезд подбирались кони только местных пород. Маленькие, легкие, вместе с тем очень выносливые, они, как дикие козы, часами скакали по узенькой тропинке. С одной ее стороны шел крутой, в несколько сот метров обрыв, на дне которого едва слышно шумела река, а с другой — отвесная гранитная стена. Несколько раз мы проходили вброд мелкие горные ренки с совершенно чистой холодной водой.

Вечером подошли к одной из пещер. Банды там не обнаружили, хотя следы пребывания большого количества людей и лошадей были налицо: пепел от нескольких костров, бараньи кости, конский и овечий помет, клочки затоптанного сена. Я сказал деду Ничипору, что, по моему мнению, не так давно здесь ночевало человек сто с лошадьми.

— А может, и уси двисти, — серьезно сказал наш опытный проводник, разглядывая оставленные бандой следы.

Здесь мы решили остановиться на ночлег: кони заметно устали, да и бойцам нужен отдых.

Я собрал всех своих людей и еще раз подробно объяснил, как вести себя при встрече с бандой, что и как делать в случае, если мы вольемся в нее.

Бойцы заверили меня, что будут «прекрасными бандитами». «Только потом, — смеялись они, — трудно будет разбандитиваться обратно».

Покормили коней и, выставив охранение, завалились спать.

Во время моей беседы с бойцами дед Ничипор сидел в сторонке на седле и дремал. А когда я кончил, он подошел ко мне и сказал, что завтра нужно будет двигаться к «Пяти угодникам».

— Там, — добавил он, — така ж велика пещера. Видсиль до ней верст мабуту двадцать.

— Хорошо! — сказал я. — К «угодникам» так к «угодникам», а сейчас спать до утра.

С рассветом тронулись дальше. Впереди чернело глубокое ущелье, а за ним далеко едва проглядывали темно-синие снежные вершины гор. Утренняя заря только что занималась, окрашивая все вокруг в бледно-розовый цвет.

Прошли уже километров пятнадцать. Вдруг головные дозорные дали условный сигнал: «Стой!» — и быстро свалились с коней. Я поскакал к ним и, спрыгнув с коня, подполз к Ничипору. Дед показывает мне рукой вниз. Присмотрелся: по тропинке поднимались трое. Поднял к глазам бинокль: двое на лошадях, один на ишаке. Подал разведку сигнал: «Ко мне!» Разделил отряд на две части и приказал каждой половине замаскироваться по сторонам тропы.

— Бандитов, — потребовал я, — подпустить на пять шагов и захватить живыми. Коней их не выпускать. Без команды не

¹ Баранта — стадо баранов.

стрелять. Старшине Суменко с пятью бойцами занять засаду в двухстах метрах впереди, вправо от нашей тропинки, с задачей: если какому-нибудь бандиту удастся от нас ускользнуть, уничтожить огнем. В случае появления новой бандитской группы немедленно доложить, не открывая огня.

Все быстро заняли свои места. Лежим. Ждем. Каждая минута кажется часом. Вот бандиты добрались до реки. Остановились. Напоили коней. Вверх поехали гуськом. Ишак опять замыкал шествие. Один из бандитов запел. Слышен только голос, а их самих не видно: тропинка зашла за выступ скалы метрах в двухстах от нас. Наконец показался первый всадник на хорошем вороном коне. Это был красивый чернобородый черкес. Второй, совсем мальчишка, лет пятнадцати, ехал и настороженно вертел головой по сторонам. На ишаке сидел толстый бородач, непрерывно подгоняя его пятками.

Все бандиты вооружены кинжалами, шашками. Винтовки мирно болтаются за спинами. Вот уже простым глазом хорошо видны большие серебряные газыри на черкеске головного бандита. Едут совершенно спокойно: очевидно, на этой дороге бывали не раз и не ожидают нападения. Они уже совсем близко. Нас разделяют десять... пять метров...

Пора! Пружиной отталкиваемся от земли и с криком: «Стойте! Руки вверх!» — бросаемся на бандитов. Головной успел повернуть коня, но ударить помешал ему второй, конь которого загораживал всю тропинку. Короткая жаркая схватка — и бандиты лежат связанные на земле. Головной, видно какой-то «начальник», больше всех причинил хлопот нашей тройке. Прокинутый на землю, он кусался, дрался ногами до тех пор, пока ударом рукоятки нагана не привели его в спокойствие. Всех троих вместе с конями мы быстро оттащили в укрытие.

Начали допрос. Здесь нам помог дед Ничипор. Он, как православский переводчик, настойчиво спрашивал по-черкесски, кто сны, куда едут. Бандиты молчали как немые. Головной сидел, не поднимая глаз, и всем видом своим показывал полное безразличие к происходящему. Мальчишка дрожал, испуганно косил по сторонам выпуклыми черными глазами. Толстый смотрел на небо, как бы ожидая помощи оттуда.

Видя безуспешность стараний деда Ничипора, я приказал перевести бандитам: «Если они не будут отвечать на мои вопросы, я их здесь же расстреляю, как поганых собак». Перевод моих слов не произвел никакого впечатления. Они продолжали упорно молчать. Тогда дед передал им, что сейчас начнут их расстреливать по одному. Я приказал трем бойцам отвести толстого за выступ скалы, заткнуть ему рот, произвести выстрелы в воздух, связанного оставить за скалой и, вернувшись, доложить мне об исполнении приказа.

Старого бандита поволокли. Он молчал. Не пошевелился и головой бандит. Однако мальчишка стал конвульсивно дергаться и... заплакал. Раздался залп. Мальчишка заревел в голос. Головной зло сверкнул на него глазами и что-то прошипел, а потом стал громко ругаться и плевать.

Дед опять повторяет те же вопросы. Снова молчание. Я приказал тащить на «расстрел» головного бандита. Мальчишка заорал еще громче и, как только главарь скрылся за

выступом скалы, что-то быстро залопотал по-черкесски. Дед перевел, что мальчишка хочет рассказать все, только пусть не расстреливают его дядьку. Я задержал «расстрел».

Мальчишка стал торопливо рассказывать, что в двух-трех километрах отсюда, за следующим перевалом, в пещеру¹ находится банда до двухсот человек. Там же и Джентимиров. Князь проводил совещание с главарями других банд, и сейчас в пещере идет пир: пьют бузу¹ за будущие успехи. Джентимиров послал их в аул за бузой и молодыми барашками.

Пленных и донесение направил командиру полка, а спешенный разъезд тронулся вперед.

Группе старшины Суменко приказал остаться на месте с задачей прикрыть огнем, если бандиты набросятся на нас со следующего перевала.

Никем не замеченные мы вскоре подползли почти к самой пещере и в двадцати-тридцати метрах от входа расставили заставы с пулеметами. Бандиты из пещеры не показывались. Слышны были только их крики и песни. Чтобы запереть все выходы из пещеры, десяток бойцов переправил на другую сторону ложины и поставил там два караула. В полной тишине, в напряженном ожидании их выхода мы пролежали весь короткий остаток дня и ночь. Было холодно. Ветер, врываясь в ущелье, ревел и свистел, как Соловей-разбойник. Мелкий надоедливый дождь промочил всех до нитки. Дождевая дымка совсем сократила видимость. Пришлось выдвинуть секретеры еще ближе. Только перед самым рассветом десяток бандитов попытался на конях выехать из пещеры, но встреченный нашим огнем быстро повернул назад. Завязалась перестрелка.

Утром с ближайшего коша прискакал ко мне боец с приказанием явиться для доклада к командиру полка. Я помчался. После моего короткого доклада командир полка отдал приказ прибывшим вместе с ним эскадронам занять места застав, а сам с командирами пошел на рекогносцировку. Усилившаяся стрельба на заставах и крики заставили прекратить разведку. Бандиты пытались прорваться из пещеры, но, оставив у ее входа десятка полтора убитых, вернулись обратно. Двух раненых взяли в плен.

По рассказам деда Ничипора, пещера, где находилась банда, представляла собой большое помещение высотой в три-четыре метра. В нее свободно могло войти до тысячи баранов. Внутри пещеры находился родник с хорошей питьевой водой. Пленные показали, что в банде имеется до сотни баранов и десять коров. Значит, долгое время ни в воде, ни в пище банда не будет испытывать затруднений. Практически банда может сидеть в пещере несколько недель. Следовательно, необходимо принимать меры, чтобы выгнать ее из пещеры.

Командир полка приказал в 10.00 на пять минут открыть огонь по пещере из всех видов оружия. После обстрела бандиты совсем затихли. Нужно было придумать что-то другое.

¹ Буза — хмельной напиток из пшена.

Тарновский-Терлецкий отдал приказ, в котором особое внимание обращал на бдительное несение службы застав ночью, так как бандиты, по-видимому, в это время суток будут пытаться вырваться из окружения. Легкие и станковые пулеметы, указывал он, должны быть приготовлены для ночной стрельбы. Огонь открывать, не дожидаясь команды, по первому шороху, шуму. В каждом эскадроне в резерв иметь в постоянной готовности не менее одного взвода. Чтобы отличить своих бойцов от бандитов, с наступлением темноты головные уборы перевязать полосками белого бинта. Часовых в караулах сменять через каждый час.

— Ну что ж, Кривошеин, — сказал мне командир, встретив в полдень на заставе, — половину задачи ты выполнил хорошо. Как показал опыт, стрелять в пещеру из винтовок и пулеметов — это все равно что носить решетом воду. Необходимо во что бы то ни стало подвести сюда хотя бы парочку орудий. Вот приказ командиру артиллерийского дивизиона. К завтрашнему утру чтобы орудия и снаряды были здесь.

— Товарищ командир, по этим окаянним скалам их, кроме как на самолете, ни на чем не привезешь! — доложил я.

— А ты сбегай на кош, возьми там самолеты и привези орудия. Все! Можешь выполнять, — сказал командир полка, повернулся и пошел к ущелью.

Во взвод я направился с довольно грустным настроением. «Как тащить пушки по такой гиблой тропочке, где верховые кони принуждены скакать с камня на камень, как козлы? На первом же повороте, — думал я, — орудия перевернутся и полетят в пропасть вместе с упряжкой». По пути наткнулся на группу станичников-проводников, которые сидели недалеко от тропинки, курили и слушали очередную байку деда Ничипора. «Дай, — думаю, — спрошу: может быть, кто-нибудь из них знает дорогу получше». Подошел к станичникам, поздоровался. Присел, тоже закурил и спросил о дороге.

— А зачем вона нужна, товарищ начальник? Сотни уже прийшли сюда, банда обложена, як тот медведь у берлоги, — спросил бравый, в ладно пригнанном полушубке статный казак с сивой бородой.

— Надо, станишники, пушки доставить к пещере. А как их повезти, не знаю, — сказал я.

— Во, чего загоревал! Маленькую горную пушечку разобрал да на вьюки, как, бывальча, под Эрзрумом, — и чеши с горки на горку! — посоветовал другой, рыжебородый казак, по-видимому, старый артиллерист.

— В том-то и дею, что горных пушек нет, а тащить сюда полевую, семидесятишестимиллиметровую, не очень возрадуешься, — заметил я.

— Это загвоздочка! — воскликнули сразу несколько голосов. Задумавшись, минут пять молча курили.

— А шо вы скажете, станишники, нащет дороги, що иде по Кривой балке и пидходе до пещеры с той стороны? — спросил маленький худенький старичок с редкой седой бородкой, одетый в старый, залатанный полушубок. — Кольсь гнав я там отару. Правда, и там не дюже ризно, а такой пропастины, як сюды мы ихали, тамычко немає.

— Кум Серега правду каже. Можно спробовать, лучшей не буде! — сказал дед Ничипор.

— Ну что ж, «от хорошего лучшего не ищут!»! Времени у нас мало. Комполка приказал пушки перевезти к утру. Вы, кум Серега, и вы, деду Ничипор, быстро собирайтесь, поедете со мной. Кто еще хочет из станичников нашу компанию разделить, пожалуйста, — сказал я и быстро пошел седлать коня.

Правда, не к утру, а к обеду пушки мы к пещере доставили. Путешествие это было кошмарное. Несмотря на ледяной ветер, люди да двадцать пар волов взмокли от пота. Мы тащили пушки по бездорожью, в полной ночной темноте, через десятки маленьких и больших оврагов, через острый кустарник, рвавший нашу одежду, руки и лица, через бурлящие потоки, которые мы или переходили вброд, или обходили, если их шум предупреждал нас, что стоит только сорваться с обрыва — и все кончено.

К моему удивлению, быки, запряженные по десятку в каждую пушку, по выступам скал карабкались с завидной ловкостью. На очень крутых спусках мы выпрягали быков и пушки спускали вниз на канатах, а быков, связанных парами, сводили вниз. Помогло и то, что по совету мудрых, старых вояк тяжелый передок пушки мы заменили легким, от брички.

Теперь осталось перетащить орудия на другой скат ущелья: с этого места стрелять из пушек и попадать в пещеру просто невозможно. Мы потеряли еще три часа на спуск и подъем через крутые скаты ущелья и отвесные каменные выступы. Наконец пушки были поставлены на другой стороне ущелья, прямо против входа в пещеру. Артиллеристы стали колдовать вокруг них.

Раздался первый выстрел. Снаряд разорвался перед самым входом в пещеру, второй — немного вправо, а третий — в самой пещере. Оттуда повалил белый дым. Близстоящие к пещере посты слышали громкие крики и стоны. Артиллеристы открыли беглый огонь. Снаряды один за другим рвались в пещере.

Но вскоре стрельбу пришлось прекратить из-за плохой видимости. Из пещеры валил дым. Наступала вечерняя темнота.

Командир полка напомнил командирам, что сегодняшней ночью следует ожидать попытки бандитов вырваться из окружения, так как после артиллерийского обстрела бандиты поняли, что в пещере они не отсидаются. Он потребовал особой бдительности на постах и полной готовности вести ночной бой. Оказывается, в ночь, когда я ездил за пушками, бандиты дважды пытались прорвать наше кольцо, но были отбиты с большими для них потерями.

А погода, как нарочно, помогала им. Дождь лил без конца. Печально и дико выл холодный ветер, пронизывая нас насквозь. Темные тучи, одна больше другой, как бы повисали на верхушках деревьев. Кругом темно, как в подвале. На постах внимательно прислушивались к каждому шороху. Упадет ли ветка, сорванная порывом разгулявшегося ветра, скатится ли вниз камень и булькнет в ручейке далеко по дну ущелья, руки сами ложились на гашетки станковых пулеметов.

Примерно в полночь секреты услышали шум подкрадывающихся людей, несколько камней с грохотом покатились вниз. Пулеметчики открыли огонь длинными очередями; его подхватили винтовки. Засверкали вспышки оружейных выстрелов. Все вокруг загрохотало, сверкало... Послышались вопли, крики, громкие стоны, ругань... Человек пятнадцать бандитов бросились с кинжалами в руках на заставу № 2, что стояла против самого входа. Завязалась рукопашная схватка. Сплетенные мертвой хваткой тела катались по площадке станковых пулеметов. Несколько таких «клубков», завязанных насмерть, свалилось на дно ущелья. Прибежавший на выручку резервный взвод прикончил бандитов и взял в плен пятерых.

Пленные показали, что в пещере находятся главари «лучших» бандитских отрядов, с которыми князь Джентимиров совещался о дальнейших действиях. Когда подошли наши части, их никто не ожидал: все пьянствовали и объедались шашлыком. На первые выстрелы не обратили особого внимания. Князь Джентимиров, сильно пьяный, спал мертвым сном, и никто добудиться его не смог. Проснулся он только вечером, отлупил плеткой нескольких человек, которые особенно громко кричали, что все пропало. Князь сам ползком пробовал вылезти из пещеры; но когда два головных его охранника были убиты, он забрался за выступ, в который не попадают ни пули, ни осколки, и заорал истошным голосом:

— Правоверные мусульмане, сюда пришли казаки из самообороны станицы Сторожевой, чтобы нам отомстить за угодные аллаху дела¹. Постреляют они немного и уйдут. В пещеру не ползут, так как они прекрасно знают, что здесь их ждет смерть от острых кинжалов честных мусульман. Мы можем сидеть в этой пещере, сколько нам нужно. У нас есть все: и барашки, и мясо, и храбрые джигиты, верные корану. Из пещеры выходить запрещено. Доверьтесь аллаху и мне! «Нет бога, кроме аллаха, и Магомет — пророк его!»

Князь Джентимиров метался по пещере, как разъяренный зверь, отчаянно ругался. В это время начали рваться снаряды. Первым из них был наповал убит князь Джентимиров. Командовать бандой стал помощник князя — бек Мурза. Он приказал ночью прорываться.

Наутро командир полка открыл огонь из всех пулеметов и срудий, после чего повел эскадрон в атаку. Сам шел с головным эскадром.

Пещера была взята.

Осмотрев ее, комполка вдруг закричал:

— Кидай пару гранат вон туда, на выступ в потолок!

Сверху послышался сильный женский голос:

— Не бросайте гранаты, мы сдаемся!..

Комполка крикнул:

— Слезай быстро! Какая там сволочь прячется?

С потолка упало что-то грязное, растрепанное. Затем спрыгнул черкес с окладистой черной бородой и рукою на переязи, за ним свалились сверху еще три человека. Тарновский-

¹ Два дня назад банда произвела налет на эту станицу, сильно ее разграбила и зверски убила советских работников.

Терлецкий приказал отвести бандитов к выходу и начал допрос:

— Есть еще кто живой в пещере?

Черкесы молчали. Говорили двое русских. Один высокий, худой, в разорванном штатском меховом пальто, назвавший себя казначеем банды, и его жена с испитой, грязной рожей.

Командир полка приказал найти труп князя Джентимирова. Княжеский прихвостень показал на человека в белой черкеске, с позолоченным оружием. Станичники подтвердили, что это действительно князь Джентимиров, самая злая, самая бешеная собака из всех псов, кидавшихся на советскую власть.

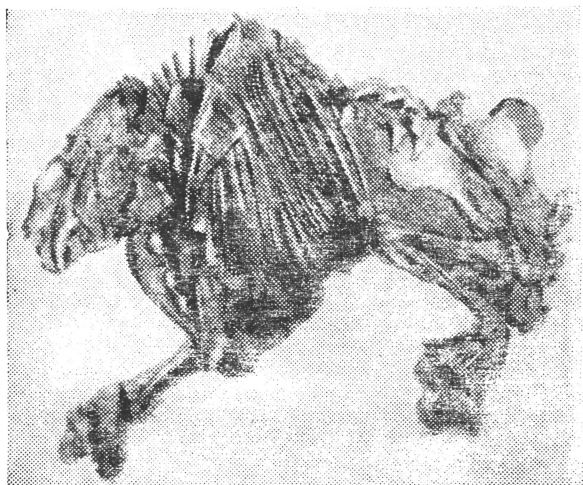
— То ж вин, гадюка, палил живыми на костре самооборонцев нашей станицы, — сказал со злостью дед Ничипор.

— А в нашей станице эта подлюка разворовал кооператив, долго глумился над председателем стансовета, потом, бандит, приказал своим подручным разрезать ему живот и насыпать туда овса, а в рот заткнуть граммофонную трубу, «чтоб громче кричал о сдаче продрозверстки для советской власти». Так этот зверюга насмеялся над народом! — зло выкрикнул пожилой казак из станицы Исправной.

— Товарищи, больше ни Джентимиров, ни другие бандиты издеваться над мирными гражданами не будут! Поручкой этому наша славная Красная Армия, защищающая интересы рабочих и крестьян, — сказал командир полка и приказал выходить из пещеры строиться.

Обратная дорога в станицу стала как будто бы ровней. Ливший все время дождь прекратился. Солнце, изредка проглядывающее из-за выступов гор, окрашивало листву вековых деревьев в бурые, желтые, темно-красные цвета, сверкавшие на солнце лучше, чем краски дорогих персидских ковров. Покрытые снегами и тощими кустарниками гребни гор, один выше другого, по-прежнему пересекались и тянулись далеко до горизонта, но уже не казались такими недоступными, как раньше.

„МУЗЕЙ“ В УГЛЕ

Оседают едкая угольная пыль, и на буром фоне становятся видны останки загадочного животного.

Угольный карьер Ноймарк около Гейзельшталле (ГДР), где работают не только горняки, но и палеонтологи, — своеобразный музей «эпохи бурого угля». Его «экспонаты» дают представление о фауне тех времен. Геологические условия здесь таковы, что и сейчас можно найти останки обитателей субтропического леса, который произрастал в этих местах 50—60 миллионов лет назад. Дело в том, что карстовые воды уносят кислоты, обычно разрушающие останки древних животных в других угольных месторождениях.

Наиболее значительные находки палеонтологов в Гейзельшталле — два полных отпечатка карликовых лошадей, древнейших предков современной лошади. Обнаружены здесь десятки прекрасно сохранившихся отпечатков змей, ящериц, птиц (на некоторых можно различить даже красочное оперение!), сумчатых животных, напоминающих тапиров.

Уникальные находки позволяют восстановить важные страницы из истории развития животного мира нашей планеты.

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ

В декабре 1953 года из Берлинского музея была украдена небольшая деревянная скульптура, изображающая епископа. Она вместе с двумя десятками подобных скульптур была изготовлена в XIII веке и представляла большую художественную ценность. Похититель незаметно выдернул деревянный гвоздь, которым фигурка крепилась на алтаре, вероятно, спрятал ее под одежду и исчез.

Поиски, начатые полицией, ни к чему не привели.

Прошло десять лет. Но предоставим слово сотруднице Берлинского государственного музея доктору Ганнелере Сакс.

«Я пришла в антикварный магазин на Франкфуртер Аллее перед самым закрытием. Продавец попросил меня посмотреть новые, только что сданные на комиссию вещи. Меня заинтересовала дубовая фигурка епископа. Все признаки говорили о том, что это очень древняя вещь, выполненная в стиле поздней романтики.

И тут я вспомнила о краже, которая произошла десять лет назад (тогда я была еще студенткой). Я попросила продавца не выставлять скульптуру для продажи, а сама помчалась в музей.

Пришлось поднять каталоги, фотографии, акт о краже. И тогда не осталось никаких сомнений: в магазине была обнаружена именно та ценная скульптура, исчезнувшая из музея десять лет назад».

В антикварный магазин она была сдана наследниками одного известного коллекционера, который умер в 1958 году. Теперь посетители Берлинского музея видят на своих местах все двадцать две скульптуры Минденского алтаря.

Береза космическая

Советские ученые установили, что березняк способен расти и при температуре минус 270 градусов по Цельсию. Даже при таком почти «абсолютно-нулевом» морозе на березках набухают почки.

Значит, русское деревце может привыкнуть и к космическим температурам? — делает вывод журнал «Цветы».

ПРИЗНАНИЕ

в НОЧИ

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

Волны Желтого моря яростно набрасывались на плоское унылое побережье. Лишь их ритмичный шум и слышался в этом уединенном месте.

Вдоль берега тянулась гряда однообразных песчаных дюн. На гребне одной из них, слегка согнувшись, словно прислушиваясь к ярости прибоя, сидел человек. Ветер разметал его гладкие черные волосы, с колен упал блокнот. Казалось, он ничего не замечал, уйдя в невеселые думы.

Было отчего задуматься. В тридцати метрах от дороги, во впадине между дюнами, нашли убитого.

Для расследования загадочного убийства и прибыл сюда инспектор окружной уголовной полиции города Шимоносеки — Таке Хироэ.

Инспектор давно осмотрел в бинокль далеко выдающуюся в море песчаную косу со множеством однообразных бетонных построек и высокой радиомачтой. К морю вдоль косы протянулись длинные ангары, на светлом песке отчетливо выделялись столбы проволочного ограждения.

Это и был американский опорный военный пункт, где служил убитый — лейтенант Гарвер.

В полукилометре от песчаной косы — невзрачный лесок, прованный местными жителями «фазаньим». За лесом виднелись низенькие хибарки — рыбацкий поселок Баси.

К нему-то и устремились сейчас мысли Таке Хироэ. Не в поселке ли скрывается убийца? Рыбаки жили рядом с американцами. Кто знает, не ссора ли послужила причиной убийства? По данным вскрытия, убитый был абсолютно трезв. Значит, версия об убийстве в пьяной драке исключается. Что же заставило американца ночью забраться в это глухое место? Дорога, соединяющая базу с городом Тзуматао, лежит в стороне от места происшествия, до рыбацкого поселка далеко.

Данные по делу Гарвера были более чем скудные: известны время, место и способ убийства, есть фотография, но никому ничего не известно о мотивах преступления.

Почему вопреки всем существующим правилам расследование поручили ему одному? Нет свободных людей, как заверил его шеф, или завидуют ему: молод, а вел крупные дела? Проверяют его, или тут что-то другое? Все это настораживало.

Собрав раскиданные вещи, инспектор пошел к своей машине. Стоп! Что за новое строение?

Таке Хироэ остановился, вытащил из кармана карту; коттеджа нет. Правда, карта у Таке Хироэ была старая; на ней не значилось ни американской базы, ни «фазаньего» леса. Пришлось эти пункты самому нанести на карту. Прикинув приблизительно расстояние, инспектор нанес на карту и коттедж. От него к шоссе вела утоптанная дорожка. Таке Хироэ решил подняться по ней и сверху получше рассмотреть одноэтажный, пестро раскрашенный дом. Постройка, по-видимому, была летняя, хотя на крыше виднелась дымовая труба. К дому примыкала застекленная веранда. Вокруг коттеджа — садик, огражденный камнями с берега.

Добравшись до шоссе, инспектор оглянулся. В этот момент над морем возникла красная точка, быстро увеличивающаяся в объеме. В лучах солнца Таке Хироэ разглядел самолет, несущийся прямо на берег. Машина тащила за собой на тросе какой-то неуклюжий мешок.

Пролетев над берегом, самолет направился к лесу. Внезапно задрожала земля, глухие раскаты выстрелов сотрясали лес.

Таке Хироэ не заметил, как сжал кулаки, и сейчас руки нестерпимо ныли. Самолет давно скрылся за вершиной «Горы духов», затихла канонада.

«Тренировка, ничего больше», — успокаивал он себя, с ужа-

сом сознавая, что война воскресала вновь. Она пришла вместе с американцами, наводнившими японские города. Его друг Хата, блестящий журналист, уволенный за статьи против вооружения, не раз повторял: «Американцы готовят войну. Преступно не замечать событий, могущих вовлечь и нас в нее!»

Таке Хироэзе быстро подошел к машине и сел за руль. На заднем сиденье лежали материалы об убийстве. Надо ехать в Тзумао и наладить связь с местной полицией.

* * *

Далеко в море покачивалось рыбацкое суденышко; от легкого бриза надулся грубый серый парус.

На корме около руля стояло двое мужчин. Один из них, совсем молодой, твердо держался на палубе, словно врос в нее, другой, постарше, по-видимому не привыкший к качке, прислонился к мачте. Его темные руки не походили на выбеленные соленой водой руки рыбака.

Оба загляделись на военный корабль-гигант. Жизнь как бы замерла на нем, только на ветру колебались сигнальные флажки на башнях. Угрожающе поднялись дула орудий.

— Как думаешь, атомная волна проникнет в такой корабль? — спросил рыбак помоложе.

Юкио Такеда повернулся к юноше:

— Конечно, Хагуро-ямо, радиоактивные излучения могут поразить людей и на таком корабле, несмотря на защитные устройства. Но такие громады долго не плавают в зараженных водах. Побыли бы они на твоей деревяшке да половили бы зараженную рыбу...

Оба замолчали. Тишину нарушал лишь скрип паруса да возня подростка на носу лодки.

Хагуро-ямо тихо спросил:

— Есть известия из города?

Юкио Такеда кивнул.

— Завтра придет Комао, привезет печатный станок, и мы начнем. А что это у тебя за паренек?

— Кото? Свой. Отец погиб в прошлом году на море. Мальчик, чтоб содержать семью, плавает то со мной, то с Генго.

Хагуро-ямо, обойдя нос военного корабля, направил лодку в сторону. Затем, понизив голос, спросил:

— Долго тебя вчера выпрашивал полицейский?

— Не очень. Добивался, где я был той ночью. Все из-за американца. Боюсь, из-за этого убийства прискачет сюда специалист-уголовник да пойдет везде рыскать.

— Пора нам, наконец, браться за дело. Пока мы раскachaем, полиция сделает для американцев все, что им надо.

— С приездом Комао начнем борьбу.

* * *

Около почты женщины окружили высокую, худую рыбацкую с растрепанными волосами, в рваном платке, накинутом на плечи.

— Собирается охрану в лесу поставить, хочет запретить нам

собирать сучья, — возмущалась рыбацка. — Ему и дела нет, на чем мы будем варить рис. Этот Аримитсу жаден, он бы и нас засолил и продал, как свою рыбу.

— На «Горе духов» видели белую змею, — прошамкала старуха. — Плохое предзнаменование, быть большой беде.

Измощенная маленькая крестьянка робко произнесла:

— За сортировку рыбы хозяин платит шелотку риса: его и на один обед не хватает.

— А за прибыли хозяина твой муж погиб в море. И сын, вместо того чтобы учиться, должен рыбачить.

— В соседнем селении женщину отколотили бамбуковыми палками! Лисий дух изгоняли. Сделаем-ка мы то же самое с Аримитсу!

— Не бамбуком его надо, а баграми, да и американцев прихватить! — подхватили женщины.

— Их офицеру в дюнах досталось по заслугам, — сказавшая это тут же со страхом прикрыла рот рукой.

— Американские машины принесли нам одно горе, — бормотала старуха, косясь на «фазаний» лес, вдоль опушки которого шла дорога на базу.

Внезапно крики и брань прекратились. С берега к почте приближался человек. Несмотря на жару, на нем была черная накидка и темный костюм. Волосы с сильной проседью, шаг легкий и уверенный. Он нес объемистую, сильно потертую сумку. Женщины приветливо с ним здоровались.

Мать Кото, вспомнив что-то, подошла к нему.

— Добрый день, доктор Матзумоко, — застенчиво заговорила она. — Хочу вас попросить...

Матзумоко остановился:

— Что-то случилось?

— Мой сын Кото говорил утром, что старый Генго порезал стеклом ногу. Прошу вас, осмотрите рыбака. Его хижина последняя у моря.

— Надо было раньше сообщить, — в голосе доктора звучал упрек. — На счастье, инструменты со мной. — И он торопливо зашагал в указанную сторону.

— Прекрасный человек! — похвалила крестьянка. — Всегда рад помочь.

Чтобы добраться до хижины старого рыбака, доктору пришлось пройти через весь поселок. Почти у самого берега дорогу ему преградили играющие дети. Двое мальчишек бежали с распростертыми руками, а за ними на длинных веревках болтались пестрые обрывки бумаги. Остальные, сидя полукругом, бросали в бегущих камешками и кричали:

— Панг, панг! Та-та-та!

Вот камешек угодил бегущему в ногу. Тот, рассердившись, бросил на песок веревку с разноцветными бумажками и закричал:

— В самолет нельзя попадать.

— Но самолет не умеет говорить, — возмутился кто-то из сидящих на земле ребяташек, и все рассмеялись.

Мальчик, изображавший самолет, задумался, затем набрал песку в обе ручонки и медленно подошел к ребятам.

— Сейчас как брошу пикадонг¹! — И он, торжествуя, швырнул песок в сидящих.

Те сначала закачались, а потом все, кроме одного, повалились на землю.

— Ты тоже падай! — закричал ему напавший. — После пикадонга все умирают.

Матзумоко подошел к «самолету» и схватил его за руку.

— Почему ты бросил пикадонг? — спросил доктор, и глаза его гневно засверкали за стеклами очков.

Мальчик испуганно оправдывался:

— Они меня первые подстрелили...

Подбежавшие дети растерянно смотрели на доктора.

— Ребята, — заговорил Матзумоко прерывающимся голосом, — никогда не играйте в пикадонг, это скверная игра.

Дети обещали. Потом долго молча смотрели вслед уходящему...

Около полуразрушенной хижины доктор остановился, постучал. Никто не отозвался. Матзумоко вошел в полутемную хижину. В углу около закопченного очага, обхватив необычайно длинными руками колени, сидел мужчина.

Матзумоко сразу заметил грязную повязку на ноге рыбака. Поставив на пол сумку, доктор достал из нее ножницы, пузырек и бинты. Не обращая внимания на молчание человека, врач подошел к нему, наклонился и осторожно принялся разматывать повязку.

Генго еще больше сжался и молча, не шевелясь, следил глазами за каждым движением врача.

Только когда Матзумоко резким движением сорвал повязку, рыбак схватил его за руку.

— Больно?

Генго смущенно улыбнулся. Врач, промыв рану, забинтовал ногу.

— Ничего страшного. Необходим покой, и нога поправится.

Генго недовольно покосился на ногу.

— Завтра ночью я смогу пойти собирать? — спросил он.

Матзумоко удивился.

— Собирать? Ночью?

— Ну да, водоросли, раковины для продажи. Заработаю несколько иен, — объяснил Генго.

Доктор снял очки, задумчиво протер их крошечным платком.

— На берегу, собирать на берегу... — бормотал он. — Но ведь на песчаной косе запрещено — значит, по другую сторону бухты?

— Да.

— И в позавчерашнюю ночь ты был там?

Когда Генго в ответ кивнул, доктор продолжал:

— Я слышал, будто там позавчера убили американского офицера?

— Ничего не знаю. В ту ночь я ничего не нашел, на берегу никого не видел и ничего не слышал, ничего!

— Не волнуйтесь, Генго, — успокоил старика Матзумоко. — Я не собираюсь вас допрашивать, это дело полиции.

¹ Пикадонг — по-японски атомная бомба.

Таке Хирозе проехал мимо вокзала, пересек большую площадь и сразу очутился в переулке, настолько узком и оживленном, что пришлось сбавить скорость.

По обеим сторонам переулка — бесчисленные магазины. Налезая друг на друга, они оставляли лишь узкий проезд, по которому босые кули, балансируя, тащили огромные тюки; торопились в чайные горняки в защитных шапках и служащие в длинных черных накидках, сновали любопытные ребяташки. Слышались крики продавцов и звонки велосипедистов, с удивительной ловкостью пробиравшихся в толпе.

Мимо машины инспектора пробежала группа девушек в легких кимоно. Их волосы были украшены цветами. Потом дорогу Таке преградил кули со своей тележкой. Хирозе послышался. Тот обернулся и как ни в чем не бывало продолжал бежать впереди автомобиля.

Оживленные чайные и закусочные, лавки со всевозможными товарами радовали глаз. Повсюду бумажные фонарики, флажки и распечатанные иероглифами бумажные полоски, мягко светящиеся в вечернем полумраке.

Наконец Таке выехал на широкую улицу с высокими каменными домами. Около первого из них инспектор вышел из машины. У входа висел выцветший и потрескавшийся от непогоды щит с надписью: «Полицейская префектура Тзуматао». По темному коридору Хирозе прошел в приемную префектуры. Стол, два стула, металлический сейф да в углу конторка, за которой писал дежурный, — вот и вся обстановка унылой комнаты.

Полицейский взял у Таке Хирозе документы, внимательно и долго просматривал их, потом сказал:

— Я тотчас о вас доложу. — И исчез.

— Господин комиссар просит вас, — объявил он, возвратясь.

Позади дежурного в дверях кабинета появился комиссар Тзукино, удивительно напоминавший толстобрюхого бога счастья «Шики Фукуина».

Таке Хирозе прошел за комиссаром в кабинет и сел на любезно предложенный ему стул. Комиссар улыбался, пряча настороженность под нависшими веками.

Ни одно провинциальное начальство не испытывает восторга от приезда криминалиста из центра. Чему же радуется этот божок? А бегающие глаза! Человеку трудней всего изменить выражение глаз.

Тзукино отодвинул документы инспектора, лежавшие на столе, и сказал:

— Случай интересный, дорогой коллега, необычайный.

— И совершенно непонятный, как мне кажется, — сухо ответил Таке Хирозе.

Комиссар, не переставая улыбаться, откинулся в кресле.

— Судя по имеющимся у нас данным, обнаружить преступника будет трудно. Я объясню вам всю ситуацию, особенности местности, в которой вам предстоит работать.

Он сделал паузу и, перестав улыбаться, предупредил:

— Нас уведомили о перестройке американцами пункта Мак-

неел в силу чисто военных нововведений. Местное население о расширении базы ничего не знает. Это мероприятие надо провести как можно тише. Вы меня понимаете? Сделаем выводы,— Тзукино поднял пухлую руку и по мере перечисления загибал пальцы: — первое — часть берега с рыбацким селением отойдет к базе. Второе — часть земель ближайших деревень, по-видимому, будет конфискована. Правда, этот вопрос пока еще не решен. Третье — богатый рыбой район около базы Макнеел станет запретным. Все это хотят использовать коммунисты для проведения кампании «Спасайте родину!». О ее подготовке я узнал задолго до убийства.

Таке Хироze, слушая комиссара, с глубокой неприязнью думал: «Так вот оно что: отчуждение и конфискация земель! Другими словами — орудия на рисовые поля! Строго секретно! Но, комиссар, ваша логика хромает!»

— Простите, — перебил он Тзукино. — Вы упомянули о секретном расширении базы Макнеел. Общественность ничего не знает, как же коммунисты подготовили кампанию?

— Этот факт мы не будем обсуждать, но коммунисты о планах американцев узнали раньше, чем японские власти. — Тзукино опять поднял руку. — Факты, помогающие нам: первый — коммунисты — противники расширения базы; второй — убит американский офицер; третий — грабеж исключается, у убитого все вещи целы, значит цель убийства — привлечь внимание общественности к американской базе. Это-то и нужно коммунистам. — Комиссар передохнул и, стукнув кулаком по столу, продолжал: — Я предлагаю арестовать всех подстрекателей, тогда мы скорей найдем и преступника.

Таке Хироze иронически улыбнулся.

— Мне кажется, дело обстоит сложнее. Однажды я расследовал убийство, где у пяти человек было достаточно причин совершить его, а преступником оказался шестой, тоже имевший достаточно мотивов, только более скрытых.

Тзукино нетерпеливо постукивал пальцами по столу.

— Не спорю, у вас большой опыт в криминалистике, но я хочу поделиться с вами своим опытом в работе с коммунистами.

— Не думаю включать в свои обязанности ни изучение идеологии коммунистов, ни их образ мышления, — сухо произнес инспектор. — Я приму меры только после выяснения всех данных, не раньше.

Лицо комиссара окаменело, улыбку словно ветром сдуло.

— С вашей точкой зрения вам здесь будет трудно.

Прямая угроза. Таке Хироze внимательно изучал комиссара. Нет, предложение арестовать коммунистов вызывалось не чрезмерным рвением чиновника, не политическим фанатизмом. Как бы случайно инспектор задал вопрос:

— А почему о секретном расширении базы осведомлены местные власти?

Тзукино, оторопев от вопроса, даже прикрыл глаза и забарабанил пальцами по столу.

— Я обязан отвечать за порядок в своем округе.

— И следить, чтобы с базой Макнеел все шло как по маслу, — закончил за него Таке Хироze, — я понимаю.

Комиссар хотел было ответить, но инспектор поднялся.

— У каждого свои обязанности: у вас — ваша префектура, у меня — расследование убийства. Не будем мешать друг другу.

Возвращая документы Таке Хироze, комиссар спросил:

— Ванамака ваше начальство?

— Да, с некоторых пор.

Тзукино подал инспектору бумаги.

— Я знавал его раньше.

— Могу передать ему привет, — ответил Таке Хироze, пряча документы в карман.

— Не беспокойтесь, при случае я его обязательно навещу.

Таке Хироze, сухо раскланявшись, вышел из кабинета.

Совсем стемнело, когда инспектор отъехал от префектуры. Улицы опустели, хозяева запирали лавки, и только рикши продолжали свою беготню. Таке Хироze вошел в полувосточный ресторан, где оказался чуть ли не единственным посетителем. Заказав еду, инспектор вспоминал свой визит к комиссару. Тзукино, безусловно, будет чинить ему препятствия. Беспорядка в округе из-за отчуждения земель комиссар боится гораздо больше, чем сотни убийств. Ему нет дела до того, что тысячи его соотечественников будут выгнаны с родных земель. В ближайшие дни наверняка помчится с доносом к Ванамака. И как тот отнесется к доводам полицейского, неизвестно.

Нужно немедленно возвращаться в поселок Баси, дорог каждый час. Надо искать и найти настоящего убийцу, и тогда доносы Тзукино лопнут как мыльные пузыри.

* * *

Узкая бухта отделяла песчаную косу с базой Макнеел от рыбацкого поселка Баси. В бухте волны ослабевали и чуть бились о деревянный причал.

Около причала покачивались четыре лодки. В одной из них разговаривали Кото и Генго.

— Тебе разрешили рыбачить? — спросил мальчик.

Генго кивнул, проведя рукой по забинтованной ноге.

— Тебя лечил доктор Матзумоко? Это мы ему дали знать.

Кото, перегнувшись за борт лодки, посмотрел на стоявших на причале мужчин. Те о чем-то оживленно спорили.

— Я же вам говорю, — не сдерживая раздражения, убеждал рыбаков Хагуро-ямо, — крестьяне согласятся есть траву, только бы хозяин Комон оставил им клочок земли. Самый отсталый элемент в Японии. Пока американцы не забетонируют их поля, рассчитывать на крестьян не приходится.

— Непризнанный зять сердится, — засмеялся кто-то из рыбаков.

— Товарищи, довольно ссориться! — Юкио Такеда не повысил голоса, но все сразу замолчали. — Надо найти путь к крестьянским сердцам. Сегодня вечером встретимся на «Горе духов» в нашей хижине. Туда привезут ротатор. А теперь расходитесь и отправляйтесь в море.

Хагуро-ямо кивнул в сторону высокого узорчатого дома, откуда к рыбакам выбежал невзрачный человек.

— Аримитсу!

Юкио Такеда спокойно стоял, поджидая приближающегося

скупщика рыбы. Юкио Такеда много слышал о нем, но еще никогда с ним не встречался. Тщедушная фигура торговца вызвала чуть ли не жалость, зато лицо... Выпяченные зубы, расплюснутый нос, бегающие глазки роднили его с крысой.

— Добрый день. — Аримитсу остановился и приветливо кивнул Такеда.

— Добрый день.

Рыбаки тем временем разошлись к своим лодкам.

— Прекрасная местность, не так ли? — Голос Аримитсу насторожил Такеда, уж очень он был сладок. — Только долго ли это продлится? — И, подойдя вплотную к Юкио Такеда, торговец зашептал: — Болтают, что американцы расширяют свой пункт и отбирают земли. Правда ли это?

— Почему вы спрашиваете у меня? — осторожно поинтересовался Юкио.

Аримитсу хитро прищурился.

— Когда торгуешь, много слышишь. Говорят, вы приехали сюда из-за американцев.

— Я здесь отдыхаю. Не верьте сплетням.

— Так, так, — бормотал торговец, — понимаю... Не сердитесь за мое любопытство, но мне необходимо принять меры.

— А что вы предпримете, если слухи об американцах оправдаются?

— Подаю жалобу в Тзуматао, а может быть, и в Токио.

— Раз решили, так подавайте, — спокойно ответил Такеда.

— Я полагал, вам больше известно, — не отставал Аримитсу.

— Как гость, я знаю об этом еще меньше, чем вы.

— Ну, тогда отдыхайте у нас. Желая вам поменьше беспокойства от полицейских властей.

Аримитсу ушел.

«Пугает... Все это ерунда, — подумал Такеда. — Только бы сегодня приехал Комао, и успеть бы приготовить листовки. По ту сторону базы американцы уже замерили территорию, каждую минуту их топографов можно ждать в рыбацком поселке. Все должно быть готово к отпору».

Юкио Такеда отправился в рыбацкое селение по дороге, идущей мимо «фазаньего» леса. Поднявшись на холм, он остановился, залюбовался морем. В бухте качалось несколько рыбацких суденышек, остальные с поднятыми парусами были уже далеко.

Такеда захотелось присесть на вершине холма и, закрыв глаза, бездумно прислушаться к шепоту моря. Как хорошо было бы здесь в самом деле отдохнуть с семьей!

От рыбацкого поселка к берегу кто-то бежал. Присмотревшись, Такеда с радостью узнал студента Комао.

Познакомились они на цементном заводе, где оба таскали мешки. (Комао работал на каникулах, родители не могли платить за обучение в университете.) Позже выяснилось, что оба они состояли в одной и той же партии.

Они сердечно поздоровались, и Юкио Такеда забросал Комао вопросами:

— Что нового в городе? Привез ли ротатор? Виделся ли с учителем?

Комао огляделся.

— Как здесь чудесно! Давай сначала отдохнем. — И оба

уселись на песок. — Привет тебе от товарищей и от жены. Ротатор оставил у учителя. Скажи, он давно в нашей партии?

— Недавно. Умный, энергичный человек. Здесь таких немного. Главное затруднение в этом районе — индифферентность крестьян. Ничему не верят, ни о чем слышать не хотят.

— Верны ли слухи об убийстве американского офицера? — озабоченно спросил Комао.

— К сожалению, верны. И подозревают нас.

— Убийство — большой козырь для американцев. Они непременно воспользуются им и уберут всех «опасных».

Оба помолчали, любуясь морем. На горизонте еле-еле различимы лодки рыбаков. Поселок словно вымер.

— Пойдем, — сказал Юкио и поднялся. — Надо переправить ротатор в лесную хижину.

* * *

На письменном столе перед майором Стане лежала груда документов. Читать их не хотелось. Монотонно и убаюкивающе жужжал вентилятор. Жара расслабляла, давила на затылок. И как только он ее раньше переносил там, на Филиппинах и Формозе! Видно, моложе был и здоровей.

Однако надо приниматься за дела. Ага, папка с пометкой «секретно» — рабочий проект строительства атомной базы, размеры новой территории базы, необходимые строительные материалы... Все это сведения только для информации, а вот дальше распоряжения персонально для него:

«Строительство атомной базы Макнеел провести в возможно короткий срок. Внешнеполитические события и положение американских войск в Японии не позволяют нам применять никаких насильственных мер.

За мирное осуществление проекта целиком отвечает комендант опорного пункта — майор Стане».

Майор злобно фыркнул. Такие директивы он читал сотни раз. Одну не удалось выполнить — и вот он здесь в этой дыре. И опять штаб запрещает крайние меры. Что они там в Токио понимают? Вчера толстый комиссар из Тзуматао доложил: коммунисты осведомлены о расширении атомной базы. Теперь жди неприятностей.

На столе в аппарате щелкнуло.

— Докладывает Ионсон. В проходной ждет инспектор уголовной полиции — японец. Думаю, по поводу Гарвера.

Аппарат снова щелкнул и замолк. Стане мысленно представил себе своего адъютанта. Даже в такую жару он не ходил, а летал по лестницам через две ступеньки. В нестерпимый зной играл в баскетбол, ежедневно плавал и вечно сетовал на отсутствие происшествий.

Ионсон вошел в кабинет майора, не постучавшись.

— Япс¹ сейчас прибудет, — сказал он, вытащил из кармана сигарету и, закурив, взглянул на коменданта.

— Особых данных у нас для инспектора нет, — сказал Стане и выпрямился. Непринужденное поведение Ионсона его раздражало.

¹ Япс — оскорбительное для японца прозвище.

Ионсон затаился.

— Верно. Сведения о Гарвере — государственная тайна. Ведь о его убийстве мы и сами ничего не знаем. Самое важное сейчас не поимка преступника, а удаление коммунистов. Это и нужно разъяснить прибывшему детективу.

Раздражение Стане росло. Ионсон прав, но цинизм и откровенность адъютанта невыносимы.

— Согласится ли япс их изолировать? — прервал его Стане. Ионсон пожал плечами.

— Если он сам не коммунист... Надеюсь, наши японские друзья вряд ли держат коммунистов в уголовной полиции.

— Инспектор — японец. И нежных чувств к нам не испытывает, особенно в вопросах атомной войны.

Ионсон смял сигарету.

— О да, о Хиросиме я слышу каждую минуту. Но уговорить детектива нам придется.

В дверь постучали, и в комнату вошел Таке Хирозе с японцем-переводчиком в американской форме. Нисей — так называли здесь тех японцев, которые родились в Америке.

Таке Хирозе протянул свои документы коменданту. Тот кивнул и сказал:

— Мы вас давно ждем.

— Мне нужны точные сведения об убитом. Его документы? — начал Таке Хирозе.

Стане потер рукой подбородок.

— К сожалению, я не вправе оглашать личные дела офицеров нашей армии.

У Таке Хирозе не дрогнул ни один мускул на лице.

— Какой же вы предлагаете путь к расследованию убийства? — осведомился он любезно.

Стане вытер платком лоб (жара просто невыносима!).

— Личное дело лейтенанта Гарвера вам нужно для выяснения мотива убийства?

Таке Хирозе кивнул, и майор продолжал:

— Тогда займитесь людьми, чьи мотивы более чем понятны.

Ответ майора не был неожиданностью для инспектора. Преступник никого не интересует, каждый стремится использовать убийство в своих целях.

— Разрешите вмешаться? — обратился Ионсон к майору.

— Прошу.

Ионсон встал, подошел к окну.

— Бросим недомолвки, — произнес он четко и раздельно. — Преступник должен быть найден и наказан. Но сейчас существует гораздо большая опасность — срыв государственного задания. Этих смутьянов из поселка необходимо удалить, изолировать хотя бы на время, пока будут длиться поиски настоящего преступника. Не найдете среди них преступника — ну что же, отпустите. Две недели заключения не принесут им особого вреда. За эту меру никто вас не осудит. Мы отпишем благодарственное письмо вашему начальству за совместную работу, а справедливость восторжествует.

Таке Хирозе смотрел на молодого офицера:

— Что же вы называете справедливостью?

— Нахождение настоящего преступника.

— Арест невинных людей вы тоже признаете справедливым?
Ионсон так долго закуривал сигарету, что майору пришлось вмешаться в разговор.

— Приказывать вам мы не вправе, это всего лишь наше пожелание, дружеский совет.

— Благодарю. — Таке Хироze поклонился. — Итак, об убийстве никаких сведений получить нельзя?

Стане пожал плечами.

Ионсон проводил инспектора, долго смотрел вслед его машине, думая: «Славный парень! Идет своей дорогой. Но недолго и разбиться на ней».

Внизу около лестницы, задумавшись, стоял японец-переводчик, помощь которого так и не понадобилась.

* * *

Таке Хироze шел через огороды, разбросанные рядом с «фаза́ньим» лесом. В предвечернем тумане смутно виднелись строения базы. Таке Хироze казался себе пловцом, не видящим берега, плывущим вперед по инерции. Тзукино любезно прислал ему протокол допроса Юкио Такеда и рыбаков. В ночь убийства все они были дома и спали сном праведников...

У подножия «Горы духов» лес переходил в низкорослый кустарник. Вдоль дороги белели щиты: «Запретная зона».

На большом зеленом поле американцы играли в баскетбол и теннис, в клубе гремел оркестр, на пляже военной базы купалось много народа.

Видно, американцы устроились здесь надолго.

Хоть база и отрезана проволокой от мира, где-то должна быть лазейка... И он найдет ее! Начало путаного клубка где-то здесь.

На шоссе, ведущем в Тзуматао, он заметил постового. Тот закричал и замахал автоматом. Таке Хироze пришлось подойти. Заметив покорность нарушителя, постовой успокоился и повесил автомат на плечо.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался инспектор.

Постовой удивленно спросил:

— Вы говорите по-английски?

— Немного.

— Ваш паспорт?

Таке Хироze подал свои документы. Постовой покачал головой, вернул их.

— Американский паспорт?

Инспектор развел руками. Часовой приказал ему не двигаться с места, посмотрел на часы, достал из кармана стеклянную трубочку, вынул из нее пилюлю, проглотил и снова размеренно зашагал, словно забыв об инспекторе.

Таке Хироze уселся на землю. Постовой не прогостовал.

Забавная ситуация! Пожалуй, придется просидеть здесь всю ночь.

Откуда-то издали донесся шум автомобиля. Вскоре огни фар осветили дорогу и сидящего около нее Таке Хироze. Военный

«джип» внезапно затормозил. Из автомобиля вышел мужчина и направился к постовому.

Таке Хироze поднялся. Когда приехавший, поговорив с часовым, подошел к нему вплотную, инспектор узнал японца-переводчика.

— Я вас сразу заметил и понял, в чем дело, — объяснил тот. — Вам надо получить разрешение, иначе такие происшествия помешают вашей работе.

Разговаривая, они отошли к обочине.

— Кто же знал, что здесь, как в прифронтной полосе, — сердито сказал инспектор.

— База уже действует вам на нервы?

Таке Хироze осторожно ответил:

— Да, если мешает работать.

Переводчик подошел к «джипу». Таке Хироze, идя рядом, внимательно рассматривал его щегольскую форму.

— Вы родились в Америке? — спросил инспектор.

— Да, в Штатах. Я знал Японию по рассказам родителей и язык узнал от них, и все-таки здесь я чувствую себя иначе, чем американцы.

— Как давно вы служите на этом пункте?

— Два года. Принадлежу к старому составу.

— А Гарвер?

Переводчик закурил, и в свете тлеющего огонька сигареты Таке Хироze снова увидел улыбку японца.

— Понятно ваше желание. Но Гарвера я почти не знал: он прослужил здесь не больше двух недель. Только однажды я видел его на шоссе стоящим у машины и ссорящимся со скупщиком рыбы. Гарвер показался мне очень взволнованным. Я проезжал рядом и видел его лицо.

Аримитсу! Таке Хироze вздрогнул: первая ниточка клубка. Связь Гарвера с жителями поселка...

Переводчик затормозился.

— Доброй ночи! Помните: наша беседа частная.

* * *

В «фазаньем» лесу, у подножия «Горы духов», приютилась заброшенная хижина лесника. Стены и крыша ее прогнили, и только на окнах и двери были повешены новые циновки.

В этот вечер в хижине собралось много мужчин. Юкио Такеда, студент Комао, большинство рыбацкой молодежи. Разговаривали вполголоса. В углу около мерцающей свечки учитель Ясаки что-то читал, возмущенно покачивая головой. Посреди хижины на перевернутом ящике лежала большая металлическая плита. Коренастый юноша накладывал на нее желтоватый лист бумаги.

Учитель дочитал брошюру и обратился к присутствующим:

— Дождались! Везде началась борьба. Одни мы все еще медлим!

В словах его звучал упрек.

— Не смешивай борьбу против японо-американского военного договора с борьбой рыбаков и крестьян за землю. Межевые столбы американцев — вот лучшая агитация для народа. У этих

пестрых столбиков удивительно понятный язык: видя их, люди разом прозревают. На восток от базы весь берег уже обмерен, а завтра топографы придут на крестьянские поля, — сказал Юкио Такеда.

Ясаки кивнул, взял одну из отпечатанных листовок и вслух прочитал:

— «Сегодня американцы отбирают у нас землю и воду, завтра отравят воздух атомными взрывами и ничего не оставят вам! Действуйте, боритесь!

В субботу приглашаем всех на собрание у опушки «фазаньего» леса.

Никаких военных атомных баз, никакой войны, никогда больше ужасов Хиросимы и Нагасаки!»

В наступившем молчании раздался свист какой-то птицы. Потом постовой, отодвинув циновку, заглянул в хижину и сказал:

— Хагуро-ямо!

Вошел Хагуро-ямо.

— Ты что-то опоздал?

— Я говорил с О-Юки, — объяснил юноша.

Юкио Такеда наклонился к Комао:

— Наш товарищ Хагуро-ямо, я у него живу.

— В лесу ждет О-Юки. Она из деревни и хочет нам помочь. А за ее преданность делу я ручаюсь, — взволнованно заговорил Хагуро-ямо.

«Вот и способ переправить воззвания в деревню!» — мелькнула у всех одна и та же мысль. Правда, распространять листовки придется под носом полиции, работа опасная, но от выполнения зависит многое.

Комао спросил:

— Что ей известно о нас?

Юкио Такеда перебил его:

— О наших целях все знают. Я думаю, ее надо позвать...

— Не спешите, Юкио, — сказал учитель. — Если мы провалим задание...

— Наш молодой друг ручается за девушку, — возразил Комао.

Решили пригласить ее. Хагуро-ямо ушел.

В хижине слышался только шелест бумаги и стук вальца. Готовые воззвания складывали пачками и передавались ожидавшим их людям. Те бесшумно уходили. В помещении остались учитель, Юкио и Комао.

Снова послышался птичий свист, и вошел Хагуро-ямо с девушкой. После приветствий Юкио объяснил смущенной О-Юки задание: отпечатанные листовки надо сегодня же расклеить в деревне.

— Берешься?

— Берусь!

Комао предложил О-Юки просмотреть воззвание и, если нужно, дополнить его.

Прочитав текст, девушка сказала:

— Крестьяне ненавидят помещика Комона. Если американцы отберут их землю, им придется идти к Комону в батраки. Нарисуем хижину, раздавленную танком.

Вместо ответа Комао дал О-Юки лист бумаги и кусок угля.
— Попробуй!

После первого штриха появился контур хижины, каких много в селении, дальше танк, в три раза больше хижины; его гусеницы повисли над крышей, длинный ствол башенного орудия угрожающе поднялся к небу. Чудовище вот-вот раздавит хижину.

— Очень удачно! — похвалил Ясаки. — Сейчас же пересниму и текст и рисунок.

Комао пошептался с Юкио и подозвал О-Юки.

— Если мы потеряем с тобой связь, иди тогда в Тзуматао на ткацкую фабрику у католического костела. Спросишь Яри. Храни этот адрес в строжайшей тайне.

Никто не заметил яркого румянца на щеках девушки: ее приняли в организацию.

Таке Хироze поселился в здании почты; в этом же доме была чайная и зал для собраний.

Сейчас после целого дня скитаний, в полупустой комнате инспектор чувствовал себя очень одиноким. потушив свечу, горевшую в настенном фонарике, он вышел в коридор. Оттуда лестница вела в чайную. Он уже отодвинул было бамбуковую занавеску, но услышал разговор.

— Теперь это убийство навяжут рыбакам...

— Его, наверно, наказал горный дух, — пробормотал кто-то.

— Глупости! — резко ответил первый. — Это сказки сумасшедшего Генго. Если кто и знает об убийстве, так это он... Целыми ночами бродит по берегу.

Таке Хироze запомнил имя. Еще ниточка... Он отодвинул занавеску и вошел в зал. Разговор мгновенно прекратился. Инспектор прошел к столику, вынул свой походный блокнот и принялся его листать.

Зарисовка местности, имя Юкио Такеда с заметкой «алиби малоубедительно». Имя Хагуро-ямо, возможного пособника Такеда. Затем Аримитсу — местный скупщик рыбы, связь с Гарвером (сведения получены от переводчика) и, наконец, последняя запись, сделанная только что: Генго — рыбак.

Хозяин принес Таке Хироze чашку чая. Инспектор тихо спросил его:

— Среди гостей нет ли Юкио Такеда?

— Нет, — ответил хозяин.

Таке Хироze выпил чай, расплатился и вышел.

До сих пор коммунистическая партия организовывала большие кампании в городах. Теперь ее влияние проникло и в самые отдаленные уголки страны. Удивляться ее популярности не приходилось, — ведь коммунисты выступают против военного договора с Америкой, атомного оружия и безработицы — этого страшного бича Японии. А в том, что здесь, в поселке, действует хорошо организованная группа, инспектор больше не сомневался.

Как он должен вести себя с коммунистами? Закрыть глаза на подготовку протеста? Разразятся беспорядки, тогда начальство всю вину взвалит на него. Он криминалист, да... Недавно

его товарищ Азунава расследовал на верфи убийство и не доложил о предполагаемой демонстрации портовых рабочих. Теперь этот блестящий криминалист занимается мелкими карманными кражами.

Таке Хироэ не заметил, как подошел к берегу моря. Вспомнил разговор рыбаков в чайной и решительно свернул влево. Старый рыбак мог быть только на той стороне бухты, там, где был убит лейтенант Гарвер. По другую сторону бухты — запретная зона.

Идти пришлось порядочно. Наконец он заметил фигуру: слегка прихрамывая, человек с трудом тащил за собой какой-то большой предмет.

Подойдя ближе, инспектор увидел испуганно остановившегося старика.

— Добрый вечер, Генго.

Тот молча смотрел на него широко открытыми, застывшими глазами.

— Что вы здесь делаете? — спросил Таке Хироэ.

Генго молча поднял корзину.

— Водоросли, раковины.

— Для себя собираете?

Генго мотнул головой.

— Нет, для продажи.

— Хороший заработок?

— Как когда.

— Американцам тоже продаете?

Генго отрицательно покачал головой, схватил корзину и, не оборачиваясь, пошел к морю.

Таке Хироэ, догнав старика, схватил его за рукав.

— Я из полиции. Отвечайте на вопросы.

Генго сразу остановился.

— Три ночи назад здесь с вами разговаривал американский офицер.

— Нет, — пробормотал Генго.

— Вы его видели?

Генго показал на забинтованную ногу и сказал:

— Я болел.

— Здесь, на берегу, убили офицера. Вы ничего не заметили?

— Я болел, — настаивал старик.

— Когда вы поранили ногу?

— За день до той ночи.

— Перестаньте лгать!

Лицо старика дрогнуло, губы задрожали. Инспектор был твердо убежден: старик что-то знает и скрывает.

— Значит, днем раньше? Хорошо, мы разберемся. Где вы живете?

Таке Хироэ поднялся на гребень песчаного холма и огляделся. Отсюда не было видно ни старого рыбака, ни места убийства. А вот коттедж на берегу был ярко освещен.

Летний коттедж принадлежал доктору Матзумоко. Инспектор подошел почти к самой веранде, и в этот момент дверь коттеджа открылась.

— Вы ко мне? — спросил доктор.

— Нет, просто шел мимо.

— Заблудились?

Таке Хироze молчал.

— Если вы не торопитесь, зайдите выпить чашку чая, — предложил доктор.

— Благодарю, с удовольствием.

Инспектор сбросил у входа сандалии и вошел в дом.

Пройдя через европейски обставленный кабинет со множеством книжных полок, они очутились на веранде. Вокруг низенького столика лежали подушки для сидения. Пустота помещения скрадывалась букетами цветущей азалии и зелеными ветками деревьев.

Доктор Матзумоко опустился на подушку, приглашая сестру и гостя.

— Наверное, вы слышали обо мне, потому я и не представился.

— Да, я о вас слышал. А я инспектор уголовной полиции Таке Хироze и прибыл сюда для расследования убийства американского офицера.

— Я так и подумал. Ночью вряд ли ради удовольствия бродят среди дюн.

— Сегодня я встретил еще одного человека, бродящего здесь не ради собственного удовольствия, — ответил инспектор.

Доктор Матзумоко недовольно покачал головой.

— Старый Генго опять на берегу. Ведь я вчера только перевязывал ему ногу, велел побережь ее.

— Когда вы в первый раз перевязали его рану?

— Позавчера в полдень.

— Этот Генго говорил мне, что ногу он поранил гораздо раньше. А не смогли бы вы, как врач, определить время ранения?

Доктор подумал, что если бы рана была более старой, она или больше загноилась, или почти поджила бы.

Они молча пили чуть горьковатый чай. Наконец доктор сказал:

— Уверен, старик не причастен к убийству.

— Я и сам в этом уверен, — подтвердил Таке Хироze. — Но он что-то скрывает. Да и не только он.

Матзумоко задумчиво покачивал головой.

— Да, люди здесь недоверчивы и подозрительны.

— Я понимаю: учебные тренировки и запретные зоны не предполагают к откровенности.

— Дело не только в этом. Многие поняли двойную игру Америки. Сначала мир, потом военный союз — и остров превратился в вооруженную крепость. Крестьян сгоняют с родных мест, земли нужны для американских опорных пунктов. Экономике съедает вооружение. После страшных лет войны людям хочется лучшей жизни. А что нам принесли американцы? От наших рынков в Советском Союзе принудили отказаться, зато нам навязывают дорогое американское оружие. Народ, наконец, понял, откуда пришла эта кабала, и протестует всеми доступными ему средствами.

— Во время войны я был мал, но и сейчас при виде американских солдат вспоминаю Хиросиму и Нагасаки.

— Верю, — ответил доктор. — Но ведь они уже фактически

после войны воспользовались страшным оружием. И сейчас им бряцают.

Пора было уходить. Прощаясь, Таке Хироze как бы случайно спросил доктора:

— Здесь такая тишина, слышен каждый шорох: скажите, в ту ночь вы ничего не слышали?

Матзумоко облокотился о подоконник веранды.

— Ваши коллеги уже спрашивали меня. Окна моего кабинета выходят на другую сторону дома, и я, к сожалению, ничем не могу помочь. Я ничего не слышал! Спокойной ночи.

Таке Хироze вышел. Дверь дома бесшумно закрылась за ним.

* * *

У рыбаков шел повальный обыск. Перед домом учителя собралась толпа. На перевернутой бочке ораторствовал учитель Ясаки.

— Наше преступление только в том, что мы боремся за свою отчизну, — говорил он. — Мы не хотим жить рядом с бомбами.

Полицейские никак не могли пробиться сквозь толпу, плотным кольцом окружившую дом Ясаки.

Таке Хироze прошел дальше по поселку и поравнялся с хижиной, где в прошлую ночь искал рыбаков. Тут тоже шел обыск, а поодаль под присмотром толстого полицейского стояли двое молодых людей. Может быть, это те, кого он ищет?

Таке Хироze подошел к ним.

— Вы Юкио Такеда?

Один из них непринужденно протянул инспектору руку.

— Да, я Юкио Такеда. Рад с вами познакомиться, — без тени иронии сказал он.

— Рано радуетесь: ваше алиби в ночь убийства не так уж убедительно.

— Вам мы можем дать любое доказательство, только те о них не должны знать. — И Хагуро-ямо, вмешавшийся в разговор, кивнул в сторону полицейского.

Странно!.. Оба коммуниста вели себя с ним, как с товарищем.

— Вы уверены в моей непричастности к этим обыскам? — осторожно спросил Таке Хироze.

— Мы знаем даже больше. Знаем, как вас пытались втянуть в политическую интригу, знаем и о вашем отказе. Мы вас очень ценим.

Из лачуги вышел офицер, махнул полицейскому, охранявшему рыбаков, и тот заторопился.

— Офицер жаждет беседы с нами, — пошутил Хагуро-ямо.

Юкио Такеда, прощаясь, добавил:

— Расследование убийства в наших интересах, рассчитывайте на нашу помощь.

От рыбацкого поселка до дома скупщика рыбы не больше пяти минут ходьбы.

Около складов Таке Хироze заметил ярко-красную автомашину. Из кабины вылез щупленький человек.

— Что вам угодно? — обратился он к инспектору.

— Я ищу господина Аримитсу.

— Это я, прошу вас пройти со мной.

Таке Хироze шел следом за хозяином по длинному складу, заполненному чанами с рыбой. Аримитсу завел инспектора в какой-то чулан. Усадив гостя на единственный стул, сам остался стоять у двери.

— Прошу вас объяснить, зачем я вам понадобился?

— Я прибыл сюда для расследования убийства, и мне нужны кое-какие сведения.

— К сожалению, мои сведения очень скудны.

— Вы торгуете только рыбой?

— Да, только рыбой.

— Поставляете ли вы рыбу на американскую базу?

— Нет, они едят консервы или продукты, доставляемые из города.

— Кого вы знаете на базе?

— Никого.

— А Гарвера?

— Гарвера?

Удивление Аримитсу было неподдельным.

— А как звали американца, с которым вы беседовали на дороге в Тзуматао?

— Ах, этот! — Аримитсу засмеялся. — Я до сих пор и не знаю, как его зовут. Он помог мне исправить машину.

— Больше ничего?

Аримитсу шелкал пальцами.

— Больше ничего.

— Оживленная перебранка — странный способ благодарности.

Аримитсу вздохнул.

— Коли вам все известно, расскажу.

— Рассказ ваш меня мало интересует, — оборвал его Таке Хироze, — отвечайте на вопросы. Американец, с которым вы тогда ссорились, и был офицер, убитый здесь несколько дней назад.

— Неужели он? — Личико Аримитсу посерело. — Не думаете же вы... Подождите, где же я был в ту ночь? Вспомнил, в Тзуматао с друзьями в ресторане. Они могут это подтвердить!

— О чем вы говорили с американцем?

— Офицер просил опиум.

— Опиум?

— Да, сначала опиум. Он слышал, что у нас его можно купить. Я не дал. Тогда он потребовал кокаин. Я наотрез отказался. Он взбесился, страшно ругался.

— Наркотики он просил для себя?

— Конечно. Он нервничал, просил хоть малыми дозами. Прошу вас, запишите имена моих друзей, с которыми я был тогда в ресторане.

Таке Хироze машинально записал имена друзей Аримитсу: мысли его были заняты убитым. И так, наркоман. Придется связаться с отделом по борьбе с наркотиками и получить сведения о всех торговцах опиумом в этом округе.

Сотрудники отдела криминалистики предпочитали поменьше сталкиваться со своим новым шефом Ванамакой. После снятия прежнего начальника Юке за участие в работе Совета Мира и за подпись против американского военного союза Ванамака стал шефом отдела криминалистики в Шимоносеки.

У него был блестящий опыт работы. Перед второй мировой войной он, тогда еще начинающий агент, работал в Маньчжурии в разведке. Затем во время войны Ванамака стал начальником лагеря военнопленных офицеров в Окинаве. Следующий этап — подавление восстаний в Индокитае и вербовка агентов из лагерей интернированных лиц на Филиппинах. В 1943 году он — начальник разведки на Филиппинах и организатор борьбы с партизанами.

Вскоре пришлось убраться с Филиппин. И вот Ванамака в Японии — ведет зверские допросы военнопленных офицеров. Но со временем и это занятие пришлось прекратить.

Ванамака стал разводить розы.

Шли годы... Бывший военный преступник Ванамака снял фартук садовника, стал членом партии «патриотов» Японии и поступил в уголовную полицию. Должность была незаметная: его друзьям и покровителям приходилось соблюдать осторожность. Но Ванамака дождался. Первое освободившееся место предоставили ему, дав понять, что его главная задача — очистить аппарат от политических вольнодумцев. Эта работа для Ванамаки — душевный бальзам.

«Что нужно комиссару, — думал Ванамака, — откуда он меня знает?»

Когда вошел Тзукино, лицо шефа уголовной полиции окаменело.

— Вы меня знаете? — поинтересовался он, предложив комиссару присесть.

— Да, я встречался с вами в Иокогаме во время расследования дела городского управления.

— Что же сейчас вас привело ко мне? — спросил Ванамака, успокоенный ответом комиссара. Хорошо, что этот толстяк не знает о его прежних занятиях!

— Я приехал по делу об убийстве американского офицера Гарвера. Вы прислали для расследования инспектора Таке Хиросе.

Ванамака молчал.

— Я не вполне согласен с методами его работы. Странно, — продолжал Тзукино, — в таком серьезном случае ему дано право самостоятельно и единолично решать все вопросы.

Ванамака поднял голову.

— Американское военное командование просило нас поднимать как можно меньше шума вокруг этого убийства.

— Согласен с их доводами. Но ваш инспектор держится другого мнения. Я предложил ему изолировать известный контингент людей, враждебно настроенных к американцам и прави-

тельству. Он отклонил мое предложение, хотя наверняка среди них прячется убийца.

— Почему же вы сами не арестуете этих людей? У вас есть все права.

Тзукино развел руками.

— Нет оснований. Вчера они даже расклеили листовки с протестом и в рыбацком селении и в окрестных деревнях. Но этого мало — единственным поводом для немедленного ареста может служить обвинение в убийстве. А ваш инспектор будто и не замечает желаний американцев, сам подпеваает коммунистам. Уверен, в своих отчетах он правды не напишет.

Ванамака поднялся, в упор глядя на комиссара.

— Решайте эту дилемму сами, но с коммунистов не спускайте глаз. Будет нужно, пришлем вам особые полномочия. Есть еще вопросы?

Тзукино поспешно попрощался и вышел из кабинета.

* * *

После полуночи на базе разом осветились все строения. Рев сирены разорвал ночную тишину.

Лучи прожекторов обшаривали берег, бетонную дорогу на Тзуматао, «фазаний» лес и снова возвращались к берегу.

Ослепительный свет одной прожекторной установки охватил широкий круг, в котором стояли японский полицейский и два солдата американской военной полиции. В центре круга на песке лежал убитый.

— Лейтенант О'Коннор, — шепнул солдат у прожектора. — Второй за неделю.

Таке Хироэ, приехавший на место происшествия, попросил отозвать людей, чтобы не затоптать следы. Ионсон, стоявший у машины с прожектором, тотчас распорядился прекратить самостоятельные поиски.

Инспектор зажег карманный фонарик и пошел по дюнам, освещая под ногами песок. Вскоре он натолкнулся на широкую полосу, такую же как и при первом убийстве. Преступник заметал след...

Широкая полоса привела к воде. На берег убийца мог возвратиться двумя путями: выйти подальше на каменном побережье или выбраться из воды у рыбацкого поселка. В обоих случаях след потерян.

Убийство совершено до полуночи. В это время позавчера он встретил здесь старого рыбака Генго — важное звено таинственной цепи. Первый утренний визит будет к рыбаку.

Таке Хироэ вернулся к месту убийства как раз в момент приезда коменданта базы майора Стане. От японца не укрылась нервозность американца. Комиссар Тзукино докладывал коменданту о расследовании.

— Хорошо. Позаботьтесь изолировать прессу. Ни звука о втором убийстве.

Тзукино пожал плечами.

— Вряд ли удастся: об убийстве говорит весь район, особенно коммунисты...

— Коммунисты? — уже не сдерживаясь, крикнул майор. —

Кто, наконец, правит в Японии? Когда вы уберете коммунистов? Теперь, наверное, и ваш инспектор согласится на их арест!

— От господина инспектора больше ничего не зависит, я получил полномочия из центра. Спецотряды полиции для ареста коммунистов вот-вот придут.

Таке Хироэ, стоявший неподалеку, не проронил ни слова. Так вот каков Вананамака! Согласен лишить его помощников, допустить второе убийство, лишь бы убрать с дороги коммунистов и помочь американцам завершить расширение базы. Ну нет, он криминалист, а не политический паяц! Расследование убийства он доведет до конца.

— Хэлло! — Свет зажженного фонарика ослепил японца. — Ах, это вы! — Ионсон быстро выключил свет, испугавшись заставшего лица инспектора.

Таке Хироэ подошел вплотную к адъютанту.

— Пойдите, — сказал он. — Почему выбор пал именно на Гарвера и О'Коннора?

Ионсон молчал.

— Что могло послужить причиной их уничтожения?

Ионсон пожал плечами.

— Не знаю. — Он говорил медленно, акцентируя, чтобы японец легко понял его. — На базе оба они пробыли недолго, только что прибыли.

— Только что прибыли? — быстро переспросил Таке Хироэ. — Откуда?

— Из Штатов, из специальной школы атомного обучения.

— Атомного обучения?!

Ионсон испуганно огляделся: он рассказал японцу то, что хранилось в величайшем секрете, и если инспектор воспользуется его откровенностью, Ионсону грозит позорное увольнение из армии.

— Я вам ничего не говорил, — дрожал голос Ионсона. — Понимаете, я ничего вам не сказал.

Таке Хироэ кивнул, и адъютант исчез в темноте.

* * *

О-Юки ломала на дворе хворост, как вдруг за забором услышала странное цоканье. «Хагуро-ямо!» — была первая мысль. Но сквозь щель забора она увидела лицо старика.

— Арестован Хагуро-ямо, забрали много молодых рыбок, — шептал старик. — Только учитель Ясаки остался.

О-Юки от волнения пошатнулась и оперлась о забор.

— Когда их взяли?

— На рассвете пришли полицейские машины, а я сейчас же побежал к тебе.

— Ты состоишь в нашей организации? — спросила она.

— Нет. Я Генго с лодки Хагуро-ямо. Он — хороший парень, и его девушка должна узнать о несчастье.

Позади «фазаньего» леса послышался шум. О-Юки прислушалась.

— Что это?

— Американцы, — прошептал Генго. — Какие-то машины с большими лопатами впереди и грузовики с рабочими.

О-Юки словно ударили. Американцы начали перестройку пункта. Отсюда и аресты! Девушка вспомнила слова студента: «Иди в Тзуматао на ткацкую фабрику, спроси товарища Яри!» Скорей в город!..

Дверь кухни отворилась, и на пороге появился отец:

— Чего размечталась? Собирайся, надо идти на поле!

О-Юки собрала наломанный хворост и вернулась в дом. Скольким бы отец ни бушевал, в поле она не пойдет.

— В поле я сегодня не пойду, — заявила она. — Надо бежать в поселок, а потом в Тзуматао: рыбаки арестованы.

— Ты с ума сошла! — закричал отец и ударил ее по щеке.

— Оставь ее, — умоляла мать. — Не бей, она глупая.

О-Юки выбежала из кухни.

— Немедленно вернись! — кричал отец.

Мать поспешила за дочерью.

— Не срами нас! Неужели тебе рыбак дороже отца!

— Дело не только в нем, их всех арестовали, чтобы американцам легче было отобрать наши поля.

Мать хотела еще о чем-то спросить, но тут вышел отец со свертком под мышкой — парадное кимоно и сандалии О-Юки. Он поздравил жену, и они вместе ушли.

Девушка вскочила. Скорей в селение к учителю! Он даст денег на дорогу и хоть старенькие сандалии. А тогда в Тзуматао, к товарищу Яри!

* * *

Генго выбежал из селения. И только около «фазаньего» леса остановился перевести дух. Широкое шоссе в Тзуматао преграждало путь. По нему с грохотом катились американские машины с непонятными металлическими частями. Замыкали колонну три грузовика, набитые японскими полицейскими с карабинами.

«Волки, настоящие волки!» — подумал Генго.

Машины с полицейскими промчались, и Генго, оглядевшись по сторонам, бегом пересек шоссе. Вскоре сквозь поредевшие деревья он увидел хижины своего поселка.

— Эй, Генго! — окликнули его. — В селении пусто. Все ушли в дюны, там полиция!

Это кричал рыбак Кома.

Генго растерялся. «Полиция утром была в селении, а теперь в дюнах?»

— Землю обмеряют, — продолжал рыбак. — Им на руку убийства!

— Убийства?

— Ну да. Ведь сегодня ночью опять убили американского офицера.

Генго так и застыл на месте. Убийство... Опять убийство!.. И перед глазами снова встал ночной берег с полосой белого прибоя. Он вновь услышал крик, увидел согбенную фигуру, промчавшуюся мимо него к воде...

Очнувшись, старик пошел берегом, обогнул склады Аримитсу и оказался перед хижинкой. Около нее сидел человек, по-видимому его поджидавший. Человек встал и пошел навстречу рыба-

ку. Опять тот полицейский, допрашивавший его на берегу. Генго испуганно остановился.

— Вы меня ищете?

— Да, Генго, — кивнул Таке Хироze. — Где вы были все утро?

— В лесу, собирал хворост.

— А ночью?

— Ночью — в хижине.

— Вы один живете?

— Да, один.

— В ту ночь, когда убили первого американского офицера, вы были на берегу? — спрашивал Таке Хироze.

Руки Генго нервно теребили рубашку.

— Нет.

— А сегодня ночью не были?

— Не был я на берегу.

— Почему?

— Болела нога.

— Перестаньте лгать! В ночь первого убийства вы были в дюнах. Мне начинает казаться: убийца — вы!

— Нет, нет! — крикнул Генго. — Я никого не видел, ничего не знаю, я не убивал!

— Скажите, наконец, правду. Поймите: власти используют оба убийства в интересах американцев. Сегодня из-за вашего молчания арестовали рыбаков. Американцы за убийства отберут у крестьян землю, выгонят всех вас из поселка. Помогите найти убийцу, скажите, кого вы видели на берегу.

— А Хагуро-ямо освободят? — помолчав, спросил старик.

— Да, если я найду преступника!

Долгая пауза и потом шепот:

— Доктор Матзумоко!

Таке Хироze не понял:

— Доктор Матзумоко, живущий в коттедже на берегу моря? Что с ним случилось?

— В ту ночь, неделю назад... он прошел мимо меня... к воде... и исчез... Кто-то кричал... тогда...

— А вы не ошибаетесь? — все еще не веря, спросил Таке Хироze.

Генго отрицательно покачал головой:

— Нет, он пробежал рядом, я его узнал. Сегодня ночью я никого не видел и ничего не слышал.

* * *

О-Юки добежала до шоссе, заметила необычайное оживление около базы. Разгружались грузовики, с грохотом падали камни, около дороги на лугу экскаваторы рыли землю, а на краю шоссе пыхла громадная бетономешалка. У проходных ворот базы стояли американцы с большим листом, по-видимому картой.

Мимо О-Юки прошли два японских землекопа.

— Цементу навезли — хватит забетонировать весь остров.

— Похоже, будут строить аэродром. Лес тоже уничтожат.

Девушка помчалась дальше в рыбацкое селение.

Поселок словно вымер, не видно было даже играющих детей.

О-Юки отыскала дом учителя и постучала.

Через несколько минут О-Юки с письмом к товарищу Яри бежала к почтовой станции. Как раз в этот момент из дверей станции вышел водитель почтового автомобиля.

— Возьмите меня в Тзуматао, — робко обратилась девушка к шоферу.

— К сожалению, не могу возить посторонних — за это уволят, — ответил молодой человек, укладывая в автомобиль мешки с почтой.

— Очень прошу вас!

— Зачем тебе так срочно понадобилось в город?

Шофер огляделся и, показывая на рыбацкий поселок, спросил:

— Из-за американцев?

О-Юки колебалась.

— Ты из союза?

Девушка промолчала.

— Ладно, садись. А деньги спрячь!

* * *

Таке Хирозе брел по берегу. В сумерках на горизонте море светилось, резкий крик летающих над ним чаек заглушал даже шум прибоя.

Инспектора покачивало от усталости. Весь день он бегал по Тзуматао, собирая сведения о докторе Матзумоко.

Во время войны Матзумоко работал хирургом. Его семья погибла во время атомного налета. Доктор и после катастрофы руководил больницей для облученных, но вскоре после прихода американцев оставил пост и уехал. Его обвинили в нарушении врачебной этики, потом обвинение сняли. Долгое время доктор участвовал в борьбе за мир.

И вот образованный человек через семнадцать лет после атомной катастрофы мстит за гибель своей семьи, убивает двух американских офицеров...

На горизонте исчезла светлая полоска моря, угомонились чайки. Потемневшее море слилось с дюнами.

Таке Хирозе быстро поднялся по тропинке к коттеджу и постучал.

Дверь открылась, в просвете показался доктор.

— Ах, это вы! Добрый вечер!

Таке Хирозе поразило осунувшееся до неузнаваемости лицо доктора. Матзумоко первым прошел на террасу и, кряхтя, с трудом опустился на подушку.

— Выпейте со мной чаю.

— Вы больны?

— Ничего особенного.

— Вас тревожат разыгравшиеся здесь события, — инспектор старался завязать разговор.

— Меня уже ничего не удивляет.

— Вы не верите в успех Сопrotивления?

Матзумоко, снисходительно улыбаясь, смотрел на Таке Хирозе.

— Движение Сопrotивления? Люди, печатающие плакаты, устраивающие собрания и демонстрации, друзья мира. Да, да,

не спору, они много делают: только плакатами, собраниями и демонстрациями против американцев и атомной бомбы многого не сделаешь.

— А демонстрация в Токио, в которой участвовали все слои населения, демонстрация, приведшая к падению старого кабинета?

— Кабинет-то пал, но договор ратифицирован, и атомная бомба по-прежнему висит над нашими головами.

— Вы — фаталист, редкое явление среди мыслящих людей Японии.

— А вы сами? Каково ваше участие в борьбе?

— Я криминалист, нахожусь на государственной службе, — ответил инспектор, понимая, как фальшиво звучат его слова.

Матзумоко отмахнулся:

— Это не ответ! Вы должны иметь собственное суждение.

Разговор с доктором принимал странный оборот.

Матзумоко перевел разговор.

— Далеко ли продвинулись ваши поиски?

— Я почти нашел убийцу, — ответил Таке Хироэ.

— Серьезно? — В вопросе доктора не было иронии.

«Добиться признания любым путем, а для этого надо обдумывать каждую фразу, каждое слово!»

— Но пока мне непонятен мотив преступления, — медленно произнес Таке Хироэ. — Возможная причина — месть. О нет, месть не персонально этим офицерам (в сущности, убийца их почти не знал). Я имею в виду месть политического характера — месть за погибших и погибающих в Хиросиме и Нагасаки...

— Мечь? — Голос доктора звучал злобно.

— Да, месть, — повторил инспектор. — Оба офицера — атомные специалисты, только что прибывшие из США.

— Эта ситуация действительно осложняет происшествие.

— Трагически осложняет...

— До сих пор я думал, убийство всегда трагично...

— Верно, но в этом случае трагизм особый. Трагическое заблуждение убийцы.

Допрос старого рыбака Генго казался теперь Таке Хироэ пустяком. Матзумоко человек собранный, непроницаемый, его никакими психологическими трюками не проймешь. Подозревает ли он свое разоблачение? Не показалось ли ему необычным столь позднее посещение инспектора?

— Две недели тому назад мне передали дело Гарвера, — сказал Таке Хироэ. — Более чем скупой материал следствия, молчание прессы, передача дела мне одному...

— Причину не трудно угадать, — перебил Матзумоко, — не привлекать внимания общественности...

— Настоящая причина проще и страшней. Нужно нераскрытое убийство. Лучшее средство протащить сквозь все препятствия атомную базу Макнеел.

Таке Хироэ видел, как вздрогнул доктор.

— Я не понимаю вас.

— Возможно. Я раньше тоже не мог себе этого представить. Вот тут-то и начинается трагическое заблуждение убийцы. Здесь, на острове, были люди, главным образом молодежь, спо-

собные поднять не только здешних рыбаков и крестьян, но и других в стране на борьбу против строительства в Японии атомных баз. Для американцев и японских правящих кругов это опасные противники. И вот человек, подавленный атомной трагедией, убивает атомных специалистов, достигая этим обратного действия: сегодня утром в поселке повально арестованы все неугодные правительству. И хотя против них нет никаких улик, это не играет роли: важно было любой ценой убрать опасный элемент, мешающий размещению атомных баз. Арест формально вполне оправданный — убийство двух американских офицеров.

Таке Хироэ поднялся.

— Новые атомные специалисты придут вслед за убитыми, а за ними — бомбы и ракеты. Защитить население некому — заступники сидят в тюрьме как убийцы. И атомные специалисты, протащившие сюда смертоносное оружие, могут на нем написать: «От всего сердца благодарим доктора Матзумоко».

Тишина на террасе коттеджа становилась невыносимой, ее нарушал только шум прибора. Матзумоко сидел согнувшись, капельки пота блестели на его лбу.

— Дело ведь не в одном этом пункте, — как бы в полусне заговорил доктор.

Таке Хироэ сел, сказалоь напряжение.

— Конечно, бороться будут везде. Но если американцам и на других базах повезет так же, как здесь, то очень скоро Япония станет атомным островом.

Матзумоко медленно поднялся. Он обошел столик, остановился.

— Я ненадолго уйду, подождите меня. — И, не получив ответа, исчез во внутренних комнатах.

Таке Хироэ понимал: доктор никуда не скроется, да и район оцеплен...

Прошло много времени, а инспектор все сидел в той же позе, прислушиваясь к каждому шороху в доме. Но, кроме шума морского прибора да потрескивания балок, он ничего не слышал.

Наконец вошел Матзумоко и сел. По его лицу было трудно догадаться, как он поступит. Сдержанно и спокойно он заговорил:

— Я все вам расскажу. Время у вас найдется?

Таке Хироэ кивнул.

— Я работал хирургом в госпитале, неподалеку от Хиросимы. Моя жена, дочь и отец жили тогда в Хиросиме. В ночь на шестое августа тысяча девятьсот сорок пятого года я дежурил в госпитале. После бомбардировки Токуямы привезли много раненых, и оперировать приходилось безостановочно.

Рано утром я должен был оперировать последнего больного. Все было готово к операции, как вдруг ослепительный свет заполнил здание госпиталя. Раздался страшный грохот, здание качалось. Я выглянул из окна и увидел, что с неба падает густой серый снег. Стало темно. Одна из сестер ворвалась в коридор, крича: «Вас срочно к телефону!»

Я бежал к телефону с неотвязной мыслью: «Откуда столько серой пыли? Почему она падает с неба?»

Хриплый голос кричал в трубке: «Атомный налет на Хироси-

му! Сотни тысяч пострадавших! Немедленно приезжайте к горе Хиджи». Там семья! Я выбежал на улицу, не снимая халата, вскочил в машину, и мы помчались...

Там, где была Хиросима, подымался гигантский черный столб. Я видел города после бомбежек, но такой картины...

Вскоре пошел дождь, черными каплями падавший с неба. Перед въездом в город водитель включил фары, с трудом проникающие сквозь завесу копоти и дыма. Мы оказались в гуще беглецов. Кругом черные лица, лохмотья вместо одежды.

На перекрестке нас задержал военный патруль. Я высунулся из окна: «Мне необходимо ехать дальше, вот приказ». Впереди улицы были пустынные. Местность напоминала вулканический ландшафт — кратеры и холмы. Здесь двигались люди в плащ-палатках и черных масках. На носилках у них какие-то свертки... Истошные крики...

Немного погода нас снова остановили. Человек в плаще и маске поднял руку и сказал: «Назад, сейчас же назад!» Я вылез из машины: «Мне необходимо попасть в лазарет на горе Хиджи».

«Назад, — настаивал солдат (под плащом я увидел военную форму). — Атомная бомба, усиливается радиоактивность».

Через завесу дыма и серой пыли, падающей с неба, к нам приблизилась закутанная фигура — офицер: «Куда вы хотите проехать?» Я схватил его за плащ, покрытый крупными пылинками: «В лазарет. А в городе моя семья, я должен ее разыскать». Офицер помедлил, вытащил карту и развернул ее: «Где жила ваша семья?» — «Рядом с миссионерской школой, около Западной площади». Офицер спрятал карту, даже не взглянув на нее. «Возвращайтесь и объезжайте город. Здесь проехать нельзя: гамма-лучи невероятной силы». Он обнял меня за плечи, подвел к машине и втолкнул в нее. Прежде чем закрылась дверца автомобиля, я знал: моя семья погибла...

Я остался в госпитале у горы Хиджи, — продолжал доктор. — Страшные дни... Смерть людей наступала по совершенно непонятным причинам. Над госпиталем, не переставая, кружился удушающий дым: неподалеку сжигали трупы погибших. У нас не хватало стерильных материалов, а главное — консервированной крови. Белокровие уносило тысячи жизней. Если бы у нас было достаточно средств для переливания крови, удалось спасти гораздо больше пострадавших, но и при самых примитивных средствах мы вырвали у смерти многих.

Свою семью я не искал. Единственным забвением была работа...

Как-то утром среди палаток госпиталя появились американские солдаты. Я уже слышал о прибытии первых самолетов с американскими врачами и журналистами и спокойно продолжал обход больных. Вдруг ко мне подошел японец в американской форме и пригласил проследовать в управление госпиталя. Я прервал обход и, преисполненный надежд получить оборудование и медикаменты, пошел вместе с переводчиком.

В палатке высокий человек в американской форме, пригласив меня сесть, представился: начальник американской медицинской комиссии.

Я рассказал ему о методах нашего лечения, о наших нехват-

ках. Он вежливо слушал, не перебивал, потом, закурив сигарету, сказал: «Ваша работа вредна. Своим лечением вы только пугаете картину болезни. Мы изолируем облученных людей в особое отделение». Я сразу не понял его и спросил: «Какой же метод вы примените?»

Он холодно посмотрел на меня и ответил:

«Никакого. Нам надо проследить за болезнью во всех ее проявлениях, составить таблицы, воспользоваться данными. Понятно?»

Цивизм его слов был ужасающий. Я вскочил: «Понял: облученные явятся подопытными животными! Смерть сотен тысяч ради составления таблиц!»

Американец, попыхивая сигареткой, развел руками:

«Не надо громких и жестких слов. Мы с вами ученые, а наука не терпит сентиментальности. Это пока единственный шанс изучить на практике действие радиоактивных лучей на человека. В этом и есть служение науке».

«Я понимаю под наукой служение человечеству приобретенными знаниями. Без этого наука стала бы ареной преступлений».

Американец слегка наклонился ко мне.

«Я продлил бы нашу интересную дискуссию, если бы дальнейший спор мог что-либо изменить в наших планах. Но решение окончательное. Изоляция началась».

Моем единственным желанием было бежать. Белый халат казался насмешкой, издевательством. Я сорвал его...

— И вы бежали сюда? — спросил Таке Хирозе.

— Да, я бежал сюда. Этот коттедж я приобрел еще до войны. Казалось, здесь я успокоюсь, но покой не приходил. Однажды я получил уведомление о поднятом против меня деле за самовольное оставление поста хирурга в госпитале и требование объяснить свое поведение. В тот же день я начал свой обвинительный доклад, где подробно рассказал о действии бомбы, о преступном отношении американских врачей к облученным больным. Почти перед самым окончанием моей работы я получил уведомление о прекращении моего дела. Я все-таки отослал доклад во врачебное общество и медицинский журнал. Напечатан он не был...

Позднее я стал писать для газет, радио; социалистические и коммунистические газеты помещали мои статьи, радио не удостоило меня ответом. Я понимал: началось новое вооружение Японии, и заинтересованные в нем круги не желали вспоминать о Хиросиме.

Американцы продолжали опыты, все статьи и протесты отскакивали от них, как капли дождя от оконных стекол. Я со-

мневался в правильности нашего пути, а каким он должен быть, не знал...

С некоторых пор я стал замечать боли в селезенке, слабость, головокружение. Я обследовался и понял: черный гриб Хиросимы накрыл и меня. Лейкемия!

Таке Хироэ не удержался от возгласа.

— Да, лейкемия, — продолжал врач, — зашедшая так далеко, что теперь мне осталось жить несколько недель.

Когда разразилась грандиозная борьба против атомного вооружения и военного пакта, я принимал в ней деятельное участие. Кабинет сменился, а пакт все-таки протащили...

С Вильямом Гарвером я познакомился совершенно случайно.

На дороге в Тзуматао я ждал автобуса. Мимо меня пронесся «джип», внезапно затормозивший. Сидевший в нем офицер любезно приглашал меня. Это был Гарвер. Раньше я его никогда не видел, хотя знал в лицо почти всех офицеров базы.

Гарвер предложил мне место в машине, и мы с головокружительной скоростью понеслись. Гарвер расспрашивал о местности. Он недавно приехал из Штатов и интересовался всем новым. Вначале он мне даже понравился, хотя я все время замечал странную направленность его вопросов. Бросалась в глаза его нервозность, дрожание рук и век. Я рассказал о себе. И то, что я врач, произвело на американца ошеломляющее действие. Он притих и только беспрерывно курил.

Около первых домов Тзуматао он наклонился ко мне, косясь на шофера.

«Не могли бы вы дать мне немного морфия или кокаина?»

Я был неприятно поражен.

«Врачи располагают ничтожным количеством наркотиков», — сказал я сдержанно.

«Уступите толику, я заплачу долларами».

Я понял: передо мной наркоман. Станный блеск глаз, подергивание век, дрожание руки.

«Мне нужно немного для работы», — пытался он завуалировать страстное желание наркомана.

«У нас наркотики запрещены».

Гарвер отмахнулся.

«Знаю, у нас тоже запрещены, но везде можно достать».

Шофер сбавил скорость, и я решил выйти из машины.

«Остановите здесь». Гарвер подал удивительно влажную, холодную руку: «Разрешите мне вас навестить?»

Мотор машины почти заглох, и шофер мог слышать каждое слово.

«Заходите».

В тот же вечер в сумерки он пришел. При электрическом свете он казался еще бледней. Блеск в глазах усилился. Я понял: этот человек находится на грани тяжелой, моральной депрессии.

Гарвер сидел на этой же веранде, вот так же против меня. После незначительных фраз сразу попросил:

«Дайте мне хоть немного морфия, я хорошо заплачу».

«Я ничего не дам, я врач, а не торговец наркотиками», — оборвал я его. Другого бы я немедленно выгнал, но этот человек был невменяем.

«Для меня это лекарство. Вы же видите, я погибаю».

«Почему вы не лечитесь?»

«Лечиться! Тогда я должен снять форму. А это конец».

«Офицеров не выгоняют из армии за лечение...»

«В принципе нет, но из специальных частей обязательно».

Я пытался разобраться в этом чуждом мире.

«А ваше состояние? Неужели никто не замечает? Долго его не скроешь».

«Если официально никто не узнает, меня не уволят. Треть всех офицеров атомных подразделений или алкоголики, или наркоманы. Всех уволить невозможно: образование стоит дорого».

Я вновь увидел блеснувшую молнию атомного взрыва.

«Да разве вы знаете о тренировке офицера атомных частей, — говорил как бы для себя Гарвер. — Часами в специальных кабинетах, днями и ночами в специальной одежде. При опытных взрывах находишься совсем рядом в траншее, ползешь по зараженной местности и не знаешь, не поразили ли тебя эти проклятые лучи?.. Что еще остается человеку, как не стать после всего этого наркоманом или алкоголиком?»

В голове моей стучало: атомные войска! Я видел перед собой не человека — развалину. И ему они доверили страшное оружие, наркоману, истерику, которому нельзя давать в руки и простого ножа!

«Что с вами?» — как во сне услышал я голос Гарвера.

Я встал.

«Немедленно уходите». На какое-то мгновение мне даже показалось, что американец бросится на меня. Но Гарвер поднялся и молча вышел из коттеджа.

И тогда страх, невероятный страх заполз мне в душу. Там идет человек, безумец с дрожащими руками. Один неверный жест этих рук — и человечество ввергнуто в пучину безумия. И я его отпустил. Задержать, немедленно задержать!..

«Хэлло! — крикнул я в открытое окно. — Вы идете неправильно, на базу в другую сторону».

Гарвер вернулся к моему дому. Я действовал машинально, надел накидку и, взяв в кабинете кинжал, старую фамильную реликвию, пошел рядом с американцем.

Гарвер молчал. Я спросил его:

«А вам не страшно от одной мысли: вдруг прикажут нажать кнопку вашего страшного орудия?»

Он посмотрел на меня.

«Не раз меня охватывал ужас. Но, думая о смысле жизни, я спрашивал себя: является ли этот страшный взрыв каким-то небывалым ужасом? Все мы гонимые, обманутые дураки. Иногда я думаю: белая молния, огонь — всему конец, и покой!..»

Его голос был голосом сумасшедшего.

Я убил его. — Доктор Матзумоко встал, подошел к стеклянной стене и открыл окно. — Вильям Гарвер умер сразу. Накидкой я замел следы, пошел к морю, пробежал по воде и вернулся домой другой дорогой.

Я рассчитывал на арест и решил скамью подсудимых превратить в трибуну против атомных преступников, показать, в чьих руках находится атомное оружие, призвать народы к борьбе.

Ареста не последовало. Газеты молчали, следователи исчезли. Потом появились вы. Я понимал: вопрос с расширением американской базы перешел в решающую фазу — и не знал, что делать. Признаться или молчать?

Через несколько дней на том месте, где я убил Гарвера, появился американский офицер. Он внимательно оглядывался, немного посидел среди дюн. Почему он интересовался местом убийства? Может быть, товарищ убитого или его заместитель. Раньше я его никогда не видел.

Офицер подошел к моему садику. Лицо у него было умное,

приятное, хотя что-то в нем говорило о жестокости. Я поздоровался с пришедшим.

Он заговорил:

«Удивительно пустынная местность».

«Да, особенно ночью».

«Вы постоянно здесь живете?»

«Я старик и меня не пугают тени убитых!»

Американец закусил губу.

«Его здесь нашли?»

«Там, где вы только что сидели. Вы ищете место убийства?»

«Не совсем. Когда вышел на берег, вспомнил — и огляделся».

«Вы заместитель покойного?»

«Да, я откомандирован на его место».

Он не знал о моей осведомленности.

«Я угадал в вас новичка, — продолжал я, — потому что знаю почти всех офицеров вашего пункта. Они часто проходят мимо моего дома. Прогулки разгоняют тоску».

«Да, здесь тоскливо. Особенно тому, кто только что приехал из Штатов».

«Из Штатов? Это интересно, — сказал я. — Сам я учился в Англии, и меня интересуют западные новости. Если у вас найдется время, навестите меня».

«Я был в Англии в войсках. С удовольствием зайду к вам». И он откланялся.

Американец пришел на следующий вечер. Поговорили об Англии. Я рассказывал ему о своей учебе. Он мне — о жизни на родине, заметно избегая говорить о своем обучении. Да меня этот вопрос и не интересовал. Меня занимало другое. Этот офицер не Гарвер, не наркоман, не неврастеник. Он производил впечатление мыслящего человека. Как же он относится к атомному оружию? Каковы его принципы? Можно ли ему доверить смертоносное оружие?

«Американская армия в Японии слишком сильно напоминает о войне, о гибели Хиросимы и Нагасаки».

О'Коннор улыбнулся.

«Я знаю, атомные взрывы — шок, не скоро забываемый, но и он со временем пройдет».

За эту улыбку я его возненавидел.

«Это не шок — это смертельная опасность. Потому люди и борются против атомной войны».

Американец опять улыбнулся, закурил сигарету.

«Протесты, борьба — все это не ново. Когда немец Шварц изобрел порох, всюду кричали. Потом смирились. Позже Нобель изобрел динамит, везде собирались конгрессы, говорили о конце человечества в будущей войне. А сколько с тех пор истрчено динамита? Миллионы тонн. Так было и с подводными лодками и с самолетами, возмущались, протестовали, а потом привыкали».

«Нельзя сравнивать атомное оружие с другими видами оружия, — возразил я. — Оружие, лишаящее людей потомства, испепеляющее целые области земного шара и угрожающее не только одному противнику, но и всему человечеству, — это же безумие!»

«Правильно, действие атомного оружия сильнее, чем динамита. Это вполне естественно. С развитием техники оружие ста-

новится более мощным. Атомное оружие — продукт технического прогресса, и задержать его невозможно».

«По вашему мнению, его невозможно запретить?»

«Нет. Рабочие когда-то разбивали машины, лишавшие их работы. Вместо разбитых ученые изобрели более совершенные станки».

О каком прогрессе говорил этот человек? Бомба, несущая гибель сотням тысяч людей, для него — прогресс?

«И вы беспрекословно выполните приказ и нажмете кнопку?»

«Да, нажму, — спокойно ответил он. — Я не сделаю, так другой сделает. Какая польза от моего сопротивления? В этом случае я пошел бы не только против своей страны, но и против прогресса. А эта роль исторически смешна и неблагодарна».

«А разлада со своей совестью вы не боитесь?»

«Это вопрос нервов. Пилот, сбросивший бомбу на Хиросиму, сидит в сумасшедшем доме. Кто знает, может быть, первые люди, употребившие динамит, тоже сошли с ума. Возможно, и я не выдержу, но приказ, безусловно, выполню».

Такой решительности и ясной логики я не ожидал. Я видел его умные глаза, сжатые губы. Нет, это не болтун Гарвер. Это человек, убежденный в своей правоте, он выполнит приказ.

«А если люди каждого из тех, кто навязывает человечеству атомное оружие, изолируют и даже уничтожат? Разве это не средство остановить ваш «прогресс?»»

О'Коннор снова снисходительно улыбался, улыбался, не зная, что зависит от его ответа.

«Это утопия, — возразил он. — Никогда люди не решатся на подобные меры. Они просто недооценивают действия бомбы и для крайних мер слишком культурны».

Он сам произнес себе приговор. Я убил его так же, как и Гарвера.

Доктор Матзумоко замолчал. Шум моря, доносившийся в открытое окно, стал грозным. Доктор, мертвенно бледный, с закрытыми глазами неподвижно стоял у окна.

Таке Хироze знобило. Недаром он так боялся рассказа врача. Чувство симпатии к доктору и ненависти к настоящим убийцам охватывало его. Трагедия на базе Макнеел убила криминалиста Хироze и поставила человека Хироze перед трудным решением собственной судьбы.

— Вы меня арестуете? — спросил Матзумоко.

— Нет, этого я не сделаю.

Доктор удивленно посмотрел на инспектора.

— Значит, вы меня поняли?

— Да, — ответил Таке Хироze и тут же добавил: — Однако совсем не одобряю ваш метод борьбы. Но главная роль в этой трагедии принадлежит не вам.

На веранде воцарилось молчание. Доктор долго наблюдал за инспектором и, наконец, решил.

— Вы должны меня арестовать!

— Вам этот арест необходим?

— Безусловно! Вы же сами меня обвинили в пособничестве американцам. Пусть на суде узнают правду: я расскажу всему человечеству, кому доверяют гибельное оружие. Тогда мой поступок и моя жизнь приобретут смысл.

— Глупец, — перебил инспектор. — Наивный глупец! — уже кричал Таке Хироэ. — Да вам не позволят и рта раскрыть, ни одного слова не дойдет до людей. Простите мою резкость, я и сам раньше верил, а теперь потерял иллюзии. Ваш процесс будут откладывать, пока вы не умрете, или проведут за закрытыми дверями, и ни один звук не проникнет в мир.

— Как и написанный мною доклад, — устало сказал доктор. — Что же мне делать?

— Используйте последние недели вашей жизни и напишите обо всем. Скройтесь куда-нибудь и пишите о Хиросиме, об угрозе атомной войны, о своих наблюдениях. Эти записи вы передадите в надежные руки. В Японии есть люди и организации, которым вы просто обязаны помочь своими материалами.

Матзумоко смотрел на инспектора.

— Это был бы выход, вы правы! И вы дадите мне возможность скрыться?

— Да.

Матзумоко подошел к инспектору и крепко обнял его.

— А что будет с базой Макнеел, с людьми, арестованными по подозрению в убийстве?

— Ночью вы напишете признание и оставите здесь на веранде. Опишете мотивы преступления и причины бегства. Приложите к признанию оружие убийства. Я думаю, этого будет достаточно. Завтра после обеда я заберу признание и начну розыск. До этих пор вы свободны.

Матзумоко поклонился.

* * *

Хагуро-ямо бросили в грязную, темную камеру.

В коридоре мерно шагал часовой. Вдруг закрипел замок, и на пороге появился полицейский.

— Идем.

Хагуро-ямо волновался: в первый раз он шел на допрос.

В комнате, куда его ввели, за столом сидел человек в штатском.

— Где вы были в прошлую ночь?

— Дома.

— Ложь! Были в хижине лесничего?

— Нет, там я никогда не был.

— Ну, раньше-то вы там частенько бывали, и вы и ваши товарищи коммунисты. Мы там нашли плакаты, брошюры, рота-тор и оружие! Что вы на это скажете?

«Ложь!» — чуть было не вскрикнул юноша, но вовремя спохватился: ведь он утверждал, что никогда не был в хижине.

— Убийцу нашли? — вместо ответа спросил Хагуро-ямо.

— Убийцу? Да, почти нашли. К вам это обвинение не относится. Вы виновны в подстрекательстве к бунту, в распространении запрещенной литературы и тайном хранении оружия. Это доказано.

«Так, значит хитрый детектив нашел убийцу. Хижину полиция обнаружила случайно, а оружие подбросила сама».

— Какие у вас связи в Шимоносеки на ткацкой фабрике, цементном заводе и железной дороге?

«Откуда такая осведомленность? Наверное, делегации рабочих этих предприятий пришли на помощь».

— О таких связях полиция обязательно знала бы.

— Мы кое-что и узнали, — пробормотал следователь.

— Рабочие уже прибыли в поселок? — не удержался Хагуро-ямо.

— Пытались пробраться. Вы, значит, подтверждаете вызов рабочих в селение?

Ловушка была грубой.

— Я ничего не подтверждал, — презрительно сказал юноша и добавил: — А если рабочие помогают рыбакам и крестьянам отстоять землю и выгнать атомных вояк, то они выполняют свой долг. Ведь это долг каждого патриота.

Полицейский чиновник махнул рукой, и юношу увели в камеру.

«Убийство, тайное хранение оружия, подстрекательство — все приплетли, только бы опозорить коммунистов. Не помогло. Единый фронт существует, и ни американцам, ни полиции не остановить грядущего социализма, — думал он. — Япония будет социалистической. Рядом с цветами и лампами будут развеваются красные флаги».

Камера перестала существовать для Хагуро-ямо. Всех борцов не арестуешь!

* * *

Расширение базы Макнеел шло точно по графику. Утром, после убийства лейтенанта О'Коннора, земли на берегу, у подножия «Горы духов» и на крестьянских полях были полностью обмерены. Японские землекопы расширяли шоссе на Тзуматао. На лугу у «Горы духов» работали мощные гусеничные тракторы. Полиция охраняла все дороги, ведущие к базе, пропуская только американские грузовики с оборудованием и рабочими. По шоссе сновали полицейские машины.

В полдень в крестьянском селении появилась легковая машина с представителями власти из Тзуматао. Они были упломочены объявить крестьянам о реквизиции земель. Но оказалось, что объявлять-то некому: селение было покинуто жителями. Так ни с чем властям пришлось и уехать.

Крестьяне вместе с рыбаками собрались около почты на митинг.

Был выбран комитет защиты прав местного населения, и собравшиеся поклялись не уступать и пяди земли.

Прибывшая полиция разгоняла митинг дубинками, а население отвечало камнями и просто кулаками. Только усилиями нескольких подразделений полицейским все-таки удалось разогнать митинг у почты.

Вечером японские землекопы прекратили работу, заявив, что будут ждать решения своего профсоюза.

С вершины «Горы духов» слышался непрерывный монотонный стук барабанов — буддийские монахи поддерживали население.

Ночью на свои поля пришли крестьяне, вооруженные лопатами, граблями, палками, разожгли костры, расстелили одеяла и приготвили засесть здесь надолго. Немногочисленные по-

лицейские сочли за благо обратиться с полей.

На следующее утро в рыбацьем селении увидели колонну велосипедистов с транспарантами «Лига демократической молодежи» и «Прочь атомные бомбы!». В колонне были главным образом студенты из Тзуматао. Всю ночь они пробирались в обход полицейских постов. В поселке поняли: события проникли за кордон полицейских. Студенты оставили велосипеды в селении, а сами с транспарантами и флагами двинулись на помощь крестьянам.

Следом за колонной велосипедистов уже по шоссе прибывали грузовики с рабочими фабрик и железнодорожных мастерских, автобусы профсоюзов из Тзуматао. Предприятия Тзуматао и Шимоносеки посылали делегации на помощь здешнему населению. Полиция не посмела задерживать приехавших, и они располагались на лугах около шоссе.

Меньше чем за два часа людская масса плотным кольцом окружила американский пункт.

Вечером того же дня все газеты Японии писали об этом. Прогрессивные газеты поддерживали патриотов, борющихся за родную землю.

Японские землекопы, несмотря на повышенную зарплату, наотрез отказались работать, ссылаясь на постановление своего профсоюза.

На следующий день в полдень радио объявило имя убийцы двух американских офицеров, и сразу же появились плакаты с требованием немедленного освобождения арестованных рыбаков.

* * *

С дороги были сняты полицейские кордоны, и Таке Хироэ беспрепятственно проехал в рыбацкий поселок. Оставив машину на обочине шоссе, он пошел на поля, где правильными рядами сидели защитники человеческих прав.

Таке Хироэ остановился, наблюдая за пестрой картиной поля. Больше половины сидящих не были местными жителями, много молодежи. Наравне со всеми в рядах сидели монахи. По краям поля шеренги полицейских, а вдалеке у дороги притаился американский «джип».

К инспектору подошел учитель Ясаки.

— Спасибо за розыск убийцы! Вы оказали нам громадную услугу. Смотрите!..

Внезапно все сидящие на полях разом повернули головы. От шоссе прямо по целине шли тяжелые грузовики с вооруженными солдатами. Таке Хироэ понял: сейчас решается его судьба: или с народом против полиции, или с полицией против народа. Другого решения нет.

— Сейчас нападут, — сказал учитель.

Машина с американцами развернулась и двинулась к лесу.

Люди, сидящие в рядах, приготовились к нападению. Крестьяне придвинулись поближе друг к другу. У левого края встали студенты, размахивая знаменами и транспарантами. Они кричали:

— Американцы, прочь! Базы прочь! Очистите Японию!

Монахи монотонно пели.

Подъехавшие солдаты пытались прикладами разогнать сидящих. Первые ряды заколебались, кричали женщины. Паника увеличивалась.

— Не отступайте! — закричал Ясаки и ринулся на полицейских.

Заработал громкоговоритель:

— Держитесь, на подмогу идут портовые рабочие.

В водоворот свалки попал и Таке Хироэ. Кругом дрались, кричали, стонали, и он, схватив какого-то полицейского за ногу, бросил его на землю. Подоспевшие портовые рабочие и крестьяне, отбивая налет палками, древками знамен, транспарантов, увлекли за собой инспектора. Полицейские откатывались к окраине поля, пытаясь добраться до своих машин. Первый налет полиции народ отбил.

У дороги о чем-то совещались полицейские. Американский «джип» маячил сквозь деревья в лесу,

Таке Хироэ с учителем Ясаки выбрались из толпы и прошли к шоссе. Там стояло множество запыленных машин. Около них ходили люди с фотоаппаратами. Некоторые из них явно иностранцы.

— Журналисты, — сказал Ясаки.

Таке Хироэ остановился. Эти люди представляли прессу — силу, с которой посчитаются.

— Я думаю о событиях на базе Макнеел и о двух убийствах. Эти факты наверняка заинтересуют прессу. Сенсация особого рода.

Ясаки понял. Он пожал руку инспектору.

— Расскажите всему миру о закулисной игре американцев.

* * *

В кабинете коменданта базы майора Стане назойливо жужжит вентилятор. Комендант сидит за письменным столом, уронив усталую голову на руки. Лейтенант Ионсон замер у окна. Отсюда ему виден лагерь в поле и шоссе. Черт возьми! Два дня они кричали, пели, махали флагами... и победили. Гроша ломаного он бы не дал за их сидячую забастовку, а вот победили! Цепкие парни, такие же, как этот детектив. В газетах появилось его сообщение о требованиях майора Стане и его адъютанта Ионсона свалить убийства на коммунистов. Военное командование в Токио бесилось... А эти посидели два дня на земле — и прощай атомная база великой державы!

Вслух Ионсон пробурчал:

— Итак, все полетело к черту!

Майор Стане медленно поднял голову.

— Вам приказ известен! Работы по строительству прекратить, обремененную землю вернуть владельцам!

— Ввиду негодности означенной земли для данного проекта, — закончил Ионсон.

— Вы, может быть, предпочли бы сознаться в нашей несостоятельности? — раздраженно спросил майор.

— Позор! — настаивал Ионсон. — Позор!..

— Критиковать легче всего. А что бы вы предложили? Раздавить людей танками или обстрелять со штурмовиков? Другим путем вы их отсюда не уберете! Я лично считаю отмену приказа лучшим выходом из создавшегося положения. После скандала с пактом о военном союзе приходится соблюдать осторожность. Вдобавок еще пресса!

Майор Стане поднялся из-за стола.

— Прошу передать мои распоряжения господам офицерам!

— Слушаюсь. — Ионсон вышел.

* * *

У полицейского начальства Шимоносеки инспектор Таке Хироэ числился в отпуске на неопределенное время.

Со времени последних событий прошли недели, и однажды Таке Хироэ прочел в газете: «Д-р Матзумоко, убийца обоих американских офицеров на базе Макнеел, скрывавшийся под именем Нитогури Исхи на острове Хоккайдо, умер». Затем сле-

довала критика работы полиции и ни слова о причине смерти. Инспектор заволновался: «Записи доктора! Куда они попали?»

Таке Хирозе решил прежде всего пойти к профессору Синсаки, члену Совета Мира. Может быть, ему известно что-то о работах доктора. Но в это время курьер из полиции принес Таке Хирозе повестку из президиума. Уведомление об отставке? Курьера бы не послали. Что им нужно?

Таке Хирозе тотчас же поехал в президиум, где его заставили прождать до полудня. Этот трюк не подействовал бы на Таке Хирозе, если бы не беспокойство о бумагах Матзумоко.

Наконец его пригласили. Незнакомый чиновник попросил Таке Хирозе слетать на Хоккайдо и опознать умершего Матзумоко.

— Выбор пал на вас, — объяснил чиновник, — потому что вы занимались этим делом.

В полете Таке Хирозе сопровождал неизвестный криминальный инспектор, мрачный и неразговорчивый человек.

В селении на Хоккайдо полицейский проводил их к дому, где жил доктор, снял с дверей печать, и они вошли. На циновке лежал человек, покрытый белой простыней. Около покойника стояли цветы и светильник.

— Прошу удостоверить личность умершего, — сказал инспектор, вошедший следом за Таке Хирозе.

Тот нагнулся, приподнял простыню.

— Да, это доктор Матзумоко.

Новый инспектор подошел к книжной полке, просмотрел несколько книг.

Таке Хирозе незаметно оглядывал комнату. Где же могут быть работы доктора? Рыться в книгах нельзя; чиновник не спускает с него глаз.

Таке Хирозе подошел к письменному столу. Среди бумаг под карандашом он заметил крошечный клочок. Таке Хирозе отодвинул карандаш — клочок бумаги оказался почтовой квитанцией.

Три дня назад доктор отправил документы секретарю Совета Мира в Хиросиме. Таке Хирозе незаметно взял квитанцию и спрятал ее в карман.

Поздно ночью, вернувшись в Шимоносеки, Таке Хирозе шел по пустынным улицам. Из гавани дул свежий ветер, на сердце у инспектора было спокойно.

Материалы доктора попали в надежные руки. Борьба продолжается...

Перевод с немецкого В. МАТВЕЕВОЙ

Е. ПАРНОВ, М. ЕМЦЕВ

ЛОЦМАН КИДА

(Научно-фантастический рассказ)

Рисунок О. БЕЗУХОВА
и Г. ТЕРЗИБАШЬЯНЦА

Вы, конечно, знаете об эррахуэсском лоцмане? Не знаете? Еще чаще его называют белым лоцманом. Но он вовсе не белый. Это уже легенда вроде Моби Дика. О нем много писали в разных журналах. Есть даже повесть, которая так и называется «Белый лоцман». Хорошая повесть, но автор сочинил все: и про Линдаля и про Кида. Он им даже имена другие дал, вымышленные. Уж кто-кто, а я то знаю! Я учился в Оксфорде вместе

с Персивалем Линдалем. И это путешествие на Черепашьи острова мы задумали вместе. Даже идея ультрагидрофона, который впоследствии построил Линдаль, — моя идея. Но ничего из нашего совместного путешествия не получилось.

Так уж вышло, что мы — Линдаль и я — одновременно влюбились в одну молодую особу. Не то, чтобы между нами было какое-то ожесточенное соперничество, просто я отошел на задний план. И для той молодой особы и для Персивалля. Они вскоре поженились, а я уехал в Мельбурн и занял там место ординарного сотрудника Главной океанологической лаборатории. Но не обо мне речь.

Линдаль все-таки осуществил свою затею. Хотел бы сказать, нашу затею, но не могу... Скопив достаточно денег и оставив молодую жену у своих родителей в Глазго, он пересек океан и обосновался в Эквадоре. Конечно, у него была куча рекомендательных писем, конечно, он пустил в ход все свое личное обаяние — а он был замечательный красавец, — использовав разные там светские связи, он снарядил экспедицию. Впрочем, что это была за экспедиция? Маленький катерок с тесной, как ореховая скорлупка, каютой, несколько ящиков с консервами и пивом, два ружья и японские очки с комплектом лягушечьих лап — вот и все, если не считать гидрофона, изрядного запаса сухих батарей и еще кое-какой мелочи. Катерок назывался «Галапагос». Вот на этом-то утлом суденышке под шикарным желто-сине-красным эквадорским флагом Линдаль один вышел в Тихий океан.

Днем он управлял своим убогим «Галапагосом», а ночью, если не предвиделось непогоды, бросал якорь и укладывался спать прямо на палубе.

Все шло хорошо. Линдаль уже предвкушал, как он достигнет своей цели, и рисовал себе торжественные картины высадки на Черепашьих островах. Оставалось всего несколько дней пути, когда «Галапагос» внезапно наткнулся на подводный риф. А может, это был не риф, а один из тех полузатонувших кораблей, которые переносятся океанскими течениями на огромные расстояния, или еще что-нибудь. Море полно неожиданностей, и Линдаль так никогда и не смог разобраться, что же погубило его «Галапагос».

Одним словом, однажды ночью Линдаль, спавший на палубе, вскочил от сильного толчка, потрясшего катер. Со страха ему показалось, что в ночном небе сверкают молнии и ухают громовые раскаты. Ничего подобного, конечно, не было. Треск от удара он принял за гром, а молнии сверкали только в его глазах. До слуха Линдаля донесся шум воды, проникавшей внутрь судна. Спустившись вниз, он обнаружил пробону по правому борту. Размер ее не позволял сомневаться в том, что «Галапагос» продержится на плаву не больше двадцати минут. Трясущимися руками Линдаль стал переносить в шлюпку свое нехитрое имущество. Первым туда был отправлен бочонок с водой, затем провизия, потом кое-какое научное и навигационное оборудование. Не забыл Линдаль и банки с имбирным пивом, бельгийские охотничьи ружья, ультрагидрофон, ласты. Погрузил он так-

же тяжеленный ящик рации и все батареи. Линдаль не знал тогда, что от удара в передатчике испортились все лампы и он никуда не годится.

Когда Линдаль окончил погрузку, «Галапагос» уже сильно осел и накренился. Линдаль скатился по наклонной палубе к борту и влез в шлюпку. Скриннули тали, и шлюпка закачалась на легкой зыби. Линдалю показалось, что он находится в черном колодце. Он взглянул вверх. Большие тропические звезды были близкими, как никогда. Линдаль оттолкнулся, сел за весла и начал грести прочь от «Галапагоса», прямо на Южный Крест. Катастрофа не повлияла на его решение во что бы то ни стало побывать на Черепашьих островах.

...Линдалю повезло. Отклонившись сначала к югу, он попал в струю перуанского течения, и его понесло на север. По его расчетам, он должен был на девятый день увидеть вулканические конусы Черепашьих островов. Он надеялся пристать к берегу либо на Эспаньоле, либо на Санта-Марии. Но на беду утром девятого дня пал густой туман. Линдалю казалось, что он слышит даже, как бьется о скалы прибой. Но разглядеть ничего не удавалось. Он взял немного к западу, шум слева от него не стал слабее, а справа не усилился. Тогда он направил шлюпку на восток. Туман стоял такой, что даже корма выглядела размытой и призрачной. Линдаль не думал о том, что шлюпку может разбить. Он боялся промахнуться. И когда шум прибоя начал стихать, он понял, что случилось самое страшное — его уносит в открытый океан. О том, чтобы попытаться выгresti против течения, нечего было и думать. Впереди оставался, правда, еще один небольшой островок — Эррахуэс, но шансы случайно наскочить на него в тумане были ничтожны. И все же Линдаль решил попытаться. Он развернул шлюпку и начал грести против течения. Теперь его продвижение на север сильно замедлилось, и он не мог надеяться, что у него хватит времени по каким-нибудь признакам определить свое положение относительно острова. Прошло часов шесть-семь. Линдаль страшно устал и готов был поручить себя господу, бросить весла и лечь на дно шлюпки. Но тут ему почудилось, что он слышит характерный гортанный крик корморанов. У этих больших птиц кудые недоразвитые крылья. Поэтому не могло быть сомнений, что земля где-то рядом. Линдаль прислушался. Ему показалось, что кормораны кричат сильнее. Он бросил весла и, сев за руль, начал осторожно направлять шлюпку. Взошло солнце. За плотной серой пеленой оно казалось расплывчатым светлым пятном. Постепенно туман стал таять.

Встав во весь рост, Линдаль увидел серые гребни и острые вершины лавового хребта. Они как бы висели в воздухе, отсеченные горизонтальной линией тумана. Эта линия медленно понижалась, туман уходил, как вода из шлюза. От нетерпения Линдаль кусал губы. Ему казалось, что серал завеса почти не рассеивается. Птичий гомон делался все олушительней. И Линдаль понял, что линия тумана опус-

кается вовсе не медленно. Просто шлюпку быстро несло к берегу.

Из лоции Линдаль знал, что подходы к маленькому необитаемому острову очень опасны. Он весь окружен прерывистым кольцом острых подводных рифов. Но другого выхода не было. К тому же Линдаль надеялся, что легкая шлюпка невредимой сумеет проскочить над рифами. На этот раз ему посчастливилось. Он даже не заметил, как миновал опасную зону. Вода вокруг стала значительно теплее. Отдельные клочки тумана молочными пенками еще корчились на воде. Мрачные серо-голубые скалы глядели неприветливо и отчужденно.

Линдаль подумал, что Дарвин, пожалуй, не написал бы «Происхождение видов», если бы «Бигль» не бросил в свое время якорь на виду этого мрачного и неприветливого вулкана. От этой мысли ему стало немножко теплее на душе. Он знал, что остров на самом деле не так уж гол и неприветлив, как это кажется сначала.

Он много лет мечтал об этой экспедиции, прочитал горы книг и журналов, с закрытыми глазами мог найти Галапагосский архипелаг на карте.

Птичий гомон сделался настолько оглушительным, что в нем потонули даже пушечные залпы обрушивающегося на берег прибоя. Из 89 видов гнездящихся здесь птиц 77 не встречаются ни в одном другом месте земного шара. Линдалю показалось, что все они слетелись на этот маленький остров, чтобы приветствовать его, Линдаля, поскорее уверить в своей реальности. Несмотря ни на что, он был счастлив. Далеко не каждому удастся воочию увидеть, как сбываются мечты.

Линдаль взялся за весла и начал энергично грести к берегу, взглядом выискивая место, где бы можно было пристать. Он уже ясно видел большое стадо морских игуан. Доисторические драконы с колючими гребнями грелись на скалах, забрызганных стремительным прибоем. Морская пена пузырилась и подсыхала, подергиваясь сухой мыльной корочкой. Тысяча птиц ковырялась в гниющих черных отбросах, прыгала по базальтовой гальке, высживала яйца. В прохладной воде огибающего остров течения резвилась пара морских львов. Черные, блестящие, точно затянутые в облегающие резиновые костюмы, они подымали к нему усатые морды, подпрыгивали и исчезали в волнах. Потом вновь появлялись, подкидывали в воздух сверкающую чешуей рыбку, проглатывали ее на лету и устремлялись за новой добычей.

Линдаль плыл вдоль линии прибоя, сгорая от нетерпения. Ему хотелось немедленно пристать к берегу, развести костер, выпить горячего кофе, но подходящего места все не находилось.

Когда терпение и силы были уже на исходе — он оглябал в это время лавовый люк, — показалась ровная полоса береговой гальки. Волны накатывались на нее и, сколь-

за по камням, далеко забегали на сушу, чтобы сейчас же устремиться назад тысячами журчащих ручейков.

Линдаль, сжав саднящими от мозолей руками отяжелевшие весла и морщась, начал грести. Эти последние минуты, когда он плыл к берегу, показались ему длиннее дней, проведенных лицом к лицу с океаном. Под днищем загрела галька, и шлюпка замерла, периодически покачиваясь на приливной волне. Линдаль с усилием разжал покрытые водянистыми пузырьками пальцы. Они щемили от соленой воды. Потом он лег на дно и, задрав вверх ноги, стал смотреть в небо. Под самыми облаками, широко раскинув мощные царственные крылья, парил фрегат. Линдаль закрыл опухшие слезящиеся глаза и заснул.

Проснувшись, он оторопело смотрел на берег, на подножье вулкана. Солнце близилось к закату. В гальке свистел и рокотал начинающийся отлив.

Линдаль вылез из шлюпки и с трудом вытащил ее на берег. Тело болезненно ныло, в мышцах при малейшем движении просыпалась усталость. Голова была тяжелой.

Линдаль медленно побрел по влажной гремящей гальке. При каждом его шаге юркие пестрые крабики разбегались по своим щелям. Зато птицы не обращали на него равно никакого внимания. Дрозды вертелись под самыми ногами, реявший в поднебесье ястреб, очевидно, из чистого любопытства спустился и, усевшись невдалеке от человека, начал пристально его разглядывать.

Линдаль обнаружил узенькую ложбинку, выющуюся между двумя лавовыми языками. Цепляясь за шероховатую поверхность, он начал подниматься вверх. Несколько раз остановившись, ложился и, часто дыша, отдыхал.

Появились первые опунции. Их становилось все больше и больше. Линдаль с удивлением смотрел на большие голубоватые деревья. Когда подъем кончился и открылось поросшее лесом плато, Линдаль облегченно вздохнул. Зеленые густолистые кроны стройных скалезий, красные стволы пизоний, выглядывавшие из буйных папоротников, — все обещало покой и отдохновение.

Над темно-зеленой кроной леса виднелся подернутый сизым флером кратер. Линдаль знал, что в кратере находится глубокое и холодное озеро с яркой, голубовато-зеленой водой. Он чувствовал себя вернувшимся после долгой разлуки на милую полузабытую родину. Все, что он видел вокруг, он видел впервые. Но памятью сердца, памятью детской незабытой мечты он узнавал деревья, камни, зверей и приветствовал их как старый знакомый.

Линдаль улыбнулся, поднял лицо к небу и зажмурил глаза. Потом закричал. И крик прорвался сквозь воспаленное охрипшее горло. Линдаль быстро спустился вниз. Порывлся в оставленных приливом и высушенных на солнце кучах и разжег костер. Он сварил кофе; разогрев банку тушенки и размочив в воде несколько галет, позавтракал. Все казалось очень вкусным и сочным. К нему подошел пингвин и, склонив голову набок, стал смотреть. Линдаль

бросил ему кусочек галеты. Неторопливо, с большим достоинством, пингвин подобрал ее и, благодарно кивнув рыжим чубчиком, удалился. Линдаль залил костер водой, выкурил сигарету и, спрятав голову в тень огромного базальтового валуна, заснул.

Около года провел Линдаль на острове. Он охотился на диких свиней, ловил рыбу, искал черепаший яйца, варил крабов. Часами бродил он по берегу в поисках интересных морских животных. Меж делом он отрывал от скользких камней моллюсков или вытаскивал из расщелин маленьких осьминогов. На самой опушке он построил маленькую уютную хижину. В ней всегда было свежо и прохладно. Нежно пахла красная древесина пизоний. У входа покачивались широкие листья папоротников.

Каждый день на три-четыре часа Линдаль уходил в море. Где-нибудь над небольшими глубинами он сбрасывал в воду ультрагидрофон и, надев наушники, погружался в море звуков. Он слышал бесперебойное щелканье многочисленных раков-альфеусов, ритмическое урчание морских петухов, голубиные стоны горбылей, лай и скрежет ставрид. Порой все эти звуки тонули в привычном фоне шумов. Линдаль знал, что скрывается за таким «фоном». Мысленно он видел, как зубы рыб и клешни крабов разгрызают и дробят веточки кораллов, раковины моллюсков — непрерывное заглывание, жевание, преследование. Но очень беден мир слышимых человеком звуков. Когда Линдаль включал преобразователь ультразвука, то всякий раз удивлялся разнообразию свистящих, жужжащих, воющих, гудящих тонов.

Иногда он сам погружался в глубину. Спрятав наушники водонепроницаемым шлемом и набрав в легкие побольше воздуха, он нырял и осторожно подкрадывался к рыбам. Наверное, никто в море лучше его не знал, как общаются между собой рыбы, предупреждают друг друга об опасности, скликают на добычу.

Линдаль работал очень много, свободного времени у него почти не оставалось. Но все чаще и чаще он начинал тосковать о людях. Он понимал, что большую роль здесь играет психология. Ему не хватало сознания, что он не может покинуть этот остров тогда, когда захочется. Если бы где-нибудь в бухте тихо покачивался малютка «Галапагос» с полной цистерной горючего, он, Линдаль, по крайней мере еще год мог бы не думать о цивилизованном мире. Но судна не было, и Линдаль часто следил за горизонтом, не покажется ли где-нибудь пароходный дымок. Но дымок не показывался. Только однажды за все это время он слышал, как на большой высоте гудели самолеты. Он быстро сложил костер из сухих веток скалезий. Гудящий спиртовой огонь побежал по пропитанной эфирами древесине. В воздухе разлился запах больницы. Яркие языки пламени притушили звезды. Гул самолетов затих. И Линдаль долгое время жил надеждой, что его сигнал заметили. Но прошли месяцы, и никто за ним не приплыл. Линдаль опять ушел с головой

в работу. Он писал статьи для научных журналов, сортировал кассеты с фотопленкой, препарировал морских животных, заготовлял коренья, вытапливал жир из огромных слоновых черепаха. Но все чаще и чаще, отложив дела, он неотрывно смотрел на еле заметную бело-голубую линию горизонта.

Чтобы не разучиться говорить, Линдаль беседовал сам с собой. Он декламировал вслух стихи, драматические монологи, даже сам сочинял одноактные пьески для двух персонажей. Он постоянно говорил, пока не пересыхало в горле. Тогда он пил охлажденный сок сладкого папоротника и снова говорил. Даже погружаясь с ультрагидрофоном под воду, он не переставал говорить. Рыбы к нему привыкли настолько, что не обращали внимания. А он кружился около них, подслушивал самые интимные секреты, тут же выбалтывал их вслух и читал стихи.

Одинокое человеческое тело тихо скользило в призрачной синеве над колышущимися лесами водорослей, под темными трещинами расселин. Вверху над ним бултыхалась ртуть, книзу мелькали темные тени птиц, от которых шарахались сонно стоящие рыбы. Но человек говорил, и рыбы слушали чеканные строфы Шекспира, белые стихи Теннисона, завораживающую музыку Киплингa и Суинберна, старинные ассонансы Броунинга. Постепенно они успокаивались, выплывали из темных гротов, покидали пышные рощи водорослей. Человек слушал рыбки сплетни и говорил, говорил, говорил.

Плотно позавтракав жареным черепашным мясом и печеным папоротником, Линдаль, как обычно, взвалил на плечо ультрагидрофон, взял ласты и спустился к морю. Дул теплый утренний бриз. Стеклоплавильные блохи забрались далеко на сушу. Это предвещало непогоду, но Линдаль решил рискнуть. И без того четыре дня подряд шли дожди.

Далеко в море Линдаль заметил стаю чаек. С пронзительным попискиванием и гортанным криком они носились над каким-то неподвижным предметом. То садились на воду, сложив крылья, то опять подымались в воздух.

«Это неспроста, — подумал Линдаль, — похоже, там что-то есть. Может быть, дохлый кит?»

Он поплыл к месту, над которым кружились чайки. Но это был не дохлый кит. На поверхности воды колыхалась исполинская зеленая туша кальмара. Животное умирало. Окраска его из зеленой стала ярко-пурпурной, потом нежно-кремовой. Время от времени бессильно поникшие щупальца поднимались и пенили воду, как винты океанского лайнера. В огромных, как иллюминаторы, человеческих глазах застыли смертная тоска и мука. Линдалю казалось, что спрут смотрит именно на него с мольбой и надеждой. Но что он мог сделать? Как видно, какой-то важный орган животного был поврежден, и оно не могло уйти под воду. Чайки отпевали его заживо. Он, может быть, еще на что-то надеялся, в мольбе протягивая толстые, как водосточные

трубы, щупальца, жалобно разевал страшный клюв, но чайки уже видели, что исполин обречен.

Линдаль столкнул за борт ультрагидрофон и осторожно вытравил канат, потом надел очки, укрепил наушники и осторожно нырнул с кормы. Зеленоватая вода была удивительно прозрачна. Колоссальные присоски с острыми когтями выглядели еще более страшно, а сами щупальца казались толщиной с хорошее бревно.

Здесь тоже готовились к шумному пиршеству. Стаи морских ласточек пронеслись у самого хвоста кальмара, похожего на оперение торпеды. Золотая макрель держалась на отдалении, но было видно, что она готова принять живейшее участие в предстоящем дележе. Уродливая рыбахирург пыталась покусывать угасающего гиганта, а яркий и наглый морской пегух уже ухитрился оторвать кусочек мяса.

Кальмар принял человека за нового врага. Собрав последние силы, он подобрал щупальца и бросился прочь. Внезапно вода потемнела и стала мутной. Линдаль нырнул и, схватив лежащий на песчаном дне аппарат, поплыл вдогонку. Кальмар ушел недалеко. Выпустив чернильную бомбу, он стал бледным, как призрак, и Линдаль его не сразу заметил. Вся рыба шайка была уже тут как тут. Даже самые пугливые и осторожные рыбы спешили догнать обессилившее животное.

Увидев невдалеке темно-синюю торпеду, Линдаль подумал, что это акула. Хищницы обычно не опаздывают на такие пышные похороны, и он уже давно ждал их. Но это оказался крупный и напористый дельфин. Узнав по ультразвуковому телеграфу об агонии извечного врага, он не мог отказать себе в таком удовольствии и приплыл. Не дожидаясь, пока кальмар будет мертв, дельфин раскрыл зубастую клювообразную пасть, отважно ринулся в атаку. Он схватил бесшумно простертое щупальце и попытался его перекусить. Линдаль не думал, что у кальмара еще хватит сил на борьбу. Но гигант неожиданно обвил дельфина сразу тремя щупальцами. Дельфин рванулся, но объятия спрута стали еще теснее. «Живая собака лучше мертвого льва», — подумал Линдаль и, вынырнув, чтобы глотнуть воздуха, поплыл на помощь глупому дельфину. Тот даже не трепыхался, точно кролик в кольцах у анаконды. Линдаль попытался обрубить ножом самое страшное щупальце, конец которого извивался и пенил воду. После нескольких ударов это ему удалось. Корчась, как хвост исполинской ящерицы, щупальце пошло на дно. На него набросились стаи рыб. Из темной расщелины, извиваясь, выплыл какой-то темнопятнистый шарф. Увидев незакрывающуюся, набитую зубами пасть, Линдаль узнал мурену и брезгливо поежился. Из обрубка разреженным дымом клубилась голубая кровь.

Когда Линдалю удалось обрубить еще одно щупальце и освободить дельфина, тот уже почти не дышал. На теле его ясно виднелись лунные кратеры — следы ужасных присо-

сок. Местами эти кровососные банки целиком содрали с него кожу.

Линдаль обхватил дельфина руками и выплыл с ним на поверхность. Он забрался в шлюпку, поднял прибор и занялся дельфином. Он хотел привязать его к шлюпке и доставить на берег. Но рассудив, что дельфиний жир, пока еще не сели все батареи, ему не нужен, он решил даровать отважному безумцу жизнь. Достав иголку с прочной шелковой леской, он зашил наиболее страшные раны и, дождавшись, пока дельфин проявил первые признаки жизни, шлепнул его по спине и оттолкнул от шлюпки.

Дельфин лежал на воде, как очумелый. Линдаль осторожно толкнул его веслом. Дельфин зашевелился и, ударив хвостом по воде, поплыл. Он сделал вокруг шлюпки круг и пристроился ей в кильватер.

Линдаль заметил, что ветер крепчает, и приналег на весла. Блохи не соврали. Приближался шторм, и Линдаль торопился домой. Дельфин не отставал от шлюпки, но человек уже не обращал внимания, он громко читал «Балладу о Тамплинсоне».

И увидел сквозь бред
Звезды, замученной в аду,
Молочно-белый свет.

— Ну, куда ты поплывешь, дурак? — спросил Линдаль дельфина. Лодка пересекла линию подводных рифов, и до мыса было уже рукой подать. Но дельфин все не покидал своего спасителя. Лишь у самого берега он подпрыгнул в воздух и поплыл в открытое море навстречу нарастающим волнам.

Только через три дня океан успокоился и вода посветлела. Линдаль установил ультрагидрофон у входа в густо заросший небольшими тридакнами грот. Почувствовав присутствие потенциального врага, раковины захлопнулись и не открывались до тех пор, пока человек, волоча за собой тоненький красный провод, не поднялся на поверхность. Вода была теплой, и Линдалю не хотелось возвращаться в лодку. Он перевернулся на спину и, лениво шевеля ластами, уставился в чистое утреннее небо. В наушниках стоял тихий свист, периодически достигавший то высоких, то низких частот. Линдаль закрыл глаза и отдался ощущению неги в полной уверенности, что вряд ли услышит сегодня что-нибудь интересное. Заякоренная шлюпка еле покачивалась рядом.

Ему послышался человеческий голос. Линдаль открыл глаза и прислушался. Нет, ему не померещилось. Кто-то громко кричал ему в самые уши.

— Ну, куда ты поплывешь, дурак? Куда поплывешь, дурак? Дурак!

Сердце трепыхнулось и замерло.

— Куда поплывешь, дурак? — донеслось из наушников. Линдаль бросился к шлюпке. В висках у него стучали молоты, Он схватился за борт и, рискуя перевернуть шлюпку,

свалился на дно. Если бы за ним гналась тигровая акула, то и тогда он вряд ли бы доплыл скорее.

— Куда плывешь, дурак? — продолжало звучать в ушах. Резким движением рук Линдаль переключил наушники с ультразвука на обычный диапазон.

Все смолкло. Только трещали вездесущие альфеусы да раки-отшельники грызли каких-то ракушек.

«Значит, я все же в своем уме», — подумал Линдаль и вновь переключил наушники на ультразвук:

«И Тамплинсон взглянул вперед

И увидел в ночи

Звезды, замученной в аду,

Кровавые лучи», — донеслось до него. Причем голос слышался гораздо более явственно и отчетливо.

«Что за наваждение такое?» — подумал Линдаль. Страх уже прошел. Но тело еще хранило воспоминание о первой минуте ужаса, заставившего Линдаля с расширенными побелевшими глазами вскочить в шлюпку. Его трясло, хотя солнце здорово припекало покрывшуюся пупырышками загорелую кожу.

— И Тамплинсон взглянул назад, — ревел в наушниках ультразвук. — Прощай, глупыш. Куда плывешь, дурак? Приходи снимать швы!..

— Что? Приходи снимать швы? — закричал Линдаль. — Так это же я сказал на прощанье глупому дельфину! И стихи мои!

— Стихи мои! — отозвались наушники.

Линдаль сорвал с головы шлем и снял наушники. Кругом была благоухающая тишина. Мелодичный переплеск моря делал ее еще более глубокой. Он осмотрелся. Примерно в ста футах от шлюпки резвился дельфин. Он плыл по кругу. Набрав большую скорость, он на мгновение оставял в воде борозду, взлетал в воздух и торжественно шлепался обратно. В густую синеву неба подымались хрустальные фонтаны. Это было как салют, как торжественная симфония сверкающего на солнце моря.

Линдаль все еще не мог прийти в себя. Он вновь надел наушники и сейчас же услышал:

— Стихи мои! Куда плывешь, дурак?

Сорвал наушники и услышал, как дельфин шлепнулся белым пузом в воду.

— Это ты говоришь? — спросил Линдаль.

Дельфин молчал. Он все так же деловито кружил вокруг шлюпки и выпрыгивал из воды.

— Если не ты, то кто? — опять спросил Линдаль. — Может быть, я говорю сам с собой?

Дельфин плюхнулся у самой шлюпки и обдал Линдаля брызгами.

Заметив, что держит в руках наушники, Линдаль надел их и снова услышал человеческую речь:

— Куда плывешь, дурак? Увидал в ночи звезды, замученной в аду, кровавые лучи. Это ты говоришь? Приходи снимать швы!

— Теперь понятно, что он со мной говорит. — Линдаль покорно развел руками. — В общем ничего особенного, просто говорящий дельфин. Я говорю, а он повторяет.

— Говорящий дельфин. Говорящий дельфин. Куда плывешь, дурак? — ответили наушники.

Так был установлен первый контакт.

Ну, контакт — это, пожалуй, слишком громко сказано. Слово «контакт» подразумевает взаимность. Здесь скорее была односторонность. Линдаль говорил, дельфин повторял. Вы скажете, живой магнитофон? Не совсем так, даже совсем не так. Тут было что-то другое.

И техника этого общения была другой, и суть ее была отличной от ортодоксальной магнитофонной записи. Ведь ультрагидрофон не только улавливает ультразвуки, издаваемые жителями моря, и переводит их в обычный человеческий, если можно так сказать, диапазон частот. Аппарат способен на обратную операцию: переводит звуки человеческого голоса в ультразвуковой диапазон. Эту особенность ультрагидрофона использовал Линдаль, когда он подманивал рыб или разгонял стаи игривых горбылей и морских петухов. А суть... она тоже была другой. Порой Линдалю казалось, что спасенный дельфин был ему благодарен. Вы можете удивляться — такое чисто человеческое чувство у морской твари? А почему бы и нет? Выражают же собаки что-то подобное по отношению к своему хозяину. Одним словом, существовал дельфин, который все время вертелся около Линдаля и в ультразвуковом интервале повторял его слова и фразы. Линдалю на первых порах глубоко волновала и трогала такая привязанность, потом он понемногу привык к необычности ситуации.

Сравнительно просто Линдалю удалось приучить дельфина откликаться на зов. «Теперь я настоящий Робинзон, — думал он, — у меня есть свой попугай. Остается научить его произносить со слезой в голосе: «Бедный Персиваль Линдаль», и все будет в порядке. Впрочем, ему еще нужно дать имя. Жаль, забыл, как назвал своего попугая Робинзон...»

Линдаль назвал дельфина Кидом. Получив из рук Линдаля жирного мерлана, дельфин принял крещение и стал Ричардом. Он сопровождал Линдаля во всех его морских поездках. И если Линдаль почему бы то ни было оставался в один из дней на острове, Кид подплывал к самому берегу и, качаясь на волнах, ждал.

Порой Линдалю казалось, что дельфин действительно понимает человеческую речь, а не механически запоминает отдельные фразы. Ответы Кида порой бывали настолько удачны, что Линдалю становилось не по себе.

С того дня, как дельфин обрел человеческий голос, Линдаль перестал изучать голоса моря. Это стало просто невозможно: мешал Кид. Он непрерывно болтал. Стоило Линдалю настроиться на ультразвуковой диапазон, как на него обрушивалась лавина слов. Это была всевозможная смесь из междометий, восклицаний, морских терминов и стихов.

Вначале Линдаль пытался обмануть дельфина. Он уплывал на наветренную сторону и молча принимался за свои исследования. Но каким-то безошибочным чутьем Кид находил человека. Линдаль узнавал об этом заранее. Стоило ему услышать в наушниках приглушенный расстоянием зов «Персиваль, Персиваль», и он с досадой вытаскивал ультрагидрофон из воды. А может, и не с досадой, потому что ему была приятна ласковая приветливость морского зверя.

Как-то он разучил с Кидом диалоги Кассио и Яго. При чем более трудная речь Яго досталась дельфину. А однажды дельфин даже спас Линдалю жизнь. Линдаль давно выслеживал большого осьминога, поселившегося в глубоком гроте, под самым северным мысом.

Линдаль всегда был изрядным гурманом. Но здесь, на острове, где заботы о еде занимали добрую половину времени, его любовь к изысканной кухне приобрела характер какого-то неистовства. Обнаружив вблизи от берега жилище осьминога, Линдаль решил во что бы то ни стало его изловить. Мысленно он уже предвкушал, как сварит из осьминожьей головы черный суп а ля Спарта, а щупальца изжарит на медленном огне. Он даже приготовил огромный плоский камень, на котором можно было бы отбить жесткое и упругое мясо.

Лавовый язык огромным балконом нависал прямо над гротом, но выбраться из воды на берег здесь было просто невозможно. Оставалось только подплыть сюда с моря. Линдаль долго греб, преодолевая довольно сильное опоясывающее течение, пока, наконец, не достиг темной ниши, заросшей полипами и ракушками. Привыкнув к полумраку, он хорошо зайкорил шлюпку и, взяв острогу, нырнул. Глубина в этом месте не превышала тридцати футов, но из-за бьющих со дна ключей вода была очень холодной, и это значительно сокращало время ныряния.

В сумраке грота нежно опалесцировали оранжевые асцидии, зеленоватыми точками поблескивали креветки. По заросшей бурыми водорослями стене, шевеля длинными желто-синими усами, карабкалась лангуста. Осьминога нигде не было. Очевидно, хозяин ушел, покинул свое жилище и отправился по каким-то неотложным делам. Линдаль поймал лангусту и, окинув взглядом грот, поплыл к выходу.

В густой синеве он заметил две серые тени. Они медленно проплывали перед гротом, растопырив широкие грудные плавники, точно бомбардировщики в вечернем небе.

Линдаль чувствовал, что запас воздуха в легких кончается. Чтобы избавиться от чувства удушья, он начал понемногу выпускать изо рта пузыри. Они уносились вверх, поблескивая, как никелированные шарики. Но это была лишь секундная оттяжка. Нужно было подниматься на поверхность. Линдаль понимал, что как только он всплывет, голубые акулы атакуют его ноги. Секунды застыли, казались веками. Серые бомбардировщики, не выказывая никаких агрессивных намерений, неторопливо кружили у входа из грота. Линдалю показалось, что в голове у него зажегся

какой-то красноватый свет. В глазах сделалось темно. Грудь раздирало мучительное царапающее удушье. Линдаль залпом выпустил весь воздух и, уже ничего не сознавая, с втянутым животом, на последнем пределе, лихорадочно заработал руками. Голова его вырвалась из воды, как пробка. Не раскрывая плотно зажмуренных глаз, Линдаль глотнул острый пьянящий воздух. Голова у него чуть-чуть закрыжилась, по телу разлилась сладостная ленивая истома. Он забыл про акул и про свои незащищенные ноги.

Когда Линдаль посмотрел вниз, в холодную темно-синюю глубину, то даже вскрикнул от неожиданности. Прямо под собой он увидел бешено вращающееся колесо, а несколько поодаль застыли две удивленные сконфуженные акулы. Линдаль быстро подплыл к шлюпке, схватился за корму и, сильно оттолкнувшись ластами, свалился на сухое горячее дно. Вслед за ним из воды выскочил Кид, несколько раз обернулся вокруг горизонтальной оси и понесся в открытое море, оставляя за собой еле заметный пенный след.

Линдаль сел за весла и вывел шлюпку из ниши. В глаза ему ударил яркий свет. В воздухе застыл полуденный зной. Тропическое солнце стояло прямо в зените. В шлюпке что-то зашевелилось. Линдаль заглянул под банку и с удивлением обнаружил там лангусту, забившуюся в крохотную быстро подсыхающую лужицу. Оказывается, он так и не бросил лакомую добычу. Линдаль засмеялся.

...Чтобы не потерять счет времени, Линдаль нарисовал календарь на несколько лет вперед, и каждый день делал там отметки. Шел уже третий год одиночества, когда Линдаль опять услышал в ночном небе гул моторов, но самолеты улетели, прежде чем он успел разжечь костер. Линдаль был в отчаянии. Целую неделю он не выходил в море, и Кид напрасно ждал его у берега. Но с той ночи самолеты начали летать все чаще, и Линдалю трижды удавалось разжечь костры как раз в тот момент, когда эскадрильи проходили над островом.

Очевидно, летчики все же не заметили его сигналов. Линдалю с большим трудом удалось победить глухой страх. Он понял, что и в наш двадцатый всемогущий век человек может заживо сгнить на необитаемом острове. Линдаль начинал уже серьезно подумывать о путешествии на соседние острова. Он даже принялся шить парус из брезента, которым были укрыты ящики с продовольствием. Однажды в поисках добычи бродил он в один из дней по восточной оконечности острова. Спускаясь к морю, он всякий раз поражался, как резко меняется ландшафт. После получасовой прогулки по лесу он вышел на совершенно открытое каменистое плато, которое круто обрывалось к морю. Там среди черных скал и отшлифованной прибоем пемзы скрывалось одно из последних прибежищ большой колонии морских игуан.

Во время отлива ящерицы спускаются со скал, чтобы полакомиться водорослями, оставшимися на берегу после спада воды. Линдалю повезло. Он застал животных в период

спаривания, когда самцы становятся необычайно агрессивными.

Лежбище напоминало гигантскую гладиаторскую арену, вернее средневековое ристалище. Обычно самцы выбирают небольшие площадки, где поселяются с несколькими самками. Если к облюбованному месту посмеет приблизиться соперник, хозяин становится в угрожающую позу и начинает запугивать. Он грозно топорщит колючий гребень, разезает красную, как огонь, пасть, долго кружится на одном месте и методично покачивает головой. Если незванный пришелец не отступает, начинается поединок.

Притаившись за огромным поросшим золотистым лишайником камнем, Линдаль следил за двумя готовыми вступить в драку самцами. Вот, нагнув голову, соперники устремились друг другу навстречу и, столкнувшись лбами, в напряжении остановились. Так продолжалось минут семь, пока пришелец не сдался на милость победителя. Он покорно распластался и застыл в самой смиренной позе. Победитель даже не прикоснулся к поверженному врагу. Сохраняя гордый и угрожающий вид, он ждал, пока побежденная игуана уползет прочь. Эта сцена действительно напоминала старинные рыцарские турниры, где противники мерились силами, но не наносили друг другу увечий.

Линдаль восхитился целесообразностью природы. Он понимал, что, поступая таким образом, игуаны руководствуются инстинктом сохранения рода, ибо, пустив в ход острые зубы, они, несомненно, нанесли бы друг другу серьезные ранения. Мудрый инстинкт дает возможность слабейшему из соперников, обычно молодому самцу, достигнуть зрелости и полной силы.

Наблюдая за игуанами, Линдаль ни разу не взглянул на море. А он мог бы разглядеть на горизонте темную черточку. Это на всех парах шел к острову небольшой сероголубой миноносец под флагом американских военно-морских сил.

...Оказывается, сигнал Линдаля заметил летчик ночного бомбардировщика, базирующегося на аэродроме на острове Бальтра. Командование военной базы забеспокоилось, выслало на разведку миноносец.

Когда Линдаль, ошалев от радости, целовался с янки и перетаскивал в мотобот коллекции и убогие пожитки, он даже не вспомнил о Киде. Нет, он не забыл о нем, он просто не вспомнил.

Человек живет не только умом, но и сердцем. Сердце Линдаля никогда не забывало о Киде, но мозг, всецело занятый общением с людьми, общением, без которого он истосковался до предела, не вспомнил о дельфине.

И лишь когда на миноносце заработали машины и Линдаль последний раз взглянул на свой остров, он вспомнил о Киде. Линдаль стоял на корме и разговаривал с молодым капралом морской пехоты. Капрал сидел на корточках, обхватив обеими руками автомат, и засыпал Линдаля вопросами. Его интересовало буквально все: что Линдаль ел, на

каком месяце одиночества прикончил последний запас спирта.

Мысль о Киде острой болью отозвалась в сердце Линдаля. Он готов был кинуться к капитану и умолять его подождать с отплытием или же просто прыгнуть за борт и вплавь добраться до берега.

— Кид! Кид! Кид! — закричал Линдаль, сложив руки рупором.

И дельфин услышал его. На миноносце не успели еще выбрать якорь, как Линдаль заметил Кида. Животное не плыло, оно летело на зов. За несколько футов до корабля дельфин взвился в воздух. Линдаль протянул к нему руки, пытаясь не то что-то сказать, не то обнять Кида. У самого уха Линдаля коротко пророкотал автомат. Не закончив красивую параболу, дельфин обрушился в воду и скрылся под волнами, оставляя на поверхности кипящие красные пузырьки.

— В самый раз! На взлете, — сказал капрал.

Линдаль издал какой-то хрип и, бросившись на капрала, сбил его с ног. Ожесточенно в полном молчании он колотил его головой о палубу. Линдаль не чувствовал ни того, как его оторвали от лежащего в беспамятстве американца, ни того, как его сначала долго били ногами, а потом бросили в темное тесное помещение под самым камбузом.

Линдаль был уверен, что американец убил Кида.

В Англии Линдаля никто не ждал. Ведь была получена весть о его гибели. На песчаной мели пустынного берега Флориды обнаружили перевернутый «Галапагос» и, не найдя нигде следов Линдаля, решили, что его уже нет в живых. Родители Персиваля долго не верили в его гибель. Жена... Не то чтобы она нашла себе кого-то другого, просто уже больше не ждала. Не ждала, и все.

Вот и вся история про Линдаля...

А Кид остался жив. И все время ждал, что Линдаль вернется. Он и теперь, наверное, ждет. Вот вы улыбаетесь, а я знаю, что Кид ждет Линдаля.

После того как американцы построили на Бальтра свою базу, Черепашьи острова перестали быть уединенным местом затерянного первобытного счастья. Теперь туда часто заходят корабли да и туристы приезжают. Приезжают они и на Эррахуэс. И как только к подводной гряде рифов подходит какой-нибудь корабль, к нему подплывает дельфин. Наверное, он думает, что на этом корабле возвращается Линдаль. Дельфин пристраивается к носу корабля и плывет вперед, все время оборачиваясь, точно приглашает следовать за собой. Он ведет корабль к единственному проходу в рифах, откуда открывается вид на большой галечный пляж. За это моряки и прозвали его лощманом.

А что он белый, выдумали писатели. Они сочинили и трогательную историю о том, как дельфин-альбинос был изгнан из родного стада и приплыл к человеку.

Но Кид не альбинос, он обыкновенный дельфин.

Конечно, вы можете улыбаться сколько угодно. Но поговорите с акустиками тех кораблей, которые ходят у побережья Центральной и Южной Америки. Они вам многое могут рассказать. Достаточно появиться около корабля дельфинам, чтобы гидрофоны уловили их крики. И как вы думаете, что они кричат?

«Персиваль! Персиваль!» — вот что они кричат. И это не один Кид, а все дельфины той части Тихого океана. Все дельфины, понимаете?

Вы удивляетесь, потому что вы не натуралист. А будь вы натуралист или океанолог, вы бы иначе отнеслись к моему рассказу. Что бы я ни услышал о дельфинах, я не удивляюсь. Потому что я знаю, что такое дельфин. По степени развития центральной нервной системы некоторые ученые ставят их рядом с шимпанзе или собакой, на третье место после человека. Вы послушайте, что пишут сейчас о дельфинах... Я вам прочту... Подождите только, найду это место. Ага! Вот оно! Слушайте...

Мозг дельфинов по весу, строению мозговых извилин, количеству нервных волокон в кубическом сантиметре очень похож на человеческий. Более того, как показывают наблюдения, у дельфинов очень сложная система сигнализации, своеобразный язык. Одинокий дельфин удивительно молчалив; два дельфина оживленно обмениваются сигналами; когда же их много, они болтают без умолку. Впрочем, нашим человеческим ушам их болтовня не грозит: дельфины общаются в ультразвуковом диапазоне. Но слышат они звуки вплоть до частоты 120 тысяч герц, тогда как предел слышимости человека лишь 20 тысяч.

Язык дельфинов отличается удивительной особенностью. Дельфины похожи на музыкантов, которые, беседуя, аккомпанируют себе на нежной арфе, подчеркивая мелодией свои слова.

16 апреля 1960 года профессор Джон С. Милли с помощью электронных приборов установил, что дельфины обогатили свой лексикон человеческими словами. Фраза, сказанная Милли, была повторена дельфином. В ходе дальнейших опытов выяснилось, что это отнюдь не случайность. Дельфины подражали человеческим словам и даже смеху.

По способности запомнить и воспроизвести непонятное слово дельфины превосходят детей, попугаев и даже... взрослого человека. Они воспроизводят услышанное с первого раза и в совершенстве! Что это? Необычайная способность к подражанию или нечто большее?

Ну, как вам это нравится?

Творчество популярного советского писателя Николая Грибачева на редкость разнообразно по жанрам. Николай Матвеевич пишет прозу, стихи, публицистику, очерки, книги для детей, литературную критику. Проза Грибачева широко известна читателям. Это прежде всего сборники рассказов «Августовские звезды», «Женя», том «Путешествия». Но мало кто знает, что Николай Матвеевич — автор нескольких приключенческих произведений: рассказов и повести «Огни в тумане», опубликованной в 1946 году.

Николай Матвеевич долго жил и работал в Карелии. На карельском материале им написаны поэмы «Конец пути» и «Видлица», много стихотворений, рассказов, в том числе и «Черная Ламба».

Впервые «Черная Ламба» была опубликована в 1939 году в журнале «Вокруг света».

ЧЕРНАЯ ЛАМБА

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Мне поручили обследовать и нанести на карту один из горных кряжей у Полярного круга. Этот кряж протяжением около тридцати километров начинался у большого озера Шамбо и, постепенно понижаясь, заканчивался в непроходимых дебрях, в дикой глуши у Черной Ламбы — маленького, словно искусственно высеченного в граните, озера. В тресте говорили, что на этом странном озере водятся лебеди и по весне оно бывает совершенно черным от утиных выводков.

Вот и все, что мне было известно о местности, в которую я ехал. Остальное надлежало выяснить при топографических съемках.

К озеру Шамбо мы приехали в начале июля. Вокруг лежали девственные леса, с воем прыгали по камням пенистые реки, по утрам долины курились фиолетовым паром, и наша палатка казалась игрушечным парусником, заблудившимся в беспредельности океана. Белые ночи подавляли своей строгой ясностью и тишиной, страстные песни косачей и пересвист рябчиков

постоянно сопровождали нашим голосам. День за днем подвигались мы вперед, и голова кружилась от солнечных бликов, плеска и сверкания воды, пения птиц, и казалось, не мы идем, а нас уносит зеленая и величественная река.

Только в начале сентября, когда лето быстро пошло на убыль и на зеленых гребнях лесов закружилась рыжая пена листопада, попал я к Черной Ламбе. Закат уже погас, и белые отсветы его недвижно покоились на гладкой, совершенно круглой поверхности озера, словно лимонный сок на синем блюдецке. Стрельчатые, увешанные седыми лишаями ели плотно обступили берег, и в некоторых местах пришлось пустить в ход топор, чтобы пройти самим и пронести инструменты.

Когда вышли к воде, мы увидели в конце озера, в чаще молодого ельника, избу. Низкая, черная, опиравшаяся углами на огромные валуны, она была похожа на старушку, зачерпнувшую воды и присевшую отдохнуть перед восхождением на гору.

— Что же ты, — спросил я проводника, — не знаешь?

Приземистый, светлоусый, он пожал плечами.

— А что с того? Сумасшедший старик!

— Все-таки жилье, — сказал я.

— Недоброе жилье, — помолчав, заметил проводник. — Наши боятся, беда приключиться может.

— Ерунда!

Проводник недоуменно приподнял брови, пожал плечами, словно снимая с себя всякую ответственность, и молча отошел, а я, обрадованный предстоящей встречей и подогретый таинственным предостережением, решил поселиться в избушке. На следующий день пришел к избе, распахнул черную дверь и увидел старика, неспешно набивавшего патроны для ружья. Он не ответил на мое приветствие, даже не повернул головы. Я подошел, сел рядом и, закурив, сказал, что надоело жить в палатках, что пришел проситься на постой и ценой не поскучплюсь. На очень короткий миг рука старика задержалась в воздухе, он искоса, краем глаза, взглянул на меня и снова погрузился в свое занятие. Только когда я встал и направился к двери, он вдруг заговорил, заговорил так неожиданно, что я вздрогнул:

— Изба велика, живи... Живи, говорю!

Так я поселился в этой избе, и кстати: погода вскоре испортилась. Рабочие ушли в деревню, и я неспешно, пользуясь полным одиночеством, принялся за обработку материалов и вычерчивание плана. Старик молчал. Слова, услышанные мной в первое посещение, были единственными произнесенными им. Уходя порой в лес, я пел, смеялся, разговаривал сам с собой, а возвратившись, молчал: боязливый, вечно настороженный взгляд старика сковывал язык. Первое время, до ухода рабочих, эта дикая замкнутость на целые дни выгоняла меня из избы, и я ночевал в палатке; потом несколько раз пытался вызвать старика на разговор, расспрашивая об охоте, о рыбной ловле. Однако он продолжал молчать и лишь порой, когда я был особенно назойлив, ворчанием выражал недовольство.

Однажды вечером, в дождливую, скучную погоду, мы сидели у печки. Глядя на тлеющие угли, медленно исчезающие под серым налетом пепла, я вдруг, сам не знаю почему, сказал, что, наверное, в таких местах обязательно должно водиться золото.

— Золото?

Я оглянулся на старика — он ли это сказал? Привыкнув к его постоянному молчанию, я готов был счесть все за галлюцинацию слуха.

— Золото? — повторил он еще более зловещим тоном. — А кто дал тебе право на это золото? Кто ты такой?

Мне стало не по себе. Растерянно, запынаясь, я пытался объяснить, что я не золотоискатель, что мне лично золото, пожалуй, вовсе ни к чему.

— Для государства, отец. Какое там еще право!..

— А-а... Для государства, говоришь?

Казалось, старик задохнется от бешенства. С ужасом я увидел, как начали медленно подниматься его руки с крепкими, узловатыми, черными от работы пальцами, как, привстав, он склоняется ко мне с очевидным желанием вцепиться в горло. Я мог бы свалить его с ног ударом кулака, но, по-видимому, необычность обстановки лишила самообладания. Наконец я по-

тянулся к заднему карману, где у меня лежал браунинг. Не знаю, то ли понял старик смысл моего движения, то ли припадок бешенства прошел сам собой, но вдруг он глубоко вздохнул, положил руки на колени и медленно опустился на самодельный табурет.

— Многие ищут золото, — закрыв глаза, тоскливо и словно прислушиваясь к своим словам, проговорил он. — Многие, да... А где оно, где?

«Он сошел с ума от одиночества», — подумал я. После этого случая я несколько ночей подряд не мог спать, раздумывая над странным поведением старика.

Снова на Черную Ламбу я приехал весной. Роняя белую чешую, над озером отцветала черемуха, пищали в зарослях камыша утята. Мои прежние страхи за зиму прошли, и я решил на этот раз также поселиться в избе старика, тем более что это избавляло меня от комаров и едкого дыма костра.

Мне открыла девушка. Ее появление было столь неожиданным, что я растерялся и, не в состоянии вспомнить ни одного подходящего к случаю слова, молча топтался на месте. У нее были стройные, изящные девические ноги, тронутые первым заггаром, тонкая и гибкая талия и чуть рыжеватые, отливающие старой бронзой волосы.

— Здравствуйте! — сказала она просто.
Я продолжал смущенно молчать.
— Если вы к дедушке, то его нет дома, он на охоте. Впрочем, входите.
— Извините, — сказал я, — не знаю, кто вы и откуда, но у меня дело к хозяину.
— Только-то? Я замещаю его, я хозяйка!
— Вы?
— Ага.
Так началось наше знакомство.
Часто мы сидели над озером. Поддразнивая меня, она говорила:

— Ну, как не стыдно тебе сидеть здесь второй год и только чертить, чертить, чертить? Тут, говорят, не то железо, не то медь водится — не знаю. Вот и открой что-либо такое, совсем замечательное.

— И открою.

— Где тебе...

— Ей-богу, открою! Знаешь, я открою богатую руду, и на этом самом месте, где мы стоим, будет город...

Минуту спустя я сказал:

— Знаешь, что я открою? Золото!

Она вздрогнула.

— Как ты сказал: золото?

— Почему же нет?

— А я не хочу!

— Почему?

— Не надо!

— Почему?

— Мне не нравится золото, оно портит людей...

— Не понимаю.

— Один уже помешался на золоте, — она кивнула в сторону избы, — теперь начинает другой. Молчи, или дед перережет тебе горло.

— Почему?

Она молчала. Потом неловко рассмеялась.

— Не будь чудачком! Разве ты не видишь, что дед помешался на золоте? Почему, спросишь ты? А я откуда знаю! Мне известно только, что это какая-то тайна, связанная с замужеством моей сестры.

— Разве у тебя есть сестра?

— Да, только я не знаю, где она.

Этот разговор, довольно странный для нашего времени, послужил причиной длительного отчуждения между нами. Однако все мало-помалу наладилось, и под осень я совершенно забыл об этом случае.

И вдруг произошло еще одно событие, окончательно поставившее меня в тупик.

Я стоял на вершине холма, неподалеку от избышки, набрасывая схему долины и реки, то пропадавшей в лесу, то выплывавшей лениво и нехотя на болотные прогалины, и вдруг мне почудилось, что кто-то поет в лесу. Свернув блокнот, прислушался: действительно, песня, подобно эху, неслась из глубины долины, но слов не разобрать. Я укрылся в чаще можжевельни-

ка и стал ждать. Вскоре песня приблизилась, точнее не песня, а пенне, этакое попури, в котором самым причудливым образом перемежались финские, карельские и русские напевы.

Из-за холма показалась сначала огромная широкополая соломенная шляпа, за ней — красное, размеренное зноем и ходьбой лицо, потом — полосатая шерстяная рубашка и финские сапоги с загнутыми носками. При виде столь странно одетой долговязой фигуры с берданкой и рюкзаком за плечами я чуть не расхохотался. А человек, продолжая распевать, спустился по склону и направился к избушке. Раздираемый любопытством, волнуемый самыми различными мыслями и подозрениями, я с трудом проработал до обеда и поспешил домой.

Гость сидел в углу, под образами, что-то рассказывал Анни и по временам раскатисто хохотал. При моем появлении он умолк, но продолжал улыбаться — видно, что у него был приветливый и веселый нрав.

— Это мой приятель, — сказала Анни. — Он...

— Я друг ее, верный друг, рыцарь и оруженосец, — перебил он. — Спаси господи, чего только я о ней не передумую, когда она скроется, как звезда в облака... Зато и радуюсь же я, когда она приезжает, — иду и пою, сижу и пою, сплю и... разве что когда сплю, так умолкаю.

— Он шутит, — покраснев, заметила Анни.

— Я шучу? Ох, Анна, неблагодарная! Знаете, — обернулся он ко мне, — все девочкой была она, а вот уже и женщина начинает сказываться. А, да что говорить, пропал я теперь на верняка!

Завязался довольно оживленный разговор, из которого я узнал, что мой новый знакомый — учитель одной из ближайших школ, что он любит целыми неделями бродить по тайге и два-три раза за лето заходит в гости на Черную Ламбу. В свою очередь, Пекка — имя у него было финское — проявил живейшую любознательность, расспрашивал меня о причинах заточения в глуши, о том, как подвигается работа, о принципах топографии.

— Да зачем вам это? — смеялся я.

— Это вы напрасно, — серьезно сказал он. — Я часто брожу по глухим, неизвестным местам. Разве между дел не мог бы я набросать хоть схематичный план их? Это очень-очень было бы полезно!

— Что ж, — сказал я, — если это вас так интересует, могу дать несколько уроков, но при условии, что весь собранный материал вы будете посылать нам.

Он с удовольствием согласился, и в тот же вечер мы приступили к занятиям. Прилежным учеником оказался не только Пекка, но и Анни. Забавно и радостно было мне смотреть на их прилежание. Впрочем, Пекка намного обогнал Анни: у него была совершенно изумительная способность схватывать на лету сущность самого запутанного объяснения, и однажды я даже спросил его:

— Вы, наверное, занимались геодезией прежде, во время учебы?

Он порозовел от удовольствия.

— Если это не комплимент, то очень высокая похвала. Нет, я не занимался геодезией, но всегда любил геометрию.

Действительно, сомнения мои сразу рассеялись, как только он взялся за инструменты, — он решительно не знал, с какой стороны к ним подойти, не отличал верха от низа.

Однажды вечером Пекка попросил меня показать только что вычерченные планы; он долго и внимательно изучал их, а потом вдруг спросил, не собираются ли здесь прокладывать дороги.

— Это было бы очень большое дело, очень. Может, здесь даже руда есть?

— Скажите, вы финн? — выпалил я давно навязший вопрос.

— Да, — ответил он просто.

— Вы очень быстро изучили русский язык.

— Я жил до восемнадцатого года в Петрограде, затем сражался в Красной гвардии в Гельсингфорсе и, когда погас красный огонь на башне Рабочего дома, бежал сюда.

Пекка прожил с нами две недели. Вскоре после его ухода мне принесли письмо из треста, в котором предлагали остаться на Черной Ламбе до половины зимы и нащупать профиль для шоссеиной дороги.

Наступила осень, и Анни уехала в техникум — продолжать учебу. Ушли и рабочие. Снова мы со стариком сидели в молчании по вечерам, снова я испытывал неприятное чувство человека, которому собираются всадить нож в спину из-за угла. Но делать было нечего — барака в одиночку не выстроишь. Я продолжал заниматься рекогносцировкой, обработкой материалов, вычерчиванием планов.

Времени свободного оставалось много, и понемногу я пристрастился к охоте. Мне удавалось подстрелить то глухаря, то зазевавшегося зайца, то лису. За это время еще раз, на два дня, заходил Пекка — принес старику спички, табак, порох и дробь. Встреча вышла холодной — при его появлении, неожиданно для себя, я начал вспоминать, что Пекка и Анни, когда я работал, на целые дни уходили охотиться в долину, что при моем появлении они прерывали разговор. Удивительно, как я не обратил на это внимания раньше!

— Ну, а как с топографией?

Пекка огорченно махнул рукой.

— Все некогда было... Вот собираюсь...

Анни приехала на каникулы. Она прошла в один день свыше сорока километров на лыжах, была усталой и очень грустной. Под вечер она собралась прибирать избу, а мне предложила прогуляться, чтобы не мешать ей.

Я захватил ружье, надел лыжи и, насвистывая, пошел бродить по лесу. И нужно было проклятой охотничьей страсти на этот раз так увлечь меня, что я пробуждал вместо двух-трех часов до полуночи! Признаться по совести, мне очень хотелось похвастать перед Анни успехами в охоте — ведь известно же, что на севере больше всего ценятся качества хорошего охотника.

Была полночь, когда я подошел к дому. Меня поразило отсутствие света в окнах. Я даже остановился посреди озера, подзревая, что сбился с пути.

Дверь в сени я нашел открытой, но не удивился, потому что на севере их часто и вовсе не запирают на ночь. Только когда я нашел открытой и дверь избы, когда мне бросилось в глаза разбитое окно, я понял, что случилось необычайное. От ужаса и щемящего чувства тоски, от страшного одиночества, которое внезапно ощутил я с потрясающей остротой, мне хотелось закричать, но я не проронил ни звука — страх сковал язык. Я стоял, прислонившись к косяку, и чувствовал, что у меня подкашиваются ноги. И вдруг заметил, как медленно-медленно, бессильно поводя руками и дергаясь головой, начинает подниматься старик. Его фигура, уже покрытая снегом, в сумерках казалась призрачной, неестественной. Моя рука, лежавшая на спуске ружья, произвольно дернулась, и выстрел в потолок, прозвучавший в безмолвии подобно грому, на миг осветил черные стены, перевернутые стулья.

— Золото, — хрипя и задыхаясь, прошептал старик, — они унесли мое золото! О мое золото, мое золото!

Эти слова, столь раздражавшие меня уже два года, разрушили оцепенение, в котором я находился. Я бросил в угол ружье, снял рукавицы, подошел к старику. Руки мои наткнулись на теплую и липкую струю, стекавшую у него по левому боку.

— Где Анни? — словно в забытьи, твердил я. — Анни...

Зайкаясь, старик попытался ответить, но зубы его стучали от холода. Я кинулся к печке, ощупью нашел керосин и, плеснув им на дрова, развел огонь. Потом взял старую шубу и заткнул разбитое окно.

— Где Анни? — снова спрашивал я.

— Они унесли мое золото. Она пошла, чтобы вернуть!

Больше от старика ничего не удалось добиться. Его интересовало только одно — золото и вернет ли его внучка. Он был в предсмертной агонии.

Я метался по избе, словно помешанный, не зная, что предпринять, как поступить. Страх уже прошел, но способность воображать еще не вернулась. И вдруг я заметил, что папки с топографическими материалами, лежавшие на столе, в беспорядке разбросаны и от двух или трех остались только обложки.

Тогда, наконец, разумная мысль осенила меня: преследовать. Как же я не догадался раньше? Схватив ружье, проверив патронташ и захватив запас патронов, я выбежал из избы и стал на лыжи. И в тот момент, когда стал обходить вокруг дома, отыскивая след, до моего слуха долетел смех старика:

— Он пошел, он тоже пошел! Он тоже хочет золота!.. Аха-ха...

Дрожа от возбуждения и терзаясь неизвестностью, я побежал прочь от этого сумасшедшего дома.

Если бы не звезды, я окончательно запутался бы в лесу и, вероятно, заблудился. Но при свете звезд, неярком, рассеянном, все же совершенно отчетливо виднелся на снегу глубокий лыжный след. След был только один, но ясно, что Анни также прошла здесь. Я успокоился, и только сердце непонятно ныло, как при огромной утрате.

Так я прошел около пятнадцати километров. След дважды пересек лесную дорогу, и, несмотря на петли, которые делал

лыжник, подымаясь на увалы, несмотря на отклонения от прямой, я все больше и больше убеждался, что преступник уходит к границе и уходит изо всех сил, стараясь выиграть как можно больше времени.

Уже рассветало, когда я обратил внимание на то, что в одном месте лыжный след прерывался и на снегу совершенно четко отпечатались фигура человека. Обойдя несколько раз вокруг сугроба, хранившего странную форму, я пришел к единственно правильному, как мне показалось, выводу, что с лыжником или лыжницей здесь случилось обыкновенное происшествие. Однако несколько дальше я еще раз наткнулся на такой же отпечаток, лишь несколько больший по размерам. Это слишком частое падение было подозрительным. Я внимательно исследовал снег и нашел револьверный патрон крупного калибра, вероятно кольтовский.

В волнении присел я прямо на снег и отер потный лоб. Через минуту встал и пошел снова. Дальше была гора, у подножия которой по берегу озера проходила дорога. Скатившись с горы, я затормозил лыжи и, потеряв равновесие, полетел в снег. Забыв даже вытереть кровь с лица; оцарапанного ветвями, и стряхнуть снег, я кинулся к дороге: на ней прямо посередине багровело свежее кровавое пятно. Снег в этом месте был истоптан, словно здесь прошло несколько человек, а от дороги к озеру вела дорожка, похожая на красный шов вышивальщицы. Пройдя по следу до конца, я увидел, что он обрывается у проруби, которую, очевидно, прорубили крестьяне, чтобы поить лошадей.

Может быть, именно в эту минуту я и поседел. Совершенно отчетливо я представил себе, как бандит убил Анни выстрелом, когда она спускалась с горы, не подозревая, что враг притаился в елях, как затем он оттащил труп к озеру и спустил под лед.

Долго простоял я над прорубью, мысленно прощаясь с Анни. Возможно, я плакал. Может быть, просто не думал ни о чем. Я очнулся от резкого холода, поднимавшегося от ног к сердцу. Тогда во мне закипело бешенство, желание бить, душить, топтать негодяя, осмелившегося поднять руку на девушку. Я забыл о старике, одиноко умиравшем в заброшенной избе, забыл о его сумасшествии, его золоте, и во мне осталось только желание во что бы то ни стало догнать того, кто шел впереди.

После сам удивлялся: как это я не разбился во время бешеного бега? Я шел по следу, как собака, ни разу не останавливаясь, не задумываясь, подобно лунатику, скользил с круч, с которых при других обстоятельствах не согладался бы съехать ни за какие блага в мире.

И, наконец, я догнал его!

Я увидел его километра за полтора, при подъеме на одну из гор, и, сам не отдавая себе отчета в том, что делаю, выстрелил, словно приглашал его подождать, чтобы вступить в единоборство. Странное рыцарство! Я видел, как он на минуту остановился пораженный, а затем исчез за гребнем горы. Но я знал, что теперь он от меня не уйдет!

Я догнал его. Когда он увидел меня метрах в ста от себя, вдруг круто свернул с просеки, по которой шел, и бросился

в снег. Почти инстинктивно я сделал то же самое, и в ту же минуту над моей головой запели пули.

«Хорошо! — подумал я. — Хорошо! Я не стану тебе отвечать, не стану даром тратить патроны. Я тебя заморожу на месте или уложу, когда ты поднимешься, чтобы идти...» И я удобнее устроился в снегу с твердым решением скорее замерзнуть, чем выпустить его живым.

По-видимому, он понял, что стрелять без хорошо видимой цели, да еще из револьвера, бесполезно. Тогда наступила необык-

новенная, до глубины души поразившая меня тишина. Я лежал и удивлялся тому, что делаю, лежал и думал: не сплю ли я, в действительности ли все это происходит?

Вероятно, прошло несколько часов, прежде чем я увидел, что мой противник медленно поднимается из снега, пытается незаметно поползти до густой гривы ельника и укрыться за ней. Усмехаясь и дрожа от возбуждения, я поднял ружье и, уловив в просветах елей его фигуру, выстрелил сразу из двух стволов. Короткий, сдержанный стон, более похожий на вздох, был ответом на выстрел.

Осторожно пробрался к противнику. Он лежал ничком, зарывшись головой в снег, и рюкзак, плотно привязанный, мешал ему встать. С брезгливой осторожностью я распустил лямки рюкзака, вырвал из руки и бросил в снег кольт, затем, еще раз оглядев эту долговязую, нескладную и такую знакомую фигуру, перевернул его на спину. Бледное, изможденное, покрытое морщинами преждевременной старости, незнакомое мне лицо. Глаза его были закрыты, и только веки едва заметно вздрагива-

ли да слегка раздувались ноздри. Хотелось раздавить эту гадину, увидеть, как он, подобно жабе, которую переехало колесом, станет корчиться в предсмертных судорогах. Но он вдруг, словно угадав мои мысли, открыл глаза и прошептал спокойно:

— Не надо!

...И вот мы сидим при свете костра — двухчасовой день кончился, — сидим оба молчаливые, оба настороженные. Я уже осмотрел его рану, и она оказалась не опасной — он упал не потому, что его сразила моя пуля, а потому, что это была уже вторая рана, первую ему нанесла Анни. Он обессилел и от боли, причиненной моей пулей, потерял сознание.

Постепенно приятная теплота разливается по телу, и я чувствую, как меня одолевает сон, неудержимый, беспощадный. С огромным усилием я отгоняю дремоту и снова вижу чуть прищуренные, печальные и вместе с тем полные ненависти глаза, которые следят за мной из-под полуопущенных ресниц. «Чего он ждет?» — думаю я. Проходит минута, пять, десять, и вот, словно сквозь густой туман, замечаю, как он медленно-медленно начинает подниматься, становясь на четвереньки, как, придерживаясь за ветку ели и судорожно перекосив лицо от боли, выпрямляется и достает откуда-то из-под полушубка финский нож. Холодное желание убить снова овладевает мной, и руки судорожно, до ломоты, сжимают ствол ружья. Но я не делаю ни одного движения, и только злорадная усмешка победителя помимо воли появляется у меня на губах. В ту же минуту он тяжело опускается в снег.

— Трус! — говорю я, открывая глаза. — Гадина!

— Послушай, — говорит он, — отпусти меня.

Это предложение застает меня врасплох. А он продолжает, словно поощренный моим изумлением и молчанием:

— Здесь в рюкзаке у меня на тысячи рублей золота. Ведь ты знаешь это? Отпусти меня, возьми себе половину.

Опять это проклятое золото! Так, значит, это не бред, не сумасшедшая мания старика? Значит, это золото существует в действительности?

— А материалы? Профили дороги, эскизы, проекты?..

Он молчит, съезживаясь и подвигаясь к огню.

— Я возьму все, — говорю я после паузы. — Я возьму все, а после этого подумаю, что мне сделать с тобой.

Пристально смотрю на него, и мне кажется, что в глазах его появляются слезы. Жалкий его вид, растерянность вызывают во мне новый прилив злобы и гадливости.

Некоторое время он молчит.

— Ты давно знаком со стариком? — спрашивает он меня.

— Раньше, чем ты.

Он отрицательно качает головой.

— Ты слишком молод. Хочешь, я расскажу тебе о нашем знакомстве?

Я молчу.

— Так вот, — продолжает он, — был такой прапорщик Елисеев, в тысяча девятьсот двадцатом году стоявший со своими солдатами у озера Шамбо. Этот прапорщик однажды под вечер попал на Черную Ламбу и попросился переночевать. Старик, хозяин избы, пустил его, а дочь, тонкая, стройная блондинка с голубыми глазами, постелила ему постель. С тех пор у прапорщика в районе Черной Ламбы оказалось вдруг множество неотложных дел, и он всегда заходил ночевать к старика с внучкой.

— Думаешь разжалобить? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Если ты у меня отберешь золото, мне больше нечего ни жалеть, ни бояться. Но ведь ты не посмеешь заснуть из боязни, что я тебя задушу. Мы оба знаем, чего хотим, так не все ли равно, как скоротать ночь? Ведь не думаешь же ты идти ночью?

— К чему мне твои рассказы?

— Выслушай, — страстно кричит он, — выслушай и постарайся понять! Ты, кажется, любишь Анни, да? Молчи, не угрожай, — ты любишь Анни, а ее сестра — моя жена. Слушай же!

Я молча киваю головой. Вижу всю его игру, замечаю, как в его воровато бегающих глазах мелькают злорадство и надежда, но не смею его остановить.

— Так вот, упомянутый прапорщик Елисеев, или, что то же, я, женился на сестре Анни, которая в то время была еще совсем девочкой. Мы поженились, и я справлял свой медовый месяц. Деньги у меня были — это мои деньги, — кивнул он на рюкзак, — я взял их у местных попов. Мне предстояла хорошая будущность, я был на прекрасном счету у финского командования и со дня на день ожидал повышения по службе, тем более что часть юности провел в Финляндии, в Таммерфорсе, и финским языком владел в совершенстве. Но тут случилась маленькая неприятность: красные погнали нас к границе. Мы отступили.

Я трус, я не скрываю этого. Никогда я не бывал в бою впереди, никогда не рисковал. И одна мысль, что о моем золоте могут узнать, приводила меня в состояние неопишемого ужаса.

С момента, когда я узнал, что нашей армии пришел конец,

я ни одной ночи не провел спокойно. Мучительно, неотступно преследовала меня мысль о том, где скрыть золото, как его переправить. Я не доверял людям, и всех их считал подлецами, и не хотел поручить хранение кому бы то ни было, даже тестю. А с другой стороны, где же было мне и спрятать золото, как не у него?

И я спрятал. Угрожая револьвером, я приказал ему сидеть дома, а сам вышел и закопал золото под камнем, на наиболее возвышенном и заметном месте, справедливо полагая, что простое понимается в таких случаях наиболее трудно. После этого я долго бродил с фонарем по двору, возился в конюшне, подозревая, что старик будет подсматривать, и стараясь навести его на ложный след. И мне удалось его обмануть. На прощание я сказал ему:

— Смотри, что бы ни случилось, я вернусь за своим кладом и, если его не окажется, живьем сдеру с тебя шкуру. За золото ты отвечаешь мне своей головой!

У старика от страха и жадности побелели губы, но я не интересовался его мыслями. Я был человеком самоуверенным.

Два года тому назад я впал в ужасную нищету. Из армии меня уволили, считая, что финнами лучше смогут командовать сами финны. Сделали это под предлогом того, что еще не наступило время идти с рогатиной на медведя. «Если хотите, — сказали мне, — мы вам можем предложить работу в...» Но я отказался, на такие дела не гожусь. Я попытался найти приличную работу, но из этого ничего не вышло. Одно время работал гидом в музее, показывал знатым иностранцам всякие финские достопримечательности. Потом я работал на фабрике плавленого сыра, затем в мастерской точной механики. Отовсюду меня в конце концов увольняли, и, наконец, наступил день, когда мне не на что было купить завтрак жене.

Ты спросишь меня, почему я не пришел раньше? Потому, что многие ходили по более серьезным делам и с большим опытом — и не возвращались. К тому же мы трусы. Я видел много русских эмигрантов за границей. Мы превратились в жалких червей, которые ползают в постоянном страхе быть раздавленными и кормятся крохами, падающими с чужого стола. Я видел ваших за границей — ваших инженеров, ваших моряков. Это другие люди, и я их не понимаю. Однажды группа ваших зашла в музей, где я служил гидом, и я нечаянно обронил русскую фразу. Они спросили меня: не русский ли я?

— Нет, — сказал я. — Я только жил в России.

Я отрекся, потому что мне было стыдно за себя.

Так вот, я боялся. Я боялся, что меня убьют, я боялся и вас и самого себя, своего сумасшествия.

— А материалы? — снова настаивал я.

— Это случайность, честное слово...

— Может быть, обойдемся без ссылок на честность?..

— Все равно — это случайно. Я мог рискнуть перейти через один кордон, а не через два. Я просил капитана финского погранотряда пропустить меня. Он сказал: «Мы уважаем частные дела и пропустим вас, но вы должны собрать информацию, это цена нашей помощи».

Остальное просто. Я пришел к старику и заявил, что мне нужно золото и еще кое-что и все это я возьму. Сначала он кричал, что я беглый трус и вор, что золото принадлежит тому же, кому принадлежит и земля, в которой оно запрятано, потом стал мягче.

— У меня учился внучка, — твердил он, — я сторожил это золото пятнадцать лет. Я должен получить часть...

Какое мне было дело до внучек? Развязка произошла, когда я стал брать бумаги, — старик кричал, что он не позволит грабить гостя, что я отродье собаки и забыл северный обычай, по которому гость и его имущество неприкосновенны. Когда он попытался меня оттащить, я ударил его ножом. Я пришел издалека, я продрог, как собака...

— Рассказывай, как ты убил Анни, — говорю ему.

— Она меня ранила. Когда я увидел ее в избе в первый раз, я подумал, что схожу с ума, — так велико было сходство с моей женой. Но это была не моя жена — я узнал по глазам, по разговору, по удивительной чистоте, что она принадлежит другому времени. Но она не знала, кто я, и я ни о чем не говорил при ней.

Вот почти и вся история. Я провел с этим типом одни сутки, но услышал столько мерзостей, что порой мне казалось, будто сам стал грязнее. Впрочем, что ж, мы живем в другом мире, подобное ощущение понятно!

Концерт окончился. Трое друзей, случайно встретившихся в буфете и забывшихся разговором, уже собирались уходить, когда к ним подошла светловолосая стройная женщина. Она еще издали улыбнулась рассказчику и помахала ему рукой.

— Вы что же оторвали его от концерта? — обратилась она к приятелям.

Те конфузливо переглянулись и промолчали.

— Ну да ладно, — засмеялась блондинка. — Прощаю, но только пора и о доме подумать. Я подожду у зеркала.

— Кто это? — спросили приятели, когда женщина отошла.

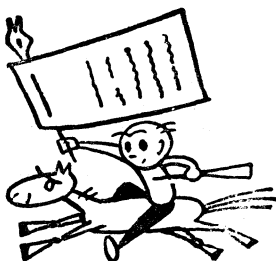
— Анни, жена.

— Позволь, ты же сказал, что Анни убили. Или ты нашел дубликат?

— Зачем убили? — улыбнулся рассказчик. — Я нашел ее после того, как свел на заставу «родственника» и похоронил старика. Анни была в больнице. Во время перестрелки, когда ее ранило, она захотела пить, ползком добралась до проруби, и тут ее подобрала проезжие крестьяне. Она, видите ли, верила в золото столько же, сколько и я, но она заметила кражу материалов и решила, что должна обязательно вернуть их... Да, впрочем, вы заходите-ка, Анни сама вам расскажет, как и что, она это умеет лучше меня. Хорошо?

В следующем номере читайте новые научно-фантастические и приключенческие произведения молодых писателей.

На 2-й стр. обложки: рисунок художника В. Чернецова к повести А. Леонхардта «Признание в ночи».

На 4-й стр. обложки: «На перехват». Фото Г. Омельчука с фотовыставки «Семилетка в действии», 1963 г.

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель А. ГУСЕВ.

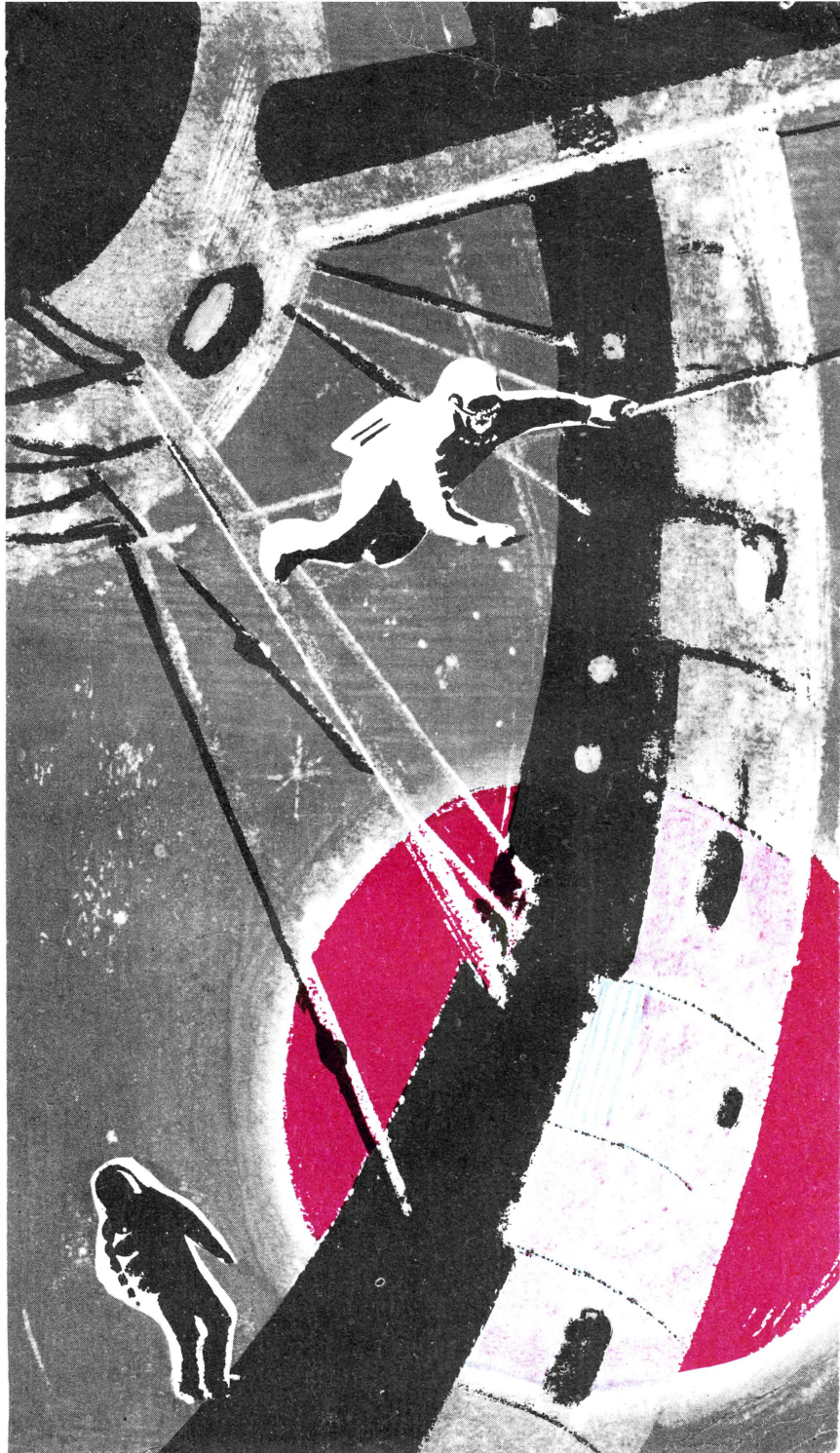
Рукописи не возвращаются.

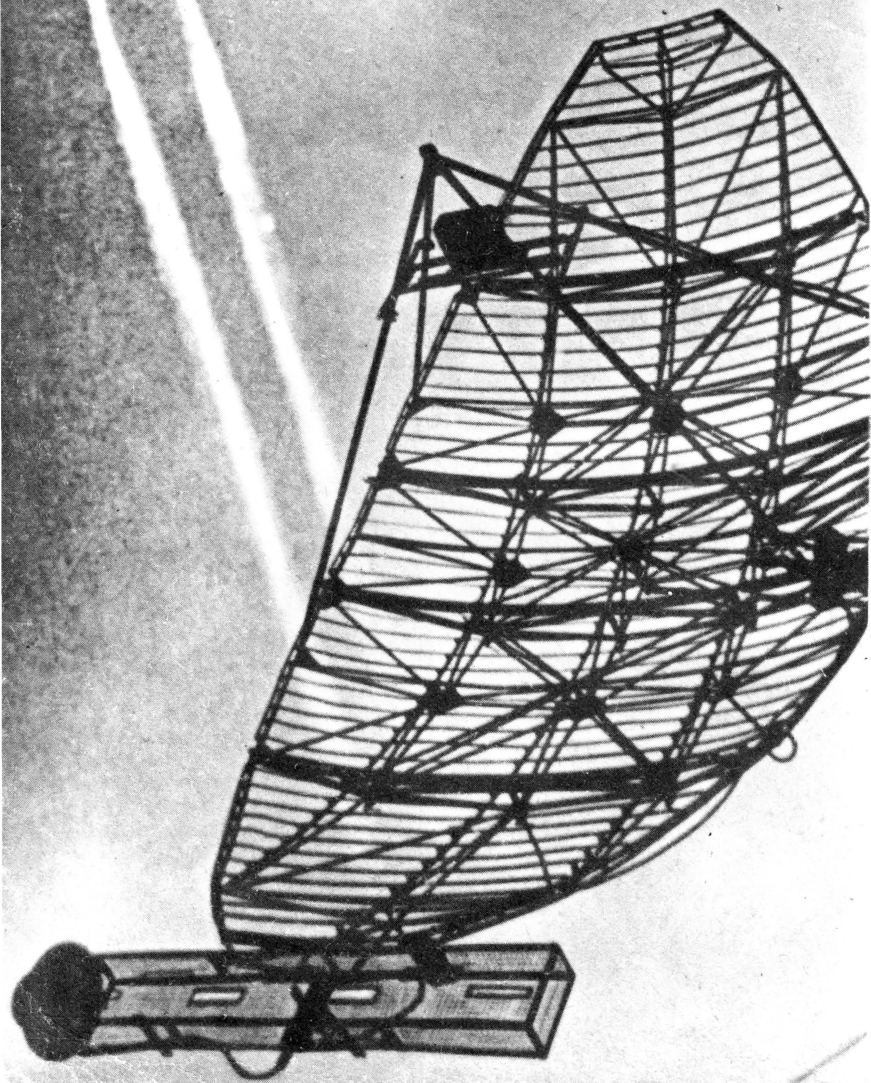
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: Москва, А-30, Суцьевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 3-93.

А01746. Подп. к печ. 12/II 1964 г. Бумага 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 5 (8,2)
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 2374.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцьевская, 21.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.